

Российская
академия наук

Институт
славяноведения

Исследования по славянской диалектологии

21–22

Российская академия наук
Институт славяноведения

**Исследования по славянской
диалектологии**

21–22

Москва • 2020

УДК 811.16
ББК 81.41
И 88

Авторы:

*М. М. Алексеева, Н. Е. Ананьева, И. А. Букринская, Е. Д. Гончаренко,
О. Е. Кармакова, Е. С. Лунькова, Г. П. Пилипенко, М. А. Посылкина,
В. П. Русак, С. Хабиянец, А. К. Шапошников, Е. И. Якушкина*

Редколлегия издания:

*д.ф.н. А. Ф. Журавлев (отв. редактор),
к.ф.н. М. М. Алексеева, к.ф.н. Д. Ю. Ващенко (отв. редактор выпуска),
к.ф.н. М. Н. Саенко, Анастасия К. Поливанова, М. Н. Толстая*

Рецензенты:

д.ф.н. Л. В. Куркина, к.ф.н. Г. П. Пилипенко

Исследования по славянской диалектологии. Вып. 21–22. – М: Ин-т славяноведения РАН, 2020. – 168 с.

Коллективный труд содержит статьи, основанные на докладах, прозвучавших в Институте славяноведения РАН во время двух Круглых столов в 2017 и 2018 гг.: "Семантические аспекты изучения славянских диалектов" и "Славянские диалекты в условиях межэтнического пограничья". Кроме того, в издании публикуются оригинальные записи диалектных текстов из экспедиций последних лет. Издание адресовано широкому кругу специалистов по диалектологии, социолингвистике и лексической семантике.

Сборник адресован широкому кругу специалистов в области языка и традиционной народной культуры: диалектологам, этимологам, этнолингвистам, фольклористам, этнографам.

The collective work contains academic papers presented at the Institute of Slavic studies of the Russian Academy of Sciences during two Round tables in 2017 and 2018: "Semantic aspects of the study of Slavic dialects" and "Slavic dialects in the interethnic borderlands". It also contains dialectal texts recorded during field trips over the past few years. The publication is addressed to a wide range of specialists in dialectology, sociolinguistics and lexical semantics.

ISSN 2618-8589

DOI серии: 10.31168/2618-8589

DOI выпуска: 10.31168/2618-8589.2020.21-22

© Институт славяноведения РАН, 2020

Содержание

Предисловие	5
<i>Н. Е. Ананьева.</i> Польская лексика в русских говорах (на материале «Словаря русских народных говоров)	9
<i>Е. Д. Гончаренко.</i> Динамика нормы в современном белорусском языке и диалектная основа	20
<i>Е. С. Лунькова.</i> Русско-белорусские диалектные соответствия (на материале смоленских, витебских и могилевских говоров)	35
<i>В. П. Русак.</i> Семантическая деривация и вторичные номинации в речи жителей белорусской деревни	57
<i>В. П. Русак.</i> Специфика лексической интерференции в белорусском языке в полилингвальной ситуации	66
<i>С. Хабянец.</i> Генетическая принадлежность загорских говоров с точки зрения фонологического развития	78
<i>А. К. Шапошиников.</i> География производных от именовании животных в топонимии одного восточноукраинского региона	91
<i>Е. И. Якушкина.</i> Семантические инновации в хорватских и сербских диалектах (на материале лексических выпусков Общеславянского лингвистического атласа)	104
<i>Е. И. Якушкина.</i> Лексические изоглоссы хорватско-сербского пограничья	109
<i>М. М. Алексеева.</i> Словарик говора пихтинских голендров	118
<i>И. А. Букринская, О. Е. Кармакова.</i> Образец говора белорусско- русского пограничья: мужская речь	127
<i>Г. П. Пилипенко.</i> Украинские тексты из аргентинской провинции Мисьонес	139
<i>М. А. Посылкина.</i> Образцы говора деревни Дубое Пинского района Брестской области	154

Предисловие

Настоящий коллективный труд серии «Исследований по славянской диалектологии» отражает содержание XXI и XXII Круглых столов по диалектологии, состоявшихся в Институте славяноведения РАН в ноябре 2017 г. («Семантические аспекты изучения славянских диалектов») и в ноябре 2018 г. («Славянские диалекты в условиях межэтнического пограничья»).

Материалы и наблюдения, которые читатель найдет в книге, можно надеяться, представят интерес для диалектолога, изучающего современное состояние славянской народной речи в широких пространственных и этнических границах, тенденции актуальных перемен, характер взаимовлияний, приобретений и утрат, для говоров нередко судьбоносных. Проблемный разброс разделов, формирующих коллективный труд, достаточно велик.

Вот лишь беглый обзор его тематики.

Н. Е. Ананьева, используя данные первых выпусков СРНГ, исследует лексические полонизмы в диалектах Смоленщины и окрестных территорий.

Е. Д. Гончаренко анализирует ощутимую сейчас тенденцию внедрения в белорусский литературный язык (литература, СМИ, интернет) лексика, фактов словообразования и грамматических форм, свойственных диалектам; пытается выявить зональные истоки наибольших влияний на норму, приводящих к трансформации диалектной базы белорусского литературного языка.

Изучая русско-белорусские диалектные соответствия на материале существительных в близкородственных смоленских, витебских и моголевских говорах и всматриваясь в семантическую динамику, *Е. А. Лунькова* приходит к наблюдению о том, что соотношение с существительным или прилагательным в качестве производящего слова в целом благоприятствует стабильности лексического значения производного слова, соот-

ношение с глаголом в качестве производящего, наоборот, может служить одной из причин для развития новых элементов значения у производного диалектного слова.

Исследования *В. П. Русак* посвящены белорусской диалектной лексике. Изучая явления семантической деривации, автор рассматривает различные отдельные модели формирования вторичных номинаций в белорусских говорах. Особое внимание уделяется метафорическим и метонимическим переосмыслениям, при которых окружающий мир интерпретируется в соответствии с мировоззрением носителей языка и совокупностью их представлений о действительности. Изучение таких названий ведет, по соображениям автора, к лучшему пониманию специфики белорусского менталитета.

Рассматривая диалектную лексику в общем контексте полилингвальной ситуации в Белоруссии, *В. П. Русак* касается общих вопросов лексической интерференции в условиях белорусско-русского литературного двуязычия. Автор отмечает, что современное белорусское общество стремится к симметричному двуязычию с одинаково хорошим владением белорусским и русским языками, и показывает, что лексические диалектизмы являются одним из ресурсов пополнения словарного состава контактирующих литературных языков.

С. Хабиянец касается вопроса достаточно сложного и во многом дискуссионного, а именно генетической принадлежности загорских говоров (северо-западная Словакия). Нерешенной при этом остается проблема, являются данные говоры словацкими по своему происхождению, либо же первоначально они представляют собой чешские говоры, которые впоследствии в ходе конвергентного развития подверглись словакизации. Анализируя в первую очередь фонетические диалектные и междиалектные корреляции, автор показывает справедливость второй точки зрения, отмечая при этом, что на синхронном уровне загорские говоры относятся к переходному типу.

А. К. Шапошников предпринимает попытку реконструкции физиографических примет определенного географического пространства (недолгих исторических областей Новосербии и Славяносербии на востоке современной Украины) по показаниям его топонимии. В этой работе во внимание берутся топоосновы, восходящие к названиям животных. Привлекаемые данные, помимо обрисовки воскрешаемого «мира животных», указывают на исходные пространственные характеристики говоров изучаемой территории.

Е. И. Якушкина, опираясь на показания лексико-словообразовательных выпусков Общеславянского лингвистического атласа, обращается к семантическим инновациям, появившимся в разные периоды развития языка в сербских и хорватских диалектах. Семантические новации (такие, как **kosa* ‘заплетенные волосы’ → ‘волосы вообще’, **drobь* ‘мелочь’ → ‘внутренности’, **skorlupь* ‘корка’ → ‘пенка на молоке’, ‘сливки’, **xytiti* ‘схватить’ → ‘бросить’, **l'ubiti* ‘любить’ → ‘целовать’, **obrazь* ‘лицо’ → ‘щека’ и др.) демонстрируют дифференциацию сербско-хорватской территории и ее связи с другими славянскими территориями.

В исследовании, посвященном изоглоссам хорватско-сербского пограничья, *Е. И. Якушкина* рассматривает различные лексемы в западных и восточных штокавских диалектах сербохорватского языка. Констатируется как сохранение общей лексики с праславянского периода, так и вытеснение некогда общих праславянских слов неологизмами. Формированию диалектных различий во многом способствовали заимствования из различных источников.

М. М. Алексеева публикует обретенный в экспедиции любительский словарь (около 170 слов) «голендров» (субэтнической группы, по одной из версий, голландского происхождения) — носителей украинского говора, в 1910-е гг. переселившихся по аграрной реформе Столыпина из Гродненской и Волынской в Иркутскую губернию. Их говор сохраняет западнополесские / волыноско-полесские особенности и несет заметные следы польского влияния.

Отдельный тематический блок составляют публикации материалов оригинальных полевых записей. Публикуемые в этом разделе диалектные тексты представляют как лингвистический, так и историко-культурный интерес, являясь живыми свидетельствами трудных судеб славянских народов в XX веке, в том числе в период Второй мировой войны.

Предметом интереса *И. А. Букринской* и *О. Е. Кармаковой* стала яркая монологическая речь одного носителя витебского (городокско-невельского) говора. Тексты сопровождаются фонетическим и грамматическим комментарием и послужили основой для суждений над различиями между мужским и женским нарративом.

Г. П. Пилипенко демонстрирует тексты, записанные в последние годы от носителей украинского языка, живущих в Аргентине. Приводимые материалы идентифицированы как относящиеся к галицко-буковинской группе (с возможным примешиванием черт карпатского ареала) и южно-волыньскому диалекту юго-западного наречия украинского языка.

М. А. Посылкина публикует диалектные тексты, записанные в 2015–2018 гг. на территории, по классификации Ф. Д. Климчука, северо-восточных загородских говоров (пинское Полесье, Брестщина).

Редакционная коллегия серии «Исследования по славянской диалектологии» считает долгом отметить исключительную роль в организации регулярных диалектологических Круглых столов и неоценимый вклад в формирование облика серии, принадлежащие замечательному диалектологу-слависту Людмиле Эдуардовне Калнынь, и выразить ей свою глубокую признательность.

А. Ж.

Н. Е. Ананьева (Москва)

Польская лексика в русских говорах (на материале «Словаря русских народных говоров»)

Идея анализа материалов «Словаря русских народных говоров» (далее СРНГ) с точки зрения представленности в нем генетических полонизмов появилась у меня во время работы над статьей, посвященной номинациям внебрачного ребенка в русских говорах. Просматривая выпуски СРНГ, я обнаружила лексему *банкарт*, экземплифицированную примером только из русского говора Йонавского района Литовской ССР. Очевидно, что германизм *банкарт*, обозначающий незаконнорожденного ребенка (зачато-го на лавке, а не на супружеском ложе), в данный русский говор проник из распространенного в Литве польского идиома, на что указывает *ан* в первом слоге: это не исконное немецкое *an* из *Bank*, а результат расширенного произношения *e*, в том числе и на месте носового переднего ряда (польск. литер. *bękart*), характерного для северо-восточной разновидности периферийного польского диалекта, функционирующей на территории Литвы, Латвии и Белоруссии. Возникла мысль просмотреть выпуски СРНГ с точки зрения репрезентации в них генетически польской (или заимствованной из других языков, но непосредственно пришедшей в русские говоры из польского идиома) лексики.

Принципом, по которому та или иная лексема квалифицировалась как генетически польская, является ее определенная *локализация*:

- экземплификация примера с данным словом только говорами на территории Литвы или Латвии и редко Эстонии (записи 1960–1963 гг., Йонавский район Литовской ССР и Прейлинский район Латвийской ССР, а также помета «Йыгев, Тарт. Эст. ССР»);
- указание, наряду с вышеуказанным ареалом, Смоленщины (или локализация лексемы исключительно на территории смоленских говоров);
- снабжение пометами «Зап.» (а порой и «Южн.») материала из «Толкового словаря живого великорусского языка» В. Даля, включенного в СРНГ.

Наличие соответствия с польским языком только на территории прибалтийских республик при отсутствии его на остальной части русского

диалектного континуума очевидно свидетельствует о воздействии на появление этого соответствия польского идиома, находящегося на данной территории в постоянном контакте с русскими говорами.

Почему фиксация лексемы, имеющей соответствие в польском языке, на территории Смоленщины (при отсутствии ее в других русских говорах) является показателем польского происхождения данного слова? Как известно, Смоленщина — это зона переходных русско-белорусских говоров, исторически связанных с Речью Посполитой. Лексические элементы, общие для белорусского и польского языков (если это не общеславянские лексемы), обычно относятся к полонизмам. Так же обстоит дело и с украинским языком. Хотя, естественно, есть в польском языке и слова, пришедшие в польский из этих восточнославянских идиомов (например, *oseledec*, *czub*, *czupryna*).

Белорусский язык на этой территории мог стать проводником полонизмов. Кроме того, вхождение в определенный период данного региона в состав польского государства также способствовало воздействию польского языка на местные русские говоры. Не случайно писатель И. Соколов-Микитов писал, что жителей Смоленщины называли «польгаями», а уроженец смоленской земли поэт Александр Твардовский считал, что его предки — поляки. Все вышесказанное позволяет нам отнести лексему, совпадающую с польской и экземплифицированную только говорами Смоленщины (или наряду с этим функционирующую также в говорах Литвы и Латвии), к генетическим полонизмам, утверждать, что центр иррадиации этой лексемы находился в полоноязычном ареале.

В ряде случаев предполагаемый полонизм имел в Словаре В. Даля помету «Зап.» (а иногда и «Южн.»). В первом случае лексема могла проникнуть непосредственно в результате контакта с польским идиомом или через посредничество белорусского языка. Во втором роль такого посредника играл украинский идиом, впитавший в себя, как и белорусский, значительное число польских лексем. Возможно, таково же происхождение польских соответствий с локализацией «Ворон.» (Воронежская губерния / область) и «Тамб.» (Тамбовская губерния / область).

Помимо указанных локализаций нередко в материалах СРНГ представлены лексемы, соотносящиеся с польскими, также в псковских и архангельских говорах (частое совпадение материала говоров с польскими соответствиями подтверждает также заведующая Кабинетом словаря архангельских говоров филологического факультета МГУ проф. Е. А. Нефедова). Причины возникновения таких соответствий еще предстоит вы-

яснить. Возможно, это ареальные (севернославянские) соответствия. Для псковских говоров, по крайней мере в той их части, которую исследователи определяют как генетически белорусскую, возможно такое же объяснение совпадений с польскими аналогами, как для Смоленщины.

При опоре на принцип определенной локализации был проанализирован материал ряда томов (главным образом первых, но не только) СРНГ. Уже на начальной стадии исследования можно выделить определенные группы лексики, в которых зафиксированы полонизмы.

Во-первых, это слова разной частеречной принадлежности: существительные, признаковые категории — глаголы и прилагательные, союзы. При этом в СРНГ в одних случаях приводятся польские соответствия, а в других нет. Например, для лексем *альтана* «беседка», *брама* «ворота», *аркуш* «кусок», *варта* «стража», *агрест* «крыжовник» такие соответствия приведены. А для 6-го значения глагола *править* 'говорить, рассказывать', экзemplифицированного единственным примером из русского говора Йонавского р-на Литовской ССР (*Любит байки править* (СРНГ 31 1997: 57)), для *властитель* «хозяин», также зафиксированного в прибалтийских русских говорах, *вэндить* «коптить» (пример с территории Литвы) или для *васпан* (обращение к мужчине), *васпаня* (обращение к женщине), отмеченных на Смоленщине и в Йонавском районе Литовской ССР, такие соответствия отсутствуют.

Среди существительных выделяются разнообразные лексико-семантические группы (ЛСГ).

- Растительный мир

Примеры:

Агрест // *Агрест*. Крыжовник; при этом форма с *a* во втором слоге представлена в примере из говора на территории Литвы (*Агрест зеленый ядут* (СРНГ 1 1965: 202)), *агрест* — Смоленщина, говор на территории Латвии (*Агрест ядут подуростки, я их за каршень. Ноньч агрест такой не пошлый* (СРНГ 1 1965: 202)). К слову *агрест* // *агрест* приведено польское соответствие *agrest* и указан источник в польском (из новолат. *agresta*, итал. *agresto* (там же)). С пометой «Южн.» у В. Даля: здесь, по-видимому, источником является украинский идиом, в котором лексема также из польского.

Баня. Тыква («Зап.» у Даля) (СРНГ 2 1966: 93).

Блаватка. Василек. Условно относим эту лексему к полонизмам: если помета «Петерб.» (у В. Даля) может в определенной степени свидетельствовать о польском источнике в связи со значительной полоноязычной

диаспорой Петербурга, то локализация «Яросл.» никак не объясняет польское происхождение лексемы. В СРНГ приведены украинские соответствия: укр. *блават* (не исключен польский источник, ср. собственно украинскую номинацию этого растения *волошки*), польск. *blawat, blawatek*.

Брусквина. Персик (помета «Южн.» у В. Даля). Ср. польск. *brzoskwinia*. А. Брюкнер определяет *brzoskiew* или *brzoskinia* и *brzeskinia*, давшее впоследствии *brzoskwinia*, как западнославянское заимствование непосредственно из немецкого языка, в который это слово пришло из латыни (Brückner 1970: 45).

- Животный мир

Примеры:

Бомка // *Бонка* в 3-ем значении ‘овод, слепень’: **Бонки** — большие слепни, большие пчел, очень больно кусаются. Йонав. Лит. ССР 1963; **Бонки**, как пчелы, большие. Прейл. Латв. ССР (СРНГ 3 1968: 95). Лексема представлена в польских говорах на территории Литвы и соотносится, на наш взгляд, с польск. *baż* «слепень, овод».

Вевёрка. Белка. Зап. Даль (СРНГ 4 1969: 89). Та же словообразовательная модель представлена в польском *wiewiórka* «белка».

Для псковского *ботян* «аист» ограничимся констатацией наличия польского соответствия *bocian*.

- Одежда

Пример:

Ватувка — то же, что *ватовка*: *На вате такая одежда сделана, называют ватувка*. Йонав. Лит. ССР 1963 (СРНГ 4 1969: 73). В СРНГ приведен польский источник: *watówka* – ватник; телогрейка.

- Еда

Пример: *Бикус*. Окрошка. То же *Пигус*. Зап. Даль (СРНГ 2 1966: 305). Приведено польское соответствие-источник: *bigos* — род мясной солянки, бигос.

- Посуда

Пример:

Бляха (и материал — жечь, и посуда из жести — противень, сосуд, похожий на бидон с краном) — большинство примеров зафиксировано в Йонавском районе Литовской ССР, есть пример из Латвии, а также одна локализация относится к псковским говорам. Примеры контекстов: ‘материал’: *Ну на что эта бляха, бросай*. Прейл. Латв. ССР. Крыши бывают с соломь, гонту, **бляхи** Йонав. Лит. ССР; ‘противень’: *Насадили целую*

бляху булок. Йонав. Лит. ССР 1963; ‘посуда’ («жестяная посуда с краном, похожая на бидон, в который ставят молоко в холодную воду для оттаивания сливок»): *Кто-то опять бляху с молоком в ключ впустил*. Йонав. Лит. ССР 1963 (СРНГ 3 1968: 34); в этом же говоре зафиксирована в том же значении лексема *бляшанка*. Ср. польск. *blacha, blacharz, blaszanka*, восходящие к нем. *blech*. А. Брюкнер замечает, что от поляков лексема распространяется на Руси («*Od nas na Ruś*») (Brückner 1970: 28).

В СРНГ приведено (с пометой «Зап.» по В. Далю) такое название горшка, состоящего из двух отделений, как *близняты // близнята*. Ср. параллель из польского языка: *bliźniaki* (а также диал. *dwojniaki*).

- Строения (в том числе дорожные покрытия), части построек, материал

Примеры:

Альтана. Беседка. Зап. Даль. Приведено польск. *altana* из итал. (СРНГ 1 1965: 246).

Брама. Крепостные, монастырские и т.п. ворота. Смол. Даль. Ворота. Йонав. Лит. ССР 1961 (СРНГ 3 1968: 148). Приведено польское соответствие-источник *brama* ворота.

Брук. 1 Бульжная мостовая. Йонав. Лит. ССР 1961 (СРНГ 3 1968: 201) (2-ое значение ‘песчаная отмель в реке’ Смол. 1914), приведено польское соответствие-источник *bruk* — мостовая.

Будынок, Будинок. Небольшое каменное здание. Южн. Зап. Даль; *будынок* — постройка, здание. *Тута в лесу стоит будынок*. Смол. 1919–1934. Небольшой сарай Смол. 1904. В СРНГ приведены соответствия из украинского и белорусского языков (укр. *будинок*, белор. *будынок*), но нет польск. *budynek*, к которому несомненно восходят украинская и белорусская лексемы. На этом примере еще раз отметим определенную непоследовательность в приведении польских соответствий в СРНГ: для глагола *будовать* дано польское соответствие (укр. *будувати* из польск. *budować*), а для существительного *будынок // будинок* польский аналог-источник отсутствует. В СРНГ приведены также различные модификационные субстантивные формации с корнем *буд-*, экземплифицированные смоленскими говорами и русским говором на территории Литвы: *будыночек* — уменьшит. к *будынок* Смол. 1902–1904, *будыня* то же, что *будынина* Смол. 1914, *будынка* — пристройка, строение вообще Йонав. Лит. ССР 1961 и др. (СРНГ 3 1968: 248).

Ванна. Известь, известка Новорос. Даль. *Тута, на берегу Днепра, добывают ванну*. Смол. **Ванной** печки и стены белят. В этой яме **ванны** не

было. Йонав. Лит. ССР. *Надо достать ванну — побелить печку*. Прейл. Латв. ССР. Указание «Новоросс.» у Даля не противоречит тому, чтобы в качестве источника в русских говорах предположить польск. *warpo* (*warpień*) «известь», так как «Новоросс.» (южное) могло возникнуть под влиянием украинского идиома, в котором, как и в белорусском, данная лексема соотносится с польской. Впрочем, корень *war-* «краска» относится к праславянским, *wara* «болото» известно словенскому языку и отмечено в Супрасльской рукописи (Brückner 1970: 61; Старосл. слов. 1994: 108).

Свирна. 1. Амбар У поляков *свирна* Себеж. Великолукск. 1959; *Зерно храним в свирне* Даль (СРНГ 36 2002: 295. Кроме того, у В. Даля с пометой «Зап.» приводятся варианты *свирон* и *свирень* — амбар, житница, отсутствующие в СРНГ (ср. польск. *świron* — устар. амбар) (Даль IV 1955: 150).

- Предметы быта, хозяйственной жизни

Пример:

Бизун 1. Плеть, кнут, хлыст. Пск. Ворон. Даль (с пометой «польск.»), Смол. *Отлупили как следует бизуном. А бизуна не хочешь?* Йонав. Лит. ССР. *Бизу́н* — это кнут. *Бизу́н* поляки говорят. Прейл. Латв. ССР 1963; Кнут, плеть, жгут, сделанный из узкого полотенца. Смол. 1919–1934; 2. Наказание плетью, хворостиной. *Дай ему бизуна*. Пск. Ворон. Даль. Ср. польск. *bizun* (соответствие или источник?).

- Предприятия

Пример:

Брóвар 1. Винокуренный завод. Йонав. Лит. ССР 1961 (там же в значении ‘самогонный аппарат’) наряду с *Броварня* (1. Пивоваренный завод. Зап. Даль; Там же в значении 2. Медоваренный завод). *Броварь* то же, что *бровар*. Смол. 1835 (СРНГ 3 1968: 183). В СРНГ приводится нем. *Brauer*, но отсутствует польск. *browar*, являющееся непосредственным источником соответствующей русской диалектной лексемы.

- Приборы, технические приспособления

Примеры:

Арфа — решето, грохот. *Когда арфы не было, всякама зерняты сеяли*. Йонав. Лит. ССР 1963. Ср. польск. *arfa* 1. грохот (решето). 2. сортировка, веялка (*młynec do wiania zboża*).

Бэмбен. Барабан конной молотилки. Йонав. Лит. ССР (СРНГ 3 1968: 358). Ср. польск. *bęben* «барабан» во многих значениях, в том числе и в техническом, совпадающем с примером из СРНГ: *bęben młockarni* «барабан молотилки».

Вага. Весы — экземплифицировано только русским говором на территории Латвии: *Садись здесь на вагу* Саня. Ср. польск. *waga* «весы» (и «вес»). В польском из немецкого (*Wage, wägen u wiegen*). А. Брюкнер указывает на распространение из польского в восточнославянские языки («od nas na całą Ruś przeszło» (Brückner 1970: 598)).

- Результат физических действий человека.

Пример:

Буся. Поцелуй. *Дать бую* поцеловать. Красл. Смол. 1914, *буся'к* 1. Поцелуй Смол. (СРНГ 3 1968: 308). Ср. польскую лексему со звонким *ź*: *buzia* «рот, ротик; личико», *dać buzi* — поцеловать.

- Административные единицы

Пример:

Вёска. Деревня, деревенька (СРНГ 4 1969: 183). Возможно воздействие польской словообразовательной модели — польск. *wioska* «деревня, деревенька».

- Природные явления

Пример:

Ветрик. Ветерок. *Славный сегодня ветрик*. Смол. 1918–1934 (СРНГ 4 1969: 202). Возможно, как и в вышеприведенной лексеме *вёска*, воздействие польской словообразовательной модели — польск. *wietrzyk* «ветерок».

- Лица и совокупность лиц

Примеры:

Банкарт. Незаконнорожденный ребенок. Йонав. Лит. ССР 1963 (СРНГ 2 1966: 94). Польск. *bękart* (из нем. *Bankhart, Bankart*). Расширенный до *a* гласный в первом слоге свидетельствует о попадании слов в русский говор из местных польских говоров, для которых характерно т. наз. «аканье» на месте *e* (в том числе на месте польск. литер. *e* — ср. диал. *ida f ta strona* — литер. *idę w tę stronę*).

Блазен // *Блазень*. 1. Шалун, баловень. 2. Человек, любящий шутить. Смол., Пск., Южн. Зап. Даль. Польское соответствие или источник (?) *blazen*. Во всяком случае в сознании русского писателя (И. А. Бунин), вкладывающего в повести «Дело корнета Елагина» в уста польки Марии Иосифовны Сосновской лексему *блязень* («Глупый, **блязень**, сколько опять купил!») (Бунин 4 1956: 133)), это слово ассоциируется с польским идиомом. И не случайно *блазенство* как свойство, качество («шутовство, балагурство, повесничанье») приводится у Даля с пометой «Зап.» (и так входит в СРНГ (СРНГ 2 1966: 313)).

Варта. Караул, стража. Смол. Смол. 1902–1904: *Как выгоняют с по-неделку. Держат до субботы. А в субботу на работу. А в воскресенье на варту*. Смол. Добровольский (СРНГ 4 1969: 60). В данном контексте употреблено в значении ‘определенная служба, выполняемая лицом (лицами)’. Приведен польский источник *warta*.

Вáспан, Вáспаня и модификация от них как обращения к лицу: *Вáспан*. Форма вежливого обращения к мужчине — господин, сударь: *Куды ты идешь, вáспан?* Смол. Смол. 1919–1934; «*Вáспан — вы*» (форма обращения только в ироническом значении) Йонав. Лит. ССР 1961 (СРНГ 4 1969: 66). Уменьшит-ласкат. *васпáник* «Звательный падеж — *васпанику*». *Потерпи, вáспанику мой!* Смол. Смол. 1919–1934 (СРНГ 4 1969: 67).

Вáспаня. Форма вежливого обращения к женщине — госпожа, сударыня. Смол. 1919–1934 (СРНГ 4 1969: 67). В основе адресативов лежат польск. *waszmość pan, waszmość pani*, преобразовавшиеся в *wasan, wasani* и *wasanna* (из *waszmość panna*).

Властитель. Хозяин, владелец, владетель: ***Властитель*** *дому своему и хозяйству*. Йонав. Лит. ССР 1963. *Теперика никто не властитель ни над кем, ни над чем*. Прейл. Лит. ССР. *А ты какой-такой властитель мне приходишься*. Йыгев. Тарт. Эст. ССР (СРНГ 4 1969: 318). Следовало бы привести польск. *właściciel* «хозяин».

Разнообразна также семантика глагольных лексем, для которых предполагаем польский источник.

- Действие, связанное с приготовлением пищи: *вэндить* и *вендítь* — коптить что-л.: ***Вендítь*** *сало, колбасу*. Йонав. Лит. ССР, 1961. ***Вендítь*** *мясо, колбасы, кумпаки. Мясо вэндят вересом. Вересом сало можно вендítь*. Лит. ССР (СРНГ 4 1969: 111). Ср. польск. *wędzić* «коптить».

- Действие, связанное с оказанием сопротивления кому-либо, чему-либо: *вáльчиться* (3-е из значений — ‘бороться’, фиксируются также значения ‘драться’, ‘судиться’, ‘сражаться’, локализованные на той же территории — Смол. 1914) (СРНГ 4 1969: 33). Польское соответствие-источник: *walczyć* «бороться, сражаться, воевать».

- Действие, связанное с охраной кого-либо, чего-либо: *вартовáть* — сторожить, охранять: *Кто ночью вартовал коней*. Смол. 1919–1934 (СРНГ 4 1969: 60). Приведено польское соответствие-источник, хотя и с ошибкой: **watrować* вместо *wartować*.

- Креативное действие: *будóвать* — строить. Зап. Южн. Даль: *Колыдки настанют. Детки терем будуют с тремя окнами*. Красн. Смол.

1914, Йонав Лит. ССР (СРНГ 3 1968: 245). Приводится укр. *будувати* и его польский источник *budować*.

- Деструктивное действие (нанесение ущерба объекту или субъекту).
Примеры:

Брукать. Пачкать, гадить. Зап. Даль (2-е изд.) (СРНГ 3 1968: 201). Приводится польское соответствие-источник: *brukać* «пачкать, марать».

Сбутвётъ. Сопреть, истлеть, сгнить: *Картошка сбутвела*. Лит. ССР 1960 (СРНГ 36 2002: 196). Польск. *zbutwieć* «сопреть, истлеть; прогнить» (не приведено в СРНГ).

Сбанкрутовать. Обанкротиться: *Он тогда скоро сбанкрутовал, всю скотину распродал, затем землю продал*. Йонав. Лит. ССР. 1960 (СРНГ 36 2002: 163). Польск. *zbankrutować* не приводится. В русском литературном языке функционировал полонизм *банкрут* (генетически из итал. *bancarotta*), который впоследствии изменил форму на *банкрот* (в СРНГ есть, например, форма *банкрутина* ‘плут’ Ворон. Смол. 1850 (СРНГ 2 1968: 95)).

- Глаголы речи: *править* в значении ‘говорить, рассказывать’ (пример, зафиксированный в русском говоре Йонавского района Литовской ССР, приводится выше). Ср. польское соответствие *prawić* «говорить, рассуждать, рассказывать», отсутствующее в СРНГ.

- Глаголы движения: *блóндать* – блуждать: *Сквозь день блóндала по лесу, грибов искала. Где ты блондаешь без меня?* Ёйгев. Тарт. Эст. ССР 1963 (СРНГ 3 1968: 27). Не приведено польское соответствие-источник *blądzić* «блуждать»

Примеры прилагательных, для которых предполагается польский источник-соответствие.

Безмаётный. Беспоместный (о дореволюционном помещике). Зап. Даль (СРНГ 2 1966: 192). Ср. польск. *majętny* «зажиточный, состоятельный, богатый».

Бляшанный Йонав. Лит. ССР, Прейл. Латв. ССР (о *бляха, бляшка* см. выше). Ср. польск. *blaszany* «жестяной».

Бридкий. Противный — «вдоль западной границы РСФСР». Русская диалектология. (*бриднóй* – гадкий, отвратительный. Соседние с Украинской губернии Даль. *Бридный* Смол. 1914) (СРНГ 3 1968: 179). Ср. польск. *brzydki* (не дано в СРНГ) и наречие *бридко* — польск. *brzydko*.

Брудный. Грязный, мутный Смол. 1914. *Текет река, мутна — брудна, нельзя воды питу* (песня) Смол. Добровольский, Йонав. Лит. ССР (СРНГ 3 1968: 200). Не дано польское соответствие *brudny*, но что ка-

сается субстантива *бруд* (также есть в польском: *brud* «грязь»), то его локализация шире, чем избранные нами для квалификации лексемы как полонизма районы: кроме Йонав. Лит. ССР, Смол. (ср.: *По речке пошёл бруд*), Зап. и Южн. по Далю, также Орл., Курск., Пск. (СРНГ 3 1968: 200).

Властный. Собственный: *Подписал рукою властною*. Зап. Даль (с пометой «стар.») (СРНГ 4 1969: 318). Не приведено польск. *własny* «собственный».

Служебные части речи: союз *але* // *али* (в 5-м значении из приведенных в СРНГ семи — ‘но’). Экземплифицировано примерами из русских говоров Литвы и Латвии (ср.: *Деньги в кассу не складаем, али без денег не живем. И его хотели втянуть в свою компанию, али он был хитрей*. Лит. ССР (СРНГ 1 1965: 237)).

Ср. также междометие *бодай*, для которого приведены польские соответствия *Bogdai* и *bodai* (на конце слов должна быть буква *j*, а не *i*), но оно локализовано не только Смол., но и Ворон. и Тамб. (СРНГ 3 1968: 47). Ассоциацию с польским языком вызывает также наличие начального *a* в междометии *акыш!* «кыш!» (Смол.). Ср. польск. *apsik* «брысь!», *a kysz!* «кыш!» Последняя лексема представлена в польских говорах на территории Литвы и Белоруссии.

Работа над извлечением из СРНГ лексики, предположительно проникшей в русские говоры из польского идиома, находится в начальной стадии и будет продолжена. После анализа всех вышедших из печати томов СРНГ и установления инвентаря полонизмов возможно проведение статистического исследования, позволяющего определить приблизительный (по сколько издание СРНГ продолжается) процентный состав польских лексических элементов в лексической системе диалектного русского языка.

Литература

- Бунин 4 1956 — Бунин И. А. Собрание сочинений в пяти томах. Том четвертый. М., 1956.
- Даль IV 1955 — Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Том IV P–V. М., 1955.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1, 2. М.; Л., 1965–1966; вып. 3–Л. (СПб.), 1968–.
- Старосл. слов. 1994 — Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.
- Brückner 1970 — Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1970.

Summary

Nataliya Ananyeva

**Polish Vocabulary in Russian Dialects
(Based on the Dictionary of the Russian Folk Dialects)**

Using the materials of the first volumes of the Dictionary of the Russian Folk Dialects the article analyzes vocabulary of the Russian dialects which goes back to the words of the Polish language. The main principle of the qualification of the Russian dialectal word as the Polish one is its location, that is the region of Smolensk and its nearabouts, the territories of Latvia and Lithuania and some other areas.

Е. Д. Гончаренко
(Минск)

Динамика нормы в современном белорусском языке и диалектная основа

В современных белорусских литературных произведениях, СМИ, сценической речи наблюдается тенденция активного использования диалектной лексики, словообразовательных вариантов и грамматических форм. При этом авторами в первую очередь ставится задача популяризации редких и отличительных номинаций, нежели передачи особенностей определенного говора. Диалектной базой белорусского литературного языка являются так наз. среднебелорусские говоры, прикрепленные к этнокультурному и административному центру (Цыхун 1993: 17). По мнению П.А. Михайлова, литературный язык принял в качестве нормы те особенности центральных говоров, которые характерны для большинства белорусских говоров (СБЛМ-2017: 23). В связи с активным и даже чрезмерным введением региональных вариантов важно выяснить, речевые особенности какой территории оказывают наибольшее влияние на представление о норме.

1. Популярные пуризмы и их фиксация в диалектной речи

Среди наиболее часто используемых в последние 10 лет лексических вариантов большинство фиксируется в словарях, отражающих речь западной части Беларуси (см. табл. 1). Выходят за рамки узкого территориального употребления и лексемы, характерные для центральной и восточной частей. Так, приверженцы пуристических идей стремятся популяризировать как настоящее белорусское слово лексему *імбрык* (*імбрычак*) ‘чайник для заварки’ < польск. *imbryk* от турец. *ibrik* (ЭСБМ, т. 3). Например, название интернет-магазина *imbryk.by*. Людмила Буркевич збірае *імбрычкі*. (rh.by, 03.05.2015). Однако в словарях *імбрычак* все еще указывается как устаревшая единица (ТСБЛМ-2016). Ареал распространения слова захватывает в основном среднебелорусские говоры; следовательно, имеет основания для возвращения в активный запас. Северная граница: Браслав – Докшицы – Чашники – Крупки – Осиповичи – Жлобин – Лоев,

южная: Вороново – Слоним – Слуцк – Глуск – Брагин (ЛАБНГ, т. 4, к. 422). Однако не для всех представителей указанной территории данное слово является привычным, что подтверждают заметки в газетах г. Осиповичи, Глуск Могилевской обл. (gzt-akray.by/osipovich, 14.06.2016, glusk.by, 26.02.2014). Номинация *імбрык* распространяется и на семантику близких предметов. В письменной и устной речи это не только ‘заварник’, как например, тут: *Яна* [«гарбата» ‘чай’. — Е. Г.] *засыпаецца ў імбрык і заліваецца кіпнем з чайніка*. (В. Пуставіт, *zviazda.by/be/news/20160220*). Это также и ‘чайник для кипячения воды’: *Вось тады ўладальніца “закіпала”, нібы той імбрык на пліце* (Н. Філон, Верасень. № 10. 2014: 86). А еще — ‘электрический чайник’: *Я ўжо два гады як электрычны імбрык на антрэсолі закінуў* (nv-online.info, 23.08.2016). Кроме того, появился дублет *гарбатнік* < *гарбат-а* ‘чай’ + суффикс *-нік-* по аналогии со словом *чайнік*. *Вучыць называць прадмет посуду (талерка, гарлач, лыжка, шклянка, гарбатнік, цукарніца)* (*sad5zhlobin.schools.by*, 13.11.2018).

По данным собственного опроса, 18,3% белорусскоязычных молодых респондентов в межличностном общении используют *гаманец* вместо слова *кашалёк* ‘кошелек’ (Шчасная 2017: 88). Широко это слово употребляется на сайтах магазинов одежды с этнической символикой: «*Гаманец скураны чорны з вышыўкай «васьмірог»* (*symbol.by/t/765-corny-hamaniec-vasmiroh*). Лексема *гыманец* фиксировалась в КСУМ (Могилевская обл.) как уменьш. от *гыман* ‘сумочка (полотняная сумочка), мошна для денег’. Одна из версий происхождения слова — турецко-арабское *hammāl* (ЭСБМ, т. 3). *Гаман (гаманець)* ‘1. кожаная сумочка для денег; 2. бумажник’ (СУМ, т. 3) — литературное слово в украинском языке. Лексема встречается у литераторов преимущественно 1970–1980-х гг. рождения, при этом выделяется группа уроженцев Могилевской обл.: В. Рыжков, А. Емельянов-Шилович, Брестской: Н. Бабина, А. Поплавский и Гомельской обл.: С. Балахонов. *У гаманцы худым — няма ісіці куды* (А. Емельянаў-Шыловіч, Маладосць. № 5. 2013: 18).

2. Активизация диалектных названий животного и растительного мира

В современных литературных произведениях, особенно детских, заметно замещение общеупотребительных названий объектов растительного и животного мира на диалектные. Например, бел. *кірга* (*кірля*) вместо бел. *чайка* < *кірга* (РСВ), *кірхаць* ‘крик птицы, лягушки’ (ТС), лит. *kiras* ‘чайка’, *kirkauti* ‘громко кричать’ (LRKŽ) у писателей О. Гапеевой, С. Мин-

Таблица 1.

**Лексикографическая фиксация в словарях
популярных лексических диалектизмов**

лексема	значение		словари			
	бел.	рус.	СПЗБ	ТС	РСВ	КСУМ
вѣжаваць	сачыць, выглядваць	следить, выглядывать	+	-	-	-
гаманец	кашалёк	кошелёк	-	-	-	+
зэдлік	услончык, табурэт	маленькая низкая лавочка; табуретка	+	+	-	+
імбрык	чайнік для заваркі, чайнік	чайник для заварки, чайник	+	-	-	+
матуз (матузок)	шнурок, завязка ў адзенні, вяроўка	шнурок, завязка в одежде; веревка	+	+	+	+
налета	на наступны год	на следующий год	+	-	+	+
ставаць	хапаць, мець у дастаковай колькасці	хватать, иметь в достаточном количестве	+	+	+	-
файны	цудоўны	замечательный	+	+	-	+

скевича. Наиболее популярными парами дублетов являются *котка* – *кошка*, *мятлік* – *матылёк*, *багоўка* – *божская кароўка*, *шашок* – *тхор* ‘хорек’.

Лексема бел. *котка* активизировалась, очевидно, под влиянием польского языка, где является нормативной — *kotka*. *Ёсць яшчэ песня пра котку, якую я магу праспяваць для іх* [дзяцей] (Г. Чумакова, «Дзяблог». Беларусь-3. 24.11.2014). *Толькі наша котка Мурка нешта сёння не пяе*. (А. Варанец, стихотв. «Пакарміце Мурку», veselka.by/?p=9802, 01.02.2017). В белорусской диалектной речи вариант *котка* выявлен в отдельных западных районах: Поставском, Сморгонском, Воложинском, Вороновском, Гродненском, Новогрудском (ОЛА-лс, вып. 2, к. 16). Бел. *шашок* этимологически связывают с лит. *šėškas* ‘хорек’ (СПЗБ, т. 5; LRKŽ). В диалектной речи слово имеет широкое распространение по северо-западу по линии Гродно – Минск – Витебск (ОЛА-лс, вып. 1, к. 8). В СМИ встречается в основном в независимых изданиях («Наша ніва», «Рэгіянальная газета» (г. Молодечно и соседние), а также в литературных текстах. *Гэта і сапраўды аказаўся шашок*. *Спінка яго стала чорна-бурай, а жывоцік — колеру спелай саломы*. (У. Шулякоўскі, рассказ «Напарстачак», veselka.by/?p=10577, 28.07.2017).

Также литераторы всё чаще употребляют вместо *божся кароўка* лексему *багоўка*. *Прыгоды багоўкі Лесі* (В. Грамыка, veselka.by, 05.06.2019). Единица бел. *багоўка* (*богава кароўка*) фиксируется по некоторым пунктам Витебской, Могилевской, Гомельской и Гродненской обл. (ОЛА-лс, вып. 1, к. 44; ЛАБНГ, к. 353) и в диалектных словарях: СПЗБ, РСВ, КСУМ. Получило распространение слово *мятлік* вместо *матылѣк*. В диалектной речи данный дублет распространен по Витебской обл. и дальше по линии Борисов – Березино – Быхов – Корма (ОЛА-лс, вып. 1, к. 45, ЛАБНГ, к. 355). В региональных СМИ слово *мятлік* зафиксировано в газетах Витебска, Миор, Лепеля, Островца, Молодечно (северо-западный регион), Ганцевичей (Брестская обл.), т. е. расширило свое употребление на западную территорию. *Кожнаму з нас хочацца, каб побач квітнелі расліны, спявалі птушкі, жылі звяркі, мятлікі, мурашы і іншыя насельнікі нашай планеты* (mijory.by, 12.09.2011). Активно пропагандирует данную лексику писательница Оксана Спринчан (например, название ее творческого вечера «Год Аксамітнага мятліка»), хотя слово не характерно для региона ее рождения (Брестская обл.). Семантика лексики *мятлік* охватила и значение ‘галстук-бабочка’. *Як ніколі сёння сталі папулярнымі цішоткі* [‘футболки’. — Е. Г.] *з арнамантам, гальштукі і мятлікі з нацыянальнымі ўзорамі* (ostrovets.by, 18.12.2016). Следует помнить и о наличии омонима *мятлік* ‘травянистое растение сем. злаковых’: Тут *ужо зацвілі цімафеёўка, мятлік, аўсяніца* (klich.by/?p=2401, 15.06.2011, Шарковщинский р-н, Витебск. обл.).

Если отобразить распространение диалектных названий животного мира (см. карту 1), то заметим, что наложение ареалов употребления лексем *шашок, котка, багоўка* совпадает с линией северо-западной диалектной зоны (Гродно – Минск – Витебск), а *мятлік, багоўка* — с линией северо-восточных говоров (Поставы – Борисов – Корма). Все 4 единицы фиксируются на территории Витебской области. На территории среднебелорусских говоров совпадение распространения трех лексем — в Сморгонском р-не Гродненской обл., двух — в Воложинском р-не Минской обл. и Чечерском р-не Гомельской обл.

Активизировались и некоторые региональные названия растений. Диалектная лексема *кіях* употребляется в основном в значении ‘початок кукурузы’: *Крочыў паўз кукурузнае поле, раструшчаваючы пантофлямі маладыя кіяхі* (А. Ивашчанка, рассказ «Трусіная нара», dziejaslou.by/old) либо в контексте, подразумевающим кукурузу в общем значении: *Збожжа, бульба, кіяхі — пачастунак неблагі* (Петрыкаўскія навіны, Гомельск. обл., 14.09.2017). Данное слово фиксируется всеми рассматриваемыми

диалектными словарями (КСУМ, ТС, СПЗБ, РСВ). По материалам ОЛА-лс (вып. 4, к. 54–55) линия распространения лексемы *k'ija'x'i* ‘кукуруза’, *k'i'jašn'ik* ‘поле, с которого убрана кукуруза’ — от Столинского р-на Брестской обл. по Гомельской обл. к югу Могилевской (Бобруйск – Кличев – Славгород), что затрагивает все группы говоров. Журналисты и литераторы при описании синего полевого цветка делают выбор в пользу варианта *валошка*, а не *васілёк* (в ТСБМ-1977–1984, ТСБЛМ-2016 отмечены как литературные синонимы). *Спачатку ў праёме з'явілася русая галоўка чатырохгадовага праўнука Алёшкі, а потым букецік нябесна-сініх валошак* («Газета Слоні́мская», Гроднен. обл., gs.by, 29.10.2014). Название «Валошка» появилось на упаковке белорусского мороженого з лепестками васильков и семенами льна. Номинация *валошка* характерна для юго-западных говоров и полесского диалекта (ЛАБНГ, т. 1, кк. 233, 229), для центральной и северной Беларуси — *васілёк*.

Лексема *трускалка*, обозначающая садовую землянику, клубнику, зафиксирована в ТСБМ-1977–1984 (т. 5, кн. 1), ТСБЛМ-2016 как равноправная к *клубніцы*. Согласно диалектным словарям (СПЗБ и ТС), ареал распространения слова *трускаўкі* — запад и юг Беларуси, также в КСУМ — *трускаць* ‘есть много сырых овощей и фруктов’. Сравним с польск. литерат. *truskawka* ‘клубника’. По сводным диалектным материалам тематического словаря «Расліны свет» (РС-2001: 169, 222, 335) получаем линию распространения лексемы *трускаўка* (*трыскалка* и т. п.) по пунктам – Браслав – Чашники – Столбцы – Столин. Как указывают авторы указанного издания, данный ареал в большей степени совпадает с западной диалектной зоной (РС-2001: 222). В публикациях региональных СМИ преобладает лексема *клубніцы*. *Трускалкі*, что примечательно, — в газетах районов, расположенных как раз по вертикальной линии, разделяющей Беларусь на западную и восточную части: Верхнедвинск – Минск – Воложин – Несвиж – Ганцевичи. *Укроп ёсць, трускалкі, чорныя парэчкі* (nesvizh-news.by, 07.09.2018). Республиканская газета «Звезда» и независимое интернет-издание «Наша ніва» используют два варианта: *трускалкі і клубніцы*.

Совпадение фиксации всех 3 лексем (*кіяхі, валошка, трускалкі*) — на территории Столинского р-на Брестской обл., 2 лексемы (*кіяхі* и *валошка*) — в Столинском р-не и всей Гомельской обл. (часть юго-восточной диалектной зоны), 2 лексемы — *трускалкі* и *валошка* — в Столбцовском р-не Минской обл. (среднебелорусские говоры) (см. карту 2).

3. Влияние диалектной речи на появление словообразовательных вариантов

Получили распространение и некоторые диалектные словообразовательные варианты (см. табл. 2). Например, суффикс *-онак* при обозначении молодых существ, характерный преимущественно для северо-восточных говоров и частично среднебелорусских по линии Поставы – Молодечно – Борисов – Могилев – Бобруйск – Жлобин – Чечерск (ОЛА-лс, вып. 2, кк. №№ 25–34), закрепился в лексеме *дзіцёнак* (сравн. бел. норм. *дзіця*). Данное слово можно услышать в интервью со столичными артистами. *Дзіцёнка?* Будзе, але не зараз (П. Харланчук, актер, программа «Пинкод», Беларусь-2, 14.02.2017). *У нас з маім дзіцёнкам — ужо чатыры* [человека в семье — Е. Г.] (Palina, «Крэўнасць», международ. радио «Беларусь», 11.12.2016). Стало популярным еще одно слово из северо-восточной группы говоров: *маладзён* ‘молодой человек в общ. знач.; представитель молодежи’: *Не ў карэце, як той князь высокі, — Маладзён на ровары імкне!* (Я. Пясецкі. *zviazda.by*, 06.07.2016). Данное значение ‘молодой мужчина’, а также ‘жених’ отражено в РСВ; в ЛАБНГ, т. 5, кк. 283–284 *маладзён* – только ‘жених до свадьбы, жених на свадьбе’ (Витебский, Ушачский, Лепельский р-ны).

Словообразовательный вариант *смакоцце*, фиксировавшийся в Житковичском р-не Гомельской обл. (слуцко-мозырьская группа юго-западных говоров) (ТС, т. 5), начал вытеснять лексему *смаката*. *Якое смакоцце!* (А. Карлюкевіч, кн. «Мудры Шубуршун», 2014: 21); *Яны прынеслі на мерапрыемства такое смакоцце, што журы разгубілася* (Ашмянскі веснік, Гроднен. обл., *osh.by*, 06.10.2018). В ТСБМ-1977–1984 (т. 5. кн. 1) лексема *смакоцце* подавалась как равноправная без стилистических помет к разг. *смаката*, в ТСБЛМ-2016 она отсутствует, в ГСН — обе лексемы без помет.

Достаточно неблагоприятную ситуацию для усвоения норм речи представляет употребление диалектных вариантов местоимений: *ейны* (*ягоны*), *гэны*, *тутака* (*тамака*). *Усе бачылі: тутака маё!* (спектакль «Офіс», НАДТ им. Янки Купалы, 2011). *Два ейныя вокі размешчаныя на адным баку* (С. Мінскевіч, кн. «Вялікія прыгоды Какоса-маракоса», 2015: 137). *Хай гэну лайдачку гусак убрыкне!* (Р. Барадулін, кн. «Выпаў грук у грома з рук», 2009: 102). И совсем неприемлемой является рекомендация в пособии по изучению белорусского языка для иностранцев диалектных вариантов личных местоимений *ягоны*, *ейны*, *іхні* с преимуществом над литературными *іх*, *яе*, *яго* (Рамза 2010: 37).

Образование указательного местоимения *гэны* вместо *гэты* А. А. Кривицкий называл результатом уникального взаимодействия на северо-западе Беларуси белорусского языка (вероятно, от древ. *оный*), литовского (местоимение *anas(-a)* ‘*тот, эта*’) и польского (местоимение *ten* ‘*тот*’) (Кривіцкі 2017: 159–160, 163). Словообразовательные варианты местоимения *тут* – *тутака*, *там* – *тамака* широко распространены в диалектной речи почти по всей Беларуси за исключением крупных городов и приграничья с Россией. На территории полесских говоров употребляются также варианты *тутачкі*, *тамачкі* (ЛАБНГ, т. 2, к. 121, т. 5, к. 245).

Если представить на карте распространение в говорах суффикса *-онак* в названиях молодых существ, местоимения *гэны*, суффикса *-ака* в местоимениях *тут* и *там* (см. карту 3), то все языковые явления совпадают по линии Молодечно – Браслав – Ушачи – Борисов (полоцко-минская группа северо-восточных говоров, частично среднебелорусские); *-ака*, *-онак* — на юго-востоке: Бобруйск – Жлобин – Чечерск – Славгород (преимущественно среднебелорусские говоры).

Таблица 2

Фиксация в словарях словообразовательных диалектизмов

лексема	значение		словари			
	бел.	рус.	СПЗБ	ТС	РСВ	КСУМ
гэны	гэты	этот	+	–	+	–
дзіцёнак	дзіця	ребенок	–	–	+	–
ейны	яе	её	+	–	–	+
маладзён	малады чалавек	молодой человек	–	–	+	–
пачувацца	адчуваць сябе	чувствовать себя	+	+	–	–
смакоцце	смаката	вкусотища	–	+	–	–
тутака	тут	тут	+	+	–	–
ягоны	яго	его	+	–	–	+

4. Динамика грамматических форм глагола и диалектная основа

В современных литературных произведениях, публикациях СМИ замечается употребление формы повелительного наклонения с окончанием *-ма*, что связывается с влиянием диалектной речи (СБЛМ-2017: 287; СБММ: 172). Зафиксированные примеры в основном иллюстрируют ситуации разговорной речи: — *Ото, сядайма, ды вын'ем!* — *запрасіла яна*

жанчын (У. Гаўрыловіч, Польшыя. № 5. 2018: 42). В том числе это касается глаголов с постфиксом *-ся*: **Збіраймася ўсе!** (vk.com/wall-2076358_1218). **Трымаймася бліжэй да перажытага...** (zviazda.by, 24.10.2015). Обратим внимание, что формы повелительного наклонения на *-ма* рассматриваются как возможные только для глаголов, заканчивающихся на согласный в форме 2-го лица ед. числа: *адзень* – *адзеньма* (СБМ-па: 338). Глаголы повелительного наклонения *кіньма*, *станьма*, *сядзьма*, указаны среди примеров правописания мягкого знака (Правілы 2008: 23). Также стали встречаться формы 1-го лица мн. ч. изъяв. наклонения нетематических глаголов: *ямо*, *дамо* вместо *ядзім*, *дадзім*. *Усё датычна таго, <...> што мы ямо* *кожны дзень* (С. Курганова, Літаратура і мастацтва, 26.01.2018: 6). При этом глаголы с *-ма* (*-мо*) могут и не использоваться авторами и изданиями, которые придерживаются пуристических взглядов. **Вясна! Глядзім наперад з усмешкай!** (vk.com/siadziba?w=wall-73027848_18123).

Окончания *-ма/-мо* 1 лица мн. ч. характерны для речи гродненско-барановичской группы юго-западных говоров и полесского диалекта: повелит. *бўдз'ма*, *стараймас'а*, изъяв. наст. *ждемо́*, *маўчымо́*, буд. *пагл'адз'имо́* (Мацкевіч: 153–159; 243). Формы повелит. наклонения с *-ма* указывались в учебниках нач. XX в.: *бярэма*, *кіньма* (БГ-1918: 98), *ежма*, *уцякайма* (ШГБМ-1927: 84), употреблялись в литературе всего XX в.: **Давай лепш музыкі *наслухайма!* ...Так *сядзьма* вось у лаўкі!** (К. Каганец, 1902 г. // knihi.com); **Давайма жыва ўсё на стол!** (І. Мележ, 1976 г. // knihi.com). Заметим, украинские лингвисты положительно оценивают использование на практике специфических для украинского языка форм повелит. наклонения с окончаниями *-мо* (*-імо*): *звернімося*, *погляньмо*, *заспіваймо* без вспомогательного глагола *давайте* (Городенська 2017: 20).

В сценической речи, печати как элементы разговорного стиля употребляются глаголы I спряж. 3-го лица ед. ч. с окончанием *-ець* (*-ёць*), реже — *-іць* (*-ыць*). К примеру, в спектакле «Пахавайце мяне за плінтусам» НАДТ имени Якуба Коласа г. Витебска, 2017: *Вунь ён ідзець*, в спектакле «Рэвізор» (НАДТ имени Янки Купалы, 2018): *жывець*, *плывець*, *памроць*. Первое драматическое произведение — перевод с русского языка на белорусский, во втором — использована смешанная белорусско-русская речь, так наз. «трасянка», и заметны диалектизмы, характерные для Могилевщины: *ішчо* ‘еще’, *саўсем* ‘совсем’ и др. Тут прослеживается определенная связь с ареалом северо-восточной группы говоров (Витебская, Могилевская и восток Минской обл.): *расц'ец'*, *кладз'ец'*, *ідз'ец'*, *пól'иц'*, *кажыц'* (Мацкевіч: 121–122). Но глаголы с *-ець/-іць* могут ис-

пользоваться даже носителями языка, родившимися в другой местности, поэтому возможно предположить влияние системы русского языка. *Зрабіла шэраг эпизодаў: «коцік кушаіць, гуляіць»* в автобиографической статье М. Латышкевич, уроженки г. Бреста (Бярозка. № 1. 2019: 8). Еще версия – активизация окончания *-ець* глаголов 3-го лица ед. ч. как элемента разговорного стиля, что подтверждает интернет-комментарий: *У мяне тут усё пуцём* (разг. фразеол.) *і такога не будзець* (диал.) <...> *нікагда...* (интерф. бел. *ніколі*) (m.nn.by/ru/articles/203139/comments).

Если обозначить на карте изоглоссы окончаний *-ма* (*-мо*), *-ець* (*-іць*), получаем, что на базу литературного языка влияют противоположные юго-западные грамматические формы, претендующие на нормативность, и северо-восточные, стремящиеся в разговорный стиль. При этом территория объединения двух изоглосс — Кировский и Кличевский р-ны Могилевской обл. — попадает в зону среднебелорусских говоров (см. карту 4).

5. Следует обратить внимание на **ошибки, вызванные неправильным употреблением диалектизмов**. Так, в последние годы понятие ‘одинокий’ выражается не прилагательным *адзінокі*, а *самотны* (СПЗБ, т. 4). Это касается и всей деривационной цепочки. *Эксл Роўз <...> фактычна адышоў ад спраў і стаў жыць самотнікам* (І. Падрэз, программа «Легенды Live. Guns N’Roses». ОНТ, 11.05.2015), сравн. бел. *адзіночка* ‘одиночка’. И хотя в ТСБМ-1977–1984, ТСБЛМ-2016 *самотны* ‘одинокий’ — 1-е значение, смысловые ошибки могут возникнуть из-за пересечения со вторым значением прилагательного *самотны* — *сумны* ‘грустный’. Например, в словосочетании *самотная старасць*, сложно определить одну из семантик, так как обе являются логичными. Слова *самотны* нежелательно употреблять для неодушевленных существительных: к примеру, в календаре «Не маўчы па-беларуску» (2016) есть иллюстрация и подпись *самотны човен* (рус. *одинокий челн*), а также создавать тавтологию: *Вам сумна і самотна?* (nn.by, 19.01.2017). Кроме того, журналисты не всегда используют диалектное слово в достоверном значении, что может сформировать неправильное представление у читателя. *Пустую хату на зіму мала надзейна замкнуць, каб не залезлі якія лёзныя людзі ды не пакралі ці не папсавалі нажытае некалькімі пакаленнямі* (zviazda.by, 07.09.2018). Здесь прилагательное *лёзныя* имеет негативное значение ‘воры, недобросовестные люди’, но по словарям его значение противоположное — *лёзны* ‘ласковый, вежливый’ (СПЗБ), ‘ласковый, нежный’ (РСВ), вероятно, от лит. *laižyti* ‘лизать’ (LRKŽ), так как указанное в СПЗБ т. 2 лит. *liūoži* ‘уважать’ не нашло подтверждения.

Таким образом, на современном этапе некоторые лексические, грамматические и словообразовательные диалектизмы всех групп говоров активизируются в литературной белорусской речи и вытесняют привычные лексемы и формы. Точки пересечения рассматриваемых языковых явлений больше соответствуют зональному делению (ЛГБГ: к. 76, 77). По количеству представленных на реконструированных картах явлений лидирует запад Витебской обл. (9), далее — Гродненская область (8) и г. Молодечно (6). Данная территория является частью северо-западной диалектной зоны. Далее можно выделить территорию, значительно совпадающую с юго-восточной диалектной зоной: Бобруйск – Кировск – Чечерск Могилевской обл. (6), Столинский р-н Брестской обл. (5), Гомельская обл. (4). Точки соединения даже отдаленных языковых явлений частично попадают на территорию среднебелорусских говоров, а значит, имеют предрасположенность к закреплению в литературном языке.

Литература и сокращения

- БГ-1918 — *Тарашкевіч Б. А.* Беларуская граматыка для школ. Вільня, 1918.
- Городенська 2017 — *Городенська К. Г.* Граматичний стандарт української літературної мови і сучасна практика // Граматичні студії: зб. наук. праць / Донецький нац. ун-т імені Василя Стуса; наук. ред. А. П. Загнітко. Вінниця, 2017. Вип. 3. С. 17–21.
- ГСН — Граматычны слоўнік назоўніка : А – Я / навук. рэд. В. П. Русак. Мінск: Беларус. навука, 2013.
- Крывіцкі 2017 — *Крывіцкі А. А.* Выбраныя працы / навук. рэд. В. М. Курцова. Мінск, 2017.
- КСУМ — *Бялькевіч І. К.* Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны, 1970.
- Мацкевіч 1959 — *Мацкевіч Ю. Ф.* Марфалогія дзеяслова ў беларускай мове. Мінск, 1959.
- ЛАБНГ — Лексічны атлас беларускіх народных гаворак: у 5 т. / пад рэд. М. В. Бірылы. Мінск, 1993. Т. 1. Расліны і жывёльны свет.
- ЛГБГ — Лінгвагеаграфія і групоўка беларускіх гаворак: карты / Р. І. Аванесаў [і інш.]. Мінск, 1969.
- НАДТ — Национальный академический драматический театр.
- ОЛА-лс — Общеславянский лингвистический атлас: Сер. Лексико-словообразовательная. Вып. 1. Животный мир / гл. ред Р. И. Аванесов. М., 1988; Вып. 2. Животноводство / под ред. Я. Басары и др. Варшава, 2000; Вып. 3. Растительный мир / гл. ред. А. И. Подлужный. Минск, 2000; Вып. 4. Сельское хозяйство / под ред. А. Ференчиковой и др. Братислава, 2012.
- Правілы 2008 — Правілы беларускай арфаграфіі і пунктуацыі. Мінск, 2008.

- Рамза 2010 — *Рамза Т. Р.* Беларуская мова: з задавальненнем! Для замежных навучэнцаў. Мінск, 2010.
- РС-2001 — Раслінны свет: тэматычны слоўнік / В. Д. Астрэйка і інш.; навук. рэд. Л. П. Кунцэвіч, А. А. Крывіцкі. Мінск, 2001.
- РСВ — Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны: у 2-х ч. / Л. І. Злобін, Г. К. Семьянкова [і інш.]. Віцебск, 2012–2014.
- СБЛМ-2017 — Сучасная беларуская літаратурная мова / пад агульн. рэд. Д. В. Дзятко. Мінск, 2017.
- СБММ — Сучасная беларуская мова. Марфалогія / рэд. З. І. Бадзевіч, В. П. Русак. Мінск, 2018.
- СБМ-па — Сучасная беларуская мова: для студ. спец. «Пачатковая адукацыя» / пад агульн. рэд. Л. М. Грыгор'евай. Мінск, 2011.
- СПЗБ — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5-ці т. / рэд. Ю. Ф. Мацкевіч. Мінск, 1979–1986.
- СУМ — Словник української мови / голов. наук. ред. В. М. Русанівський, наук. кер. В. А. Широков. Київ, 2012.
- ТС — Тураўскі слоўнік: у 5-ці тамах / А. А. Крывіцкі [і інш.]. Мінск, 1985.
- ТСБМ-1977–1984 — Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: [у 5 т./ 6 кн.] / рэд. К. К. Атраховіч (К. Крапіва). Мінск, 1977–1984.
- ТСБЛМ-2016 — Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / І. Л. Капылоў [і інш.]. Мінск, 2016.
- Цыхун 1993 — *Цыхун Г. А.* Арэальныя аспекты фарміравання славянскіх літаратурных моў. Мінск, 1993
- ШГБМ-1927 — *Лёсик Я.* Школьная граматыка беларускай мовы. Мінск: Белдзяржвыд, 1927.
- Шчасная 2017 — *Шчасная К. Д., Марозава А. А.* Класны, клёвы, файны. Выяўленне частотных размоўных і слэнгавых слоў сярод беларускамоўнай моладзі // Маладосць. 2017. № 2. С. 85–90.
- ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Р. У. Краўчук і інш.; рэд. В. У. Мартынаў. Мінск, 1985. Т. 3: Г–І.
- LRKŽ — *Lyberis A.* Lietuvių-rusų kalbų žodynas = Литовско-русский словарь. Viulnius, 2008.

Summary

Ekaterina Goncharenko

The dynamics of the dialectal base in the modern Belarusian language

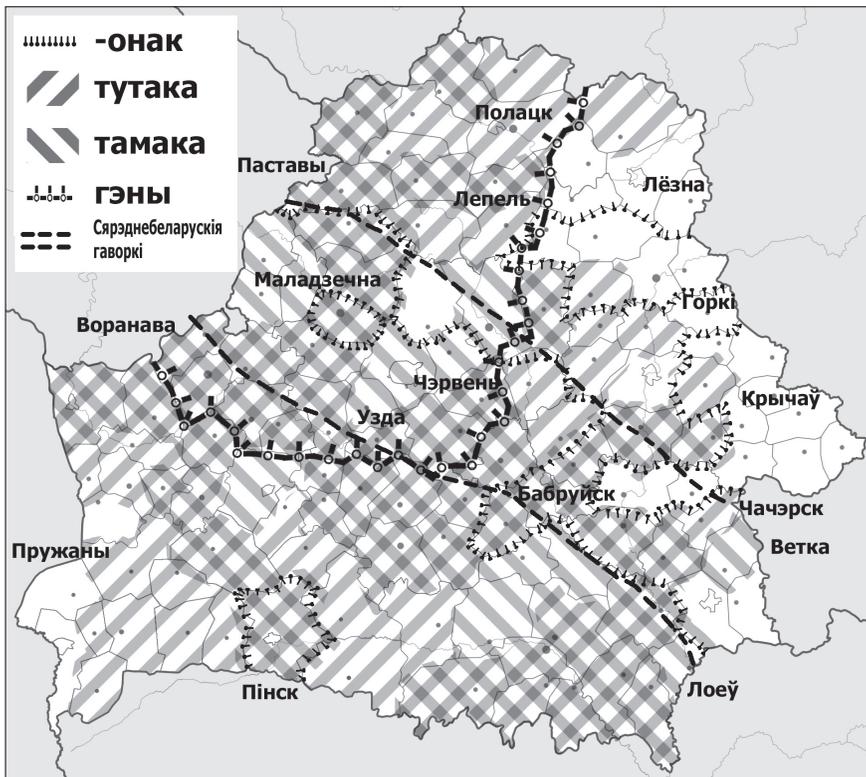
This article observes the tendency of active introduction to the literary language (literature, drama, media and internet-publications) of dialect lexica, derivations variants and grammatical forms. By reconstructing the borders of the most popular dialectic units on the maps, there is making conclusion about the regional influence and transformation of dialectal base of the Belarusian language.

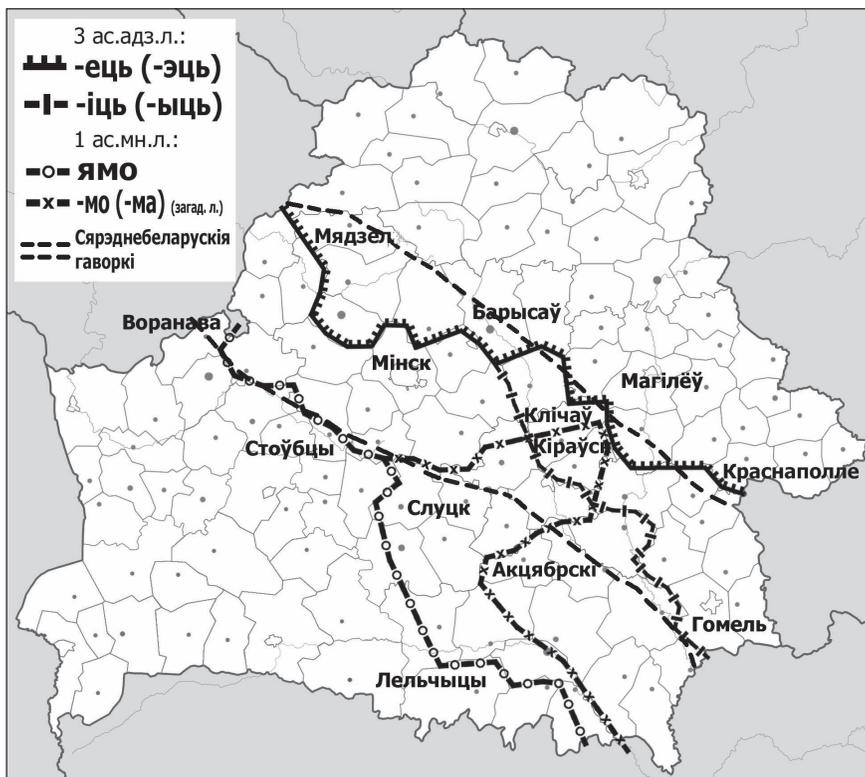
Карта 1. Распространение диалектных названий животного мира

Карта 2. Распространение диалектных названий растительного мира

Карта 3. Словообразовательные варианты в диалектной речи

Карта 4. Распространение в диалектной речи окончаний *-ець (-іць)* в 3 л. ед. ч., *-мо (-ма)* в 1 л. мн. ч.

Е. С. Лунькова
(Смоленск)

Русско-белорусские диалектные соответствия (на материале смоленских, витебских и могилевских говоров)

В центре внимания в данном исследовании оказались имена существительные с конкретно-предметной семантикой, распространенные в смоленских, витебских и могилевских говорах, т. е. функционирующие на всем протяжении русско-белорусской границы на территории Смоленской области. Исследовались слова, которые обнаруживаются регулярно и повсеместно во всех трех группах говоров и по этому признаку противопоставляются лексике, которая представлена отдельными ареалами только в смоленских и витебских или смоленских и могилевских говорах — таким образом, ограниченные лишь одним локальным ареалом смоленско-витебские и смоленско-могилевские лексические параллели не были предметом описания в данной работе (что не умаляет значимости их отдельного исследования в будущем).

Второй ряд лексических параллелей, который не рассматривается в данном исследовании, — это существительные, общие для смоленских говоров и белорусского литературного языка, поскольку представляется обязательным следование ограничениям, накладываемым дихотомией «литературный язык — говоры», как в отношении русского, так и белорусского языка.

В данном случае речь идет не о лексических заимствованиях, хотя и представляется очевидным, что слова, распространенные в смоленских, витебских и могилевских говорах, часто были заимствованы той или иной группой говоров из соседнего говора или диалекта (при необходимости даже можно установить направление этих заимствований). С синхронной точки зрения данные слова существуют в лексической и словообразовательной системах отдельно взятого говора самостоятельно и выступают по отношению к таким же словам другого говора как лексические параллели.

На данном этапе исследования было обнаружено 22 неизменяемых и 64 производных диалектных существительных с конкретно-предметной семантикой, распространенных в трех группах пограничных говоров. Исследования проводились по «Словарю смоленских говоров» (ССГ) и

картотеке Словаря, по «Материалам для областного словаря Могилевщины» (МАСМ) и «Региональному словарю Витебщины» (РСВ).

Примечателен факт, что соотношение непроизводных и производных диалектных существительных с конкретно-предметной семантикой среди лексических параллелей стабильно составляет приблизительно 30% к 70%. Это соотношение выдерживается не только в отношении слов, функционирующих в трех группах говоров (33% непроизводных к 67% производных среди 86 существительных), но и в отношении слов, представленных лишь в двух группах и не вошедших в данное описание: витебские и смоленские соответствия дают результат 29% непроизводных к 71% производных среди более чем трехсот слов, могилевские и смоленские — 32% к 68% среди более чем ста слов.

Среди непроизводных существительных, функционирующих в трех группах говоров русско-белорусского пограничья, лексическое значение в полном объеме с незначительными изменениями в семантике и грамматическом оформлении совпадает лишь у следующих девяти слов:

дрын ‘*длинная палка: неслух нишшасный, дрын пь табе плачить*’ (смол.)

дрын ‘*палка: перацягнула дрынам кабана, дак шаўковы стаў*’ (витеб.)

дрын ‘*кій, якім звычайна паганяюць ці адганяюць жывёлу: вазьмі там дрын ды дрынам яго, ніхай ні абгрызаець парога*’ (могил.)

клец ‘1. *Зуб бороны, грабель или вил: паехыу я рас скырадить, а камней на поли многа було — многа кляцоу пулумау // Зуб гребёнки или расчёски: стану чисать гылаву грибяшком, а там кылдуны, клец и слумаицца. 2. Деревянный гвоздь: а на кляцы мытали нитки; 3. Кол, колышек в клетке, изгороди: павесь тряпку на вулицу, на клец*’ (смол.)

клец ‘*зуб у баране: нада было б у баране клец зрабіць*’ (витеб.)

клёц ‘*зуб бараны: і стальны клёц, а паламаўся, калі я бараніў першы раз бульбу*’ (могил.)

кóврота ‘1. *Ворота: а мы сваи коурьты пькрасили; 2. Калитка: кауроты — ета вароты зы дярэуний, иде уход у няе. У коурьты выижжали с дярэуни*’ (смол.)

кóварат ‘*вароты, брама: прайшоў праз коварат і стаў на двары*’ (витеб.)

коўраты ‘*вароты: закрывай коўраты, а то сьвіньні ўлезуць у грады*’ (могил.)

кράлі ‘бусы, ожерелье: тьяперь крали тожа носять, тока бусьми нъзываютъ’ **кράлі** ‘*каралі: здзень кралі — у гарод ідзеш, а ні танцы*’ (витеб.)

кράлі ‘пацеркі, каралі: мне дык жоўтыя кралі да душы падабаюцца’ (могил.)

латка ‘миска гліняная, алюмініевая, драўляная: налей супу у латку ды еш’ (смол.)

латка, ладка ‘гліняная або драўляная миска: я ўчора смітаны зніла, цэлая латка вышла’ (витеб.)

латка ‘гліняная або драўляная миска: нашчыпі цыбулі, нытаўкі ў латкі, будзім абедыць’ (могил.)

мажара ‘телега с боковымі рэшэтчатымі стенкамі для перавозкі сена, снопов: былі цялеги, мжары с лесніцымі, вазілі сена на іх’ (смол.)

мажы ‘вялікія калёсы для гаспадарчых патрэб (перавозкі сена, дроў і інш.): калі трэба, дык бяры мае мажы, яны за хатай стаяць’ (витеб.)

мажара ‘вялікія калёсы з высокімі драбінамі: мы прывязьлі поўную мажару саломы’ (могил.)

мост ‘1. Пол: учора дужа устамільсь, пыка у хаты мост вымыла; 2. Сени: дверь у масту закрой, кьда прйдёш; 3. Крыльцо: крыльцо у нас мастом нъзываецца’ (смол.)

мост ‘падлога: хаця б мост памыла, ад людзей ужэ стыдна’ (витеб.)

мост ‘падлога: падмяці мост’ (могил.)

рулі ‘кушанье из хлеба или сухарей, покрошенных в подсоленную воду: а кьда рулі сдэлыиш, накрышыш хлєп кусочкымы ды размочиш у ваде’ (смол.)

рулі, руль ‘1. Малако з накрышаным хлебам: помню, як прыедзіш да бабушкі, то первае, што ела, — гэта рулі. 2. Страва, прагатаваная з вады, хлеба і цыбулі: а што ж! Даўней елі не так, як шчас, ні ласаваліся ўсякімі прысмакамі. А ў пост толькя рулі елі, самая смаката для нас была’ (витеб.)

рулі ‘страва, прыгатаваная з накрышанага хлеба ў падсоленую (з алеем і цыбуляй) ваду: рулёў надзелалі і наеліся да горла’ (могил.)

швёрка ‘веревка, веревочка: прыняси-ка мне шворку’ (смол.)

швёрка ‘1. Вярвачка: падперажыся шворкай — ямчэй будзець; 2. Паводок: сабаку на шворку прывяжы, а тады вадзі па сяле’ (витеб.)

швёрка, шмёрка ‘1. Мотуз ці стужка, якой зацягваецца каўнер у кашулі. 2. Повад: карову вялі на шворцы. 3. Тонкая вяроўка: найдзі мне шворку якую-небуць пірвізаць чымыдан’ (могил.).

Большая часть непроезжих слов, функционирующих в трех группах говоров, демонстрируют вариантное, хотя и достаточно близкое в семантическом отношении, наполнение диалектной лексемы. Сюда относятся существительные:

байра́к *‘летнее помещение для скота: быйрак быу только у памешыкью. Летъм свинней у быйрак зъгынялі (смол.)’*

байра́к *‘будынак для сушкі снапоў: згарэў наш байрак, так хоць бы сена сушылі’ (витеб.)’*

байра́к *‘будынак для сушкі снапоў (без печкі)’*

брыль *‘1.1. Шляпка с полями (преимущественно мужская, реже женская): тяперь и стырики у брылях ходють. // Шляпа войлочная домашнего производства с маленькими, узенькими полями. // Мужская шляпа, круглая и треугольная. 2. Шапка, картуз: раньшы брыль гъварили, а тяперь — кепка. // Женская шапочка. 3. Поля шляпы: у деда шляпа с бальшым брылим, ён у ей ходить рыбу лавить. 4. Козырек шапки, фуражки, картуза: кепка нъзат брылим надета. 5. Край чего-либо: Пъставиш чашку на брыль и ръзабеш. // Край крыши, карниз: брыль над вакном или на дому увярух.’*

брыль *‘брыжы: Васіліна абшыла сваю спадніцу ружовым брылем’ (витеб.)’*

брыль *‘1. Капалюш. 2. Выступ (у печи): глядзі не стукніся аб брыль, бо у нас ля дзвярэй адразу печ стаіць’ (первое значение — из белорусского литературного языка).*

эвня *‘1. Помещение для сушки снопов: евня — сушня, что хлеп сушыли. 2. Помещение для хранения сена: евня ръзвалилась, типерь пряма у стох будим сена лажыть’ (смол.)’*

еўня *‘асець, памяшканне пры гумне для сушкі зерня снапоў: у еўні сушыли лён’ (витеб.)’*

ёўня *‘1. Будынак, у якім труць лён: раней у нас была ёўня для сушкі льна, а цяпера мы ня сушым, а як паднімім, дык яго ў Шклоў і пывязуць. 2. Лазня: наша ёўня разбурылась, нету дзе памыцца’ (могил.)’*

квартá *‘кружка любого размера: раньшы пайдеш жать жыта, вазьмеш в вядре кваску и кварту с сабой’ (смол.)’*

квартá *‘кубак, конаўка: поўную кварту малака наліла’ (витеб.)’*

квартá *‘бутэляк 0,75 л.: пазыч мне кварту гарэлки’ (могил.)’*

кўрта *‘1. Верхняя женская одежда из полотна, домашнего сукна, от талии со сборками: курты шыли са свойскъга сукна, каротинький, на*

трёх хвалдъх. 2. *Верхняя мужская рабочая одежда без подкладки, куртка*: а курта — ета рабочия адёжа, дліннъя, так дельли бис пьтклатки, ина и так тяжолъя.’ (смог.)

кўрта ‘*верхняя кароткая вопратка, куртка*: курту новую адзеў’ (витеб.)

кўрта ‘*куртка*: пашылі мне курту с кароткімі рукавамі — рукі мёрзнуць’ (могил.)

лапўн ‘1. *Лепешка из кислого или пресного теста, сваренного картофеля или творога с добавлением муки*: хлебны лупуны пякеш с таго теста, што и хлеп. Пякеш ны скывароди, а еньшыи на протвини ти ны паду. А тады еты лупуны с лоиный тёплый ядуть. 2. *Блин*: Лыпуноу ныпякём, маслим и ядим’ (смог.)

лапўн ‘1. *Тоўсты пухлы блін*: хлеба няма, дык лапун спякла. 2. *Бульбіна, якая перазімавала на полі*: вайной людзі й лапуны елі’ (витеб.)

лапуны ‘*праснакі*: сяньні наеўся лыпуноў сы скваркымі’ (могил.)

лехá ‘1. *Полоса земли, пашни шириной в один взмах при ручном посеиве* // *Пашня*: пашыш-пашыш ету ляху — кынца краю ня винна. // *Узкая гряда*. // *Размер земельного надела в ширину*. 2. *Борозда вдоль полосы, гряды на пашне, огороде*: лиха делить пашни ны палоски, на ляхе нічога ня сеили. // *Огрех*. 3. *Устар. Какой-либо знак (пучок соломы, ветка и под.), черта, отмечающие границу засеваемого участка*: бывала, так идём чилавек триццыть, анни сеють, другиі лехи ставють’ (смог.)

ляхá, лéха ‘1. *Невялікая градка*: вялікую ляху цыбулі пасадзіла. 2. *Ба-разна*: дзеці выкапалі ляху бульбы’ (витеб.)

ля́ха ‘1. *Градка, палоска зямлі, спецыяльна прыгатаваная для вырошчывання агародніны, кветак*: ляхі зырасьлі травой. 2. *Агрэх (пры воруве)*: нашто ты лэхі кідаіш’ (могил.)

люфт ‘*окошечко в фундаменте*: нада заделыть люхты на зиму’ (смог.)

лю́фа ‘1. *Ствол у стрэльбе*: мусі, у мяне люфа крывая. 2. *Адтуліна ў падмурку хаты для вентыляцыі*: на зіму мы затыкалі люфы, каб цяплей было’ (витеб.)

лю́хта ‘*проход для дыму (газаход) у сценцы печы, служыць для аб-агравання*: як люхта нячышчаная добра, тады ўвесь дым на хату вярнуць будзіць’ (витеб.)

люхт ‘*юшка*: нада ўжо люхты закрыць, а то халодна ў хаці, хоць і тапіла печ’ (могил.)

моту́з ‘1. *Плетёный из ниток шнур, вдеваемый в юбку, брюки*: мы разныя мѣтузы пляли с нитык — и белый, и красный. 2. *Шнурок, завязка, бечёвка*: прышыють матус к хвартуку ти к сумке какей, штоб завязывать’ (смол.)

мату́з ‘1. *Завязка ў фартуху*: унучачка, прышый ты мне матузы к фартузу. 2. *Шнурок*: малыя дзеці доўга не ўмеюць завязваць матузы на абутку. 3. *Завязка, вяровачка*: сена можна перавязать і матузом. 4. *Повад*: бяры матуз і ідзі за каровай’ (витеб.)

мату́з ‘*стужка*’ (могил.)

пяхтэ́рь ‘1. *Плетёная из лыка или веревки (чаще) редкая сетка, в которую накладывали сено для корма лошади в дороге*: пяхтерь как сетка, только с крупными диркыми. // *Мешок с сеном*: кыда уйижжали далека нь кынях, то брал пяхтери с сабой. // *Корзина или частая сетка, сплетённая из лыка или верёвок, предназначенная для переноски сена, соломы и т. п.*: две бярэзывыи палки пририплитали, меж йих паложыш сена, стянйш их и нясеш пяхтерь. // *Сумка, мешок с овсом для кормления лошади в дороге*: ти полный пяхтерь ауса? // *Заплечный мешок, котомка*: хадили с пяхтирями малицца у Кийиу, с дому брали пяхтерь с ядой, штоб дь кынца хватила. 2. *Глиняный сосуд, в котором брали или носили еду в поле*: если яны ишли далека касить ти жать, то яду клали у пяхтерь’ (смол.)

пяхцэ́рь ‘*кашэль, вялікая кашолка, звычайна з лучыны*: як куды ехалі ў дарогу, то сена для каня ў пяхцерь клалі’ (витеб.)

пяхцэ́р ‘*Сятчаты мяшок*: мой хлопец прінёс цэлы пяхцер аўсянай саломы’ (могил.)

саян ‘1. Устар. *Домотканый сарафан особого покроя*: сьян — ета сьрѣхван дѣмѣтканый, пѣстрый, и у бунни можна насыть, и у празники. 2. *Шерстяной сарафан*’ (смол.)

саян ‘1. *Паўсукно*: есь такі саян, спадніцы з яго шылі. 2. *Саматканая спадніца*: адзѣжы шмат не было, таму і саян, і сарочку сама сабе спраўляла. 3. *Халат*: у саяне адхадзіла ўсю нядзелю і кофты ні разу не надзела’ (витеб.)

саян ‘1. *Шырокая спадніца ў зборку, зробленая з фабрычнай тканіны і вышытая ўнізе*: етый мой сьян зыхываўся йшчэ з дзвячых гадоў. 2. *Спадніца, зробленая з зялёнай або сіняй суконнай пражы*: надзівай сягоння на йгрышча зялёны саян’ (могил.)

сочэ́нь ‘*пресная ржаная лепешка*: теста атстался, дьвай сачень спяку’ (смол.)

сачэнь ‘1. Праснак, выпечаны з аржаной мукі, на які зверху клалі тоўчаную вараную бульбу і зноў запякалі: яны называліся сачні з таго, што такія сочныя, пышныя былі. 2. Тоўсты блін з дранай бульбы, мукі і сала або малака і яек, цыбулі і морквы: на свята напакла смачных сачнёў, бо ўнукі прыедуць’ (витеб.)

сачні ‘бліны, падрыхтаваныя з бульбы: цэлюю раніцу дзерла бульбу, каб зрабіць дзецям сачні’ (могил.)

чэбот ‘обувь низкого качества (изношенная, самодельная, неизяцная и т. д.): чобьтыми сваими мост зытапчу’ (смол.)

чобаты ‘боты: чобаты адзела на вуліцу выскачыць’ (витеб.)

чабаты ‘боты: чыбаты сабе купіў керзывыя, ды бальшэя’ (могил.)

Непроизводные диалектные существительные часто относятся к достаточно древнему пласту диалектной лексики и в силу этого с течением времени претерпевают определенное количество изменений семантического и грамматического порядка, обусловленных тенденцией к вариантности как характерному свойству любого говора. Эти изменения не являются кардинальными, они приводят к появлению лексических и грамматических вариантов слов и в то же время отображают динамику языковых процессов в родственных группах говоров. Данное положение как раз и подтверждают рассмотренные выше слова, имеющие разного рода расхождения в объеме лексического значения и в отдельных случаях — в грамматическом оформлении в трех группах говоров русско-белорусского пограничья.

Производные существительные, общие для трех групп говоров русско-белорусского пограничья, отличаются от производных в количественном отношении, и характером изменений, обусловленных вариантно-стью диалектного слова.

Если задаться вопросом о причинах устойчивости второй группы соответствий (производные слова), нужно рассматривать ряд факторов, среди которых будут частотность употребления, период функционирования в отдельно взятых говорах, наличие экстралингвистических факторов и т. д. Однако, как представляется, одной из доминирующих причин устойчивости данных лексических параллелей в разных группах говоров является характер деривационных отношений производных слов с их производящими основами.

Производные диалектные существительные представлены по трем группам говоров почти в три раза больше, чем производные — их 64

(к 22 непроизводным). Данное наблюдение говорит в пользу того, что именно такой критерий, как производность, играет важную роль для устойчивости лексической единицы в частной диалектной системе, поскольку в данном случае предполагается, что производное слово обладает комплексом лексико-грамматических значений, унаследованных от своего производящего, и эти связи являются достаточно очевидными для носителя говора, что упрощает использование лексической единицы в словарном составе диалекта. Производность не является препятствием для развития новых лексических значений у лексических параллелей, хотя количество производных диалектизмов, не совпадающих в объеме лексического значения по трем группам говоров, значительно меньше, чем количество диалектизмов, практически полностью совпадающих в своей семантике. Среди обнаруженных слов по трем группам говоров 9 непроизводных существительных совпадают в лексическом значении, 13 непроизводных демонстрируют различия; у производных соотношение обратное: 44 единицы относительно стабильны, а 20 обнаруживают различия в лексическом значении.

Таким образом, именно производность является причиной относительной стабильности той или иной диалектной лексической единицы, существующей как лексическая параллель по отношению к соответствующей единице другой частной диалектной системы.

Критерий производности достаточно многомерен, и в данном случае можно предположить две причины, обуславливающих стабильность лексической единицы, — характер форманта и его словообразовательного значения и характер отношений с производящими основами.

Параллельно с этим необходимо выяснить, как производность связана со стабильностью/изменчивостью лексического значения диалектных слов. Для решения этой задачи будем соблюдать тот же принцип описания, что был задан выше для непроизводных существительных: отдельно рассмотрим слова, обладающие близким или тождественным лексическим значением, и в другую группу включим слова, у которых лексическое значение изменяется (расширяется или сужается).

В первой подгруппе производных диалектных слов, обладающих совпадающим лексическим значением, соотношение частей речи производящих основ позволило установить следующую закономерность: отсубстантивные однозначно преобладают — их 20, к ним примыкают отадективные — их 13, отглагольных 10, одно сложное слово. Рассмотрим данные существительные подробнее.

Отсубстантивныя сущэствительныя:

кулёк ‘короткий суконный пиджак: нъдивай кулёк, а то халонна сян-ни’ (смол.)

кулёк ‘мужчынская кароткае верхняе адзенне, пінжак: здзень кулёк, цепла’ (витеб.)

кулёк ‘пінжак: дзе ты дастаў такі модны кулёк’ (могил.)

латушка ‘небольшая миска, плошка (обычно глиняная, реже деревянная, липовая): были латушки глиняныя, липывыя, з йих ели (смол.)

латушка ‘глиняная або драўляная миска: у латушцы пяклі яешню ў печы, яна не баіцца агня’ (витеб.)

латушка ‘глиняная миска: налі крупені ў латушку’ (могил.)

лубка ‘1. Обруч из лыка: для решыта лупку с лыка дельлы. 2. Лукошко, корзинка из луба: бабы часта хадили у грибы, у ягыды, полный лупки приносили. // Небольшое лукошко. 3. Бочонок, выдолбленный из липы (чаще), ели, осины: с дери́ва выдабливали лупки, яны были бяз ручик. // Бочонок, сделанный из дощечек’ (смол.)

лубка ‘лубянка; ручны кораб з лубу для захоўання, пераноскі чаго-н.: поўная лубка пшаніцы стаіць. // Сявенька, лубянка для ручной сяўбы: насыпаў у лубку зёрна и пашоў на поле’ (витеб.)

лубка ‘сяўна з ліпавай кары: вазьмі лупку, зы ягыдамі пойдзім’ (могил.)

лутка ‘1. Деревная или оконная обсада: скоро яны дом закончуть, атсталыся тока лутку для вакон здельць. 2. Подоконник: пыстау крушку на лутку’ (смол.)

луткі ‘абсада акна, дзвярэй: луткі мянялі год восем назад’ (витеб.)

лутка ‘вушак (дверной косяк): луткі пыкрасілі, штоб даўжэй служылі’ (могил.)

магільнік ‘кладбище: заўтра нъ магільнік пайдём пьмінаць сястру’ (смол.)

магільнік ‘магілкі, месца, дзе хаваюць памерлых: на магільніку, што ля нашай вёскі, многа людзей ляжыць’ (витеб.)

магільнік ‘магільнік: пойдзям сянні ны магільнік — там многа будзіць народу’ (могил.)

надворье ‘место, пространство на крестьянском дворе и перед двором: надворья — ета стырына ва двор’ (смол.)

надвор’е ‘надворак: па надвор’ю гуляюць мае цыпляняткі’ (витеб.)

надвор’е ‘двор: чаму ты не памял надвор’е’ (могил.)

пассажи́рка ‘*пассажирский автобус*: п̑сажырка ти прышла другой рас’ (смол.)

пасажи́рка ‘*аўтобус*: у горад тожна заехаць пасажыркай’ (витеб.)

пасажи́рка ‘*аўтобус*: ці пайшла ўжо пасажырка’ (могил.)

поднебе́нье ‘*свод русской печи*: поды р̑скатывыюцца пу усяму п̑д-нябенню’ (смол.)

паднябе́нне ‘*верхняя ўнутраная частка печы*: печка ў мяне старая, нада каго прасіць, каб хоць паднябенне подмацаваць’ (витеб.)

паднябе́нне ‘1. *Верхняя частка поласці рота*. 2. *Скляпенне ў печы*: на паднябенні няма адной кірпічыны’ (могил.)

падно́жник ‘1. *Холст, на который становятся молодые во время венчания*. 2. *Половик у порога*: падножник — ета такой п̑лавик круглый к̑ла парога, штоб ноги вытирать’ (смол.)

падно́жник ‘1. *Невялікі дыван*: купілі красівы падно́жник. 2. *Палавік*: падно́жник новы звізала’ (витеб.)

падно́жник ‘*палавік (звычайна каля ложка)*: у нас каля краваці красівыя падно́жнікі’ (могил.)

подоко́нок ‘*подоконник*: п̑садила твяты на п̑даконьк’ (смол.)

падако́нак ‘*падаконнік*: падаконак у вакне згніў, нада новы’ (витеб.)

падако́нак ‘*падаконнік*: падконкі ўсе вазонамі заняты’ (могил.)

подузо́рник ‘*кружевная кайма, подзор*: к п̑дузорнику нада кружыва прышыць. // *Цветная кружевная полоска на рукавах рубашек, на сарафане*: шыли рубашкі с п̑дузорник̑м — ідеть, пылатно, а патом палоскі дельиш с кружывама’ (смол.)

падузо́рнік ‘*упрыгожанне для ложка, кавалак тканіны, у якім ніжні край ашыты брыжамі ці карункамі*: ложкак без падузорніка некрасівы, жалеззе тарчыць’ (витеб.)

падузо́рнік ‘*упрыгожванне для ложка, якое падвешваецца збоку*: вельмі прыгожыя ў цябе падузорнікі, вачэй не адарваць’ (могил.)

похлопе́нь ‘Преим. мн. *лапоть*: п̑хлапни плятуцца у клетычки, кавирзни плятуцца ёльчкый, а лапти — палоскуй’ (смол.)

пахлапе́нькі, пахлапе́ньчыкі, пахлапні ‘1. *Тапкі, лёгкія туфлі без абцасаў*: у міне пахлапенькі дужа лоўкія — на нагах не чую. 2. *Лапці, сплеценыя з вяроўкі*: пахапеньчыкі былі мацней, чым лапці з лазы. 3. *Стары разбіты абутак*: пахлапенькі сваі разуваю, як з агарода пріхажу’ (витеб.)

пахлапні ‘*лапці, сплеценыя з вярвак*: у гэтых пахлапнях харашо будзіць у лясу’ (могил.)

пружынка ‘*большая борона с изогнутыми зубьями: у стьрину были такие бароны, пружынки нъзывались, дёрны йими выдирали*’ (смол.)

пружынка ‘*землеапроцоўчая прылада для рыхлення глебы ў выглядзе бараны: пасля вайны каней не было, дык пружынку па нескалька чалавек самі цігали — трудна было*’ (витеб.)

пружынка ‘1. *Ручная прылада для рыхлення зямлі: калі няма пружынкi, дык можна кульцівірываць дранкачом. 2. Спружыноўка: тут нада пружынкай пыработаць, а трактар увязьнець*’ (могил.)

пупок ‘*ручка на косовице: ны пупок руку укльдаиш*’ (смол.)

пупок ‘*ручка на касільне, за якую трымаюцца пры касьбе: правільна пупок трымаць рукой не кожны зможа*’ (витеб.)

пупаўка ‘*ручка ў касі: трэба папытацца ў Змітрака, ці зробя ён пупаўку ў маё касьсё*’ (могил.)

сальніца ‘*ящик для хранения сала: сальніца троху тьякетъ — будить сала сухая лижать*’ (смол.)

сальніца ‘*пасудзіна (дзежка, бочка, кубел, скрынка), у якой захоўваюць салёнае сала: сала не лезіць, нада сальніцу большую*’ (витеб.)

сальніца ‘*скрынка для сала: спачатку сальніцу нада выкіпяціць, пасля высушыць, а толькі тады сала класьці*’ (могил.)

сковорóдник ‘1. *Место в печке, куда ставят сковороды: скыварода стаить у скываронники. 2. Лепёшка (пирог и т. д.), испеченная на сковороде: пыставиш хлеп, вутрём замесиш, паложыш у формы. Кыда аста-ницца теста — пикеш скъвародники. // Ржаная лепешка*’ (смол.)

скаварóдник ‘*праснак, тоўсты прэсны блін з хлебнага цеста: скава-родник смачна есці з малаком*’ (витеб.)

скаварóдник ‘*тоўсты блін з хлебнага цеста: мама, сянніні скыварод-нікаў сьпячы*’ (могил.)

спóдка ‘*вязаная теплая рукавица, варежка: придеш с вулицы с мо-крыми споткьми, паложыш их у пячурку, высъхнутъ к вутру*’ (смол.)

спóдка, спóдки ‘*рукавіцы: сподкі вяжуць і ў дзве, і ў тры ніткі*’ (витеб.)

спóдка ‘*вязаная рукавіца: звязы Мішу споткі*’ (могил.)

та́мбурка ‘1. *Вязальный крючок, вязальная спица: вазьми маю там-бурку и вяжы. 2. Связанная крючком или на спицах ленточка*’ (смол.)

та́мбарка, та́мбырка ‘*крючок для вязания: прынясі тамбырку, буду вязаць сурвэтку*’ (витеб.)

та́мбырка, та́нбырка ‘*прылада для вязання: на, бярі тамырку ды зьвяжы кружава ў скацірку*’ (могил.)

укосник ‘лента, кусочек ткани, вплетаемый в косу: укосникъу табе нарежу, зыплятеш — и красива будить’ (смол.)

укоснік ‘касник, стужка: упляцеш укоснікі — і спяваць на вулицу’ (витеб.)

укоснікі ‘1. істужкі. 2. Тое, што ўплятаецца ў косы: запляту ў косы новыя ўкоснікі і іду на танцы’ (могил.)

чысельник ‘отрывной календарь: чисильник дывай гнать назат, искаць первы май’ (смол.)

чысленнік ‘каляндар: купі ты мне чысленнік на сцяну’ (витеб.)

чыслённік ‘каляндар: кожны гот купляем чыслённікі й вешаем на сцяну’ (могил.)

Слова второй подгруппы образованы от прилагательных и причастий и в целом демонстрируют разные варианты отадъективного диалектного словообразования в близких диалектных системах:

вязёнка ‘варежка, рукавичка домашней вязки: што табе звизать, ти вязёнкі, ай пиршаткі’ (смол.)

вязёнка ‘вязаная рукавіца: мая бабулечка звязала мне вязёнкі — цёп-ляя, мяккія’ (витеб.)

вязёнка ‘рукавіца: вот звязала сабе вязёнкі, можна й сьмела зіму ўстрічаць’ (могил.)

грибovníк ‘1. Грибной суп: грибнэй суп, грибоуник, гаворюць ны яго. 2. Пирог с грибами: пякуць пирох капусник, грибоуник, ти маркоуник’ (смол.)

грыбоўнік ‘пирог, начинены грибами: а ў вас такога грыбоўніка не пякуць’ (витеб.)

грыбоўнік ‘пирог, начинены грибами’ (могил.)

густэш, густыш ‘гуца, густая пицца: жышку паели, а густеш хто будет йись’ (смол.)

гусцэш, густыш ‘гушча, густы асадак травы: унук з супу гусцеш павыцягвіваць, а жыжку дзеду астаўляць’ (витеб.)

гусцэж, густыш ‘гушча (у супе або баршчы): падлей-ка мне гусця-жу с капусты, а то адна вада папалась’ (могил.)

гўца ‘1. Ячменная крупа: ячмень такуць и гушшу пьлучаюць. 2. Густой суп из ячменной крупы: кипятком заллеш крупы и вариш гушшу с ячменю. 3. Творог: будим гушшу йись с блинами’ (смол.)

гу́шча ‘1. *Ячменныя крупы*: у ступі таўклі гушчы і кашу варылі. 2. *Ка-ша з ячменных круп*: будзем зараз есці смачную гушчу. 3. *Суп з ячменных круп, гароху або фасолі*: добра паесці фасолевай або гарохавай гушчы з пецы’ (витеб.)

гу́шча ‘*каша з ячменных круп*: у нас сянні дзюжа смашная гушча’ (могил.)

ка́танок ‘*валенок*: тепла у катынках, мягка’ (смол.)

ка́танкі ‘*валёнкі*: зімой у катанках самы́ раз’ (витеб.)

ка́танкі ‘*валёнкі*: летам катынкі ёсьць, а зімой іх ня будзіць — ідзі купі’ (могил.)

копа́ніца ‘*мотыга*: вазьми-ка ты кьпаницу ды пайдём капусту аку-чим’ (смол.)

капа́ніца ‘*матыка, прылада для ручной праполкі зямлі*: бяры капаніцу і пойдзім палоць’ (витеб.)

капа́ніца ‘*матыка*: кьпаница мая ў Алёны’ (могил.)

копту́рка ‘*коптылка*: раньшы зажгеш каптюрку, а у хати темна’ (смол.)

капцо́рка ‘*лямпа-газоўка*: даўней ва ўсіх былі капцюркі’ (витеб.)

капту́рка ‘*прылада для асвятлення*: у хаце было цёмна, калі патухне каптурка’ (могил.)

ме́шанка ‘1. *Корм для домашняго скота или птицы*: наша свиння целья ядро мешынки съела. 2. *Суп из крупы*’ (смол.)

ме́шанка ‘*Ежа для свойскай жывёлы, прыгатаваная са зваранай тоўчанай бульбы з дабаўленнем пасечанай травы, запраўленая мукой*: зрабі курам мешанкі і пакармі іх’ (витеб.)

ме́шанка ‘*прагатаваны корм для свіней*: на, дружок, мешанку свіням заняяі’ (могил.)

пресну́шка ‘*пирожок, лепешка из пресного теста, картофеля и муки*: зварыш картошки, пьталкеш, у муке абвьяляш и пякеш ляпёш-ки — пряснушки. // *Пирожки, лепёшки из пресного мучного теста*: муку смешывыють с мьлаком или вадой, дьбавють соду и яйцо и пряснушки пякуть. // *Лепешка из любого пресного теста*: пряснушки пякли у вайну из листиу липы, травы и вады’ (смол.)

прасну́шка ‘*праснак, тоўсты блін з прэснага цеста*: зранку мама праснушки пякла часта’ (витеб.)

прасну́шка ‘*праснак*: сённяя ў мяне ўдалісь пряснушкі’ (могил.)

пряжёнка ‘*яичница на сале*: пряжонка — ета яишница, каторыя жарыцца нъ скываради, а цылкавуха — яишница у чашки с м’ялаком’ (смор.)

пражёнка ‘*пражаніна, страва, прыгатаваная з кавалачкаў тушанага мяса і сала з дабаўленнем мукі*: як замуж зайшла, ад сваякрухі навучылася пражонку ў печы гатовіць’ (витеб.)

пражёнка ‘*смажанае сала*: нада ш, пряжонка саўсім згарэла’ (могил.)

сённіца ‘1. *Матрас, тюфяк, набитый сеном*: набей сенъм сенницу и спи. 2. *Сарай для хранения сена, пуня*: пайду нъ сянницу спать’ (смор.)

сённіца, сянніца ‘1. *Адрына, пуня; халодныя будыніна для захоўвання сена*: складаем усё сена ў сянніцу, калі яна бітком набіта, значыць, яго хопіць на зіму. 2. *Яслі, месца ў хляве, дзе кладуць сена жывёле*: у сённіцы няма ні крошкі, ідзи падкладзі ахапку’ (витеб.)

сянніца ‘*будынак для сена*: у етым гаду накасілі многа сена, наклалі поўную сянніну, карова будзець давольна’ (могил.)

толчёнка ‘*картофельное пюре*: талчёнку гатовіли с картошкі: талкли, дыбыуляли яйцо сыроя, уливали у гырячю картошку мылако, ставили у печь’ (смор.)

талчёнка ‘*бульбяная каша*: маці наварыла сматнай талцонкі’ (витеб.)

таўчёнка ‘*каша з бульбы і прасяных круп; тоўчаная бульба*: таўчонка зусім застыла і ня лезла ў горла’ (могил.)

Отглагольные слова в рассматриваемой подгруппе немногочисленны и этим отличаются от двух других подгрупп, описанных выше. Рассмотрим эти слова подробнее:

вытиральник ‘*полотенце*: заутри гости придуть, нада памыць усё и вытиральник чистый павешыць’ (смор.)

выціральнік ‘*ручнік*: каля ведра і выціральнік саматканы вісіць’ (витеб.)

выціральнік ‘*ручнік, уціральнік*: выціральнік патрэбна ўжо даўно мыць’ (могил.)

мешу́лка ‘*деревянная лопаточка, мешалка*: свинням мясили мяшулкой, ета диривянная лыпатка’ (смор.)

мяшу́лка ‘*мяшалка*: вазмі мяшулку ды памішай варэнне’ (витеб.)

мяшу́лка ‘*мяшалка*: хто мішаіць мяшулкій, а я рукою свівінням зымішала’ (могил.)

набірка ‘небольшая корзинка из берёсты или лубка для собирания ягод, грибов: набирка — ета што у ягды ходюць. // Любая небольшая корзинка: принясли набирку с аусом’ (смол.)

набірка ‘невялікая кашолка, пасудзіна для збору ягад: набірку рабілі з ліпавай кары’ (витеб.)

набірка ‘самаробная пасудзіна (з кары вольхі ці бярозы), у якую збіраюць ягады: я набірку, зь літар, чарніц выбрала ля самай дарогі’ (могил.)

намётка ‘1. Тонкое полотно домашнего тканья, чаще с вытканым или вышитым узором: расстелим, бувала, намётку на снегу. 2. Длинный женский головной платок, обычно из тонкого холста с вытканым или вышитым узором, с бахромой: намётки зывязывыли уместа платкоу, ани тока длинной были, как пылатенцы. 3. Полотенце: вытирались мы намётками, йих с хылста дельыли, шшас пылатенцыми называюцца’ (смол.)

намётка ‘1. Вясельны падарунак нявесты родным жаніха: нявеста рыхтавала намёткі ўсім родным жаніха. 2. Хустка, касынка: намётку не забудзь, як да кароў пойдзеш. 3. Вышыты ручнік: мая свікроўка мне намётку падарыла’ (витеб.)

намётка ‘1. Галаўны ўбор замужніх жанчын: надзену, бувало, намётку і пайду гуляць. 2. Кусок матэрыі, які дае парадзіха бабы: купіла намётку красівую сяньні бабі’ (могил.)

напрятка ‘верхняя одежда: хланеливыно бизрукауку зделыиш, тады иди на вулицу и ныпратка ни нада’ (смол.)

напрятка ‘цёплая вопратка (ватоўка, паліто): не магу адшукаць напраткі’ (витеб.)

напрятка ‘вопратка: і напратку якую нада справіць к зіме’ (могил.)

отбітик ‘глиняный кувшин с отбитым верхом: адбили ат гърлыча край, вот и нъываицца адбитик’ (смол.)

адбіцык, абіцык ‘глиняны збанок з адбітым горлам: я там табе малако ў адбіціку паставіла’ (витеб.)

адбіцік, біцік ‘гарлач з адбітай верхняй часткай: кіслыя мылако стаіць там у адбіціку, бярі да й еш’ (могил.)

поскрёбок ‘1. Лепешка из остатков теста: с дешки пьскрябеш и паскрёбък спякеш малинький. 2. Остатки пици: ну што ты лошкуй паскрёпки грябеш. 3. Скребок: паскрёбык тамь-тка, скряби быстрее’ (смол.)

паскробак ‘Хлябец з рэшткаў цеста: як астаецца цеста, дык тады мы падскробышы пяклі’ (витеб.)

паскрóбак ‘выскрабак, маленькая булочка хлеба, спечаная з рэшткаў цеста: я ўжо й бліноў напякла і адзін паскробак выйшаў ат астаткаў цеста’ (могил.)

пачóпка ‘1. Дужка ведра, ручка корзини и под.: тьда вазьму вядро с пачопкьй и иду траву свинням събирать. 2. Верёвочка, верёвка, на которую что-либо цепляют, вешают, за которую привязывают: люлька висела у хати нь пачопкьх. 3. Крючок дверной: пачопка атырвальсь с двери у сенцых’ (смол.)

пачóпка ‘1. Крючок: пальто павесіў на пачопку ў бакоўке, у хату не панёс. 2. Дужка ў вядры з вярóўкі ці дроту, пачапка: пачопку к кашолке прывяжы. 3. Вярóвочка, раменьчык, за якія чапляюць, падвязваюць што-н.: прынясі мне пачопкі памідоры падвязаць’ (витеб.)

пачóпка ‘невялічкая вярóвочка, якая прывязваецца замест дужкі вядра: пачопка пырвалыся, і вядро шчабоўхнула ў калодзіш’ (могил.)

ска́пыч ‘крюк, с помощью которого сгребают с телеги навоз: кьда привозють навос нь тилеги, яво нада скинуть — вилами плоха, нужьн скапыч’ (смол.)

ска́пыч, скапáч ‘1. Крук для скопвання гною з калёс пры вывазцы на поле: да вайны папка са скапачом работаў у калхозе. 2. Загнутыя вілы, якімі накідваюць або скідваюць сена, гной: нацягай скапычом мне сена ў кашалу’ (витеб.)

скапáч, скапáш ‘крук для скідвання гною з воза: калі скапача няма, дык вілкамі гной скідаем’ (могил.)

утира́льник ‘полотенце для вытирания лица, рук: я и касинки, и утиранники вышывала’ (смол.)

уціра́льнік ‘ручнік: там уціра́льнік беленькі вісіць’ (витеб.)

уціра́льнік ‘ручнік: вунь вісіць уціра́льнік’ (могил.)

Сложное слово являється единственным в описываемой группе:

сыроква́ша ‘простокваша: банку с мылаком на сонца пыстааюлю, штоп сырыкваша здельльсь’ (смол.)

сараква́ша ‘сыракваша, кіслае малако, кефір: вельмі смачна есці вараную бульбу з халоднай сараквашей’ (витеб.)

сараква́ша ‘кіслае малако: дзеці вельмі любяць сараквашу’ (могил.)

Во второй подгруппе диалектных существительных, демонстрирующих разного рода несовпадения лексического значения, ситуация с

характеристикой производящих основ является иной, чем в первой подгруппе: 11 отглагольных, 7 отсубстантивных, одно отадъективное. Рассмотрим эти слова подробнее.

Отглагольные существительные:

емкі́ ‘ухват: руками чугуны ня вытিনিш, а вазьмеш ямки и лягоничка’ (смол.)

ёмка ‘чапяла: адыдзі ад мяне, а то як перавяду зараз ёмкай па спіне’ (витеб.)

ёмка ‘матыка: вазьмі, Таня, ёмку: пойдзем палоць сьвяклу’ (могил.)

жамка ‘пряник: жамки укусны купіу’ (смол.)

жамка ‘пернік: дзеці набралі поўныя карманы жамак і пайшлі гуляць’ (витеб.)

жамкі ‘пернікі: мам, купі мне жамык’ (могил.)

жарёнка ‘что-либо жареное, жаркое: жарюць и гаворюць «жарёнка», жарёнка и мяса, и грибы. И рыба тожа жарёнка, и картошка’ (смол.)

жарёнка, жаронка ‘што-небудзь смажанае (звычайна грыбы): на вячэру — скаварада жарёнкі з бульбай’ (витеб.)

жаранка, жаронка ‘смажаная бульба: з етый бульбы жарёнка дужа смашныя’ (могил.)

жлўкта ‘кадка, в которой бучат белье: бяллё клали у жлукту, сыпэли туды залы, дельли шшолгък’ (смол.)

жлўкта ‘бочка, кадушка з дзіркай у дне для запарвання бялізны: бяллё клалі ў жлукту, засцілалі тряпкай, засыпалі залой і залівалі кіпятком, так адбелівалі // Пасудзіна, у якой параць бялізну’ (витеб.)

жлўкта ‘пасуда для выварвання бялізны: дырыгая, дай мне свайго жлукта пажлукціць плацьця’ (могил.)

заложник ‘прибитая к стене полочка, планка, за которую закладывали ножи, вилки, ложки и т. п.: лошки памыиш, паложыш у заложник, во и уся наша пасуда’ (смол.)

заложнік ‘палічка для посуду: заложнік памый, пасуду пастаў’ (витеб.)

заложнік ‘1. Палічка з дзіркамі для лыжак: памый ложкі ды пыстаў у заложнік. 2. Насцённая шафа для посуду: на кухні ў бабулі заложнік высока, ніяк нічога ні дастаць’ (могил.)

замёт ‘доцатый забор: двор жа бальшой быу, тык мижду баний и пуний замёт, ды мижа пуний и домым замёт’ (смол.)

замёт ‘агароджа з бярэвення: замёт рабіўся надоўга’ (витеб.)

замёт ‘1. Агароджа з бярэвення, закладзенага ў шулы: у Панаса саўсім забуріўся зумёт. 2. Сруб калодзежа: вада нічыстая, замёт саўсім заваліўся’ (могил.)

колотўха ‘картофельное пюре, сдобренное чем-либо (молоком, маслом, салом, сметаной, тушенкой и под.): зварим картошку, пыталчом, мылаком забелим — кьлатуха и гатова’ (смол.)

калатўха ‘1. Калатуша, размешаная гразь: на дароге такая калатуха, аж па трубкі ў калёсах. 2. Калатуша, негустая страва за раскалочанай у вадзе ці малацэ мукі, зацірка: калатуху, бывала, часта варылі, а цяперака такое не ядуць. 3. Пошла з запаранай мукі: цілятам калатуху толькі давай, харашо п’юць’ (витеб.)

калатўха ‘яечня: набіла сваім яец і жжарыла калатуху’ (могил.)

колотўшка ‘1. Палочка с сучками на конце для размешивания, взбивания чего-л.; мутовка: дачуш, картоха сварилась, рьзбьлтай яе кьлатушкьй. 2. Скалка для раскатывания теста: рьскьнтай теста пьскарей, а то кьлатушку нада сасетки занесь. 3. Деревянная часть цепа, которой ударяют по верхней части снопа, било: кьлатушка дельтьсь с дубовьй палки. 4. Блин из толченого картофеля: спяки кьлатушук’ (смол.)

калатўха, памянш. **калатўшка** ‘калатоўка, прылада ў выглядзе палачкі з сучкамі на ніжнім канцы, якой таўкуць бульбу, збіваюць масла або размешваюць што-н.: сёдни здзелаем бульбы талчнай, тока к саседкі за калатушкай нада збегаць’ (витеб.)

калатўшка ‘1. Пасудзіна для збівання масла, маслабойка: у кьлатушцы маці зьбівала масла. 2. Таўкач: нада бульбу таўчы, а кьлатушка кудысь прапала’ (могил.)

лежак ‘1. Лежанка: лижак такой гьрячий, што ни пьстялимшы нильзя лижать. // Верхняя часть печи. 2. Деревянный настил между печью и стеной, служащий для лежания: пьлижала трошки нь лижаку, а то на печки жарка, сердца млеить. 3. Горизонтальная часть печной трубы: дет, вазьми мятлу дь пачись лижак, што-та дым ни праходить. 4. Брус, бревно, камень и под., служащие опорой чего-либо: двери niskий — ён стукнуўся гылавой аб лижак. 5. Большой длинный улей, вмещающий более одной пчелиной семьи: лижак бываить многокорпусный, иметь значения, штоб была две матки. // Улей, расположенный с небольшим наклоном: большьй частью лижаки у нас были. // Лежачий бортневой улей’ (смол.)

ляжа́к ‘1. *Ляжанка*: пайду на ляжак, паляжу троху. 2. *Калодачны вулей, які ўстанавіліваецца на козлах*: у ляжак устравалі рагатку’ (витеб.)

ляжа́к ‘*вулей, лежачая калода*: у етым ліжаку ў мяне пчол нетуці’ (могил.)

перепёчка ‘1. *Булочка, которую пекли на свадьбу*. 2. *Выпечка без начинки (булочка, хлебец, лепешка) из остатков теста для пирогов*: ета, кыда пираги пякеш, дь начинка кончицца, а теста асталысь, тьк с яго хлеп пякеш — пиряпечка нъзываицца // *Пирог с картофельной начинкой* // *Хлеб из теста с картофелем* // *Картофельная лепешка* // *Кушанье из картофеля*: париный картохвиль талкли у ступи, патом маслили — ета пирипечка’ (смол.)

перапёчка ‘*піражок, булачка з начынкай*: парачку перапечак перад школай з’еш хоць’ (витеб.)

перапёчка ‘1. *Хлеб з пшанічнай мукі*: сяньні я пірапечак напікла, го-сьці мо прыедуць заўтра к нам. 2. *Праснак, які пняэцца з хлебнага цеста*: мама, сьпячы пірапечку’ (могил.)

Необходимо отметить, что первое значение слова *перापечка* в могилевских говорах совпадает с литературным белорусским языком (ТСБМ): ‘Хлеб круглой формы переважна з пшанічнай мукі. Ні раней, ні пасля Уля не піла такога чаю. Гэта быў кіпень з чорнага аплеценага гляка. Кіпень з мёдам і кіславатай перапечкай, в то время как все остальные значения слова по трем группам говоров отличаются от белорусского литературного языка.

подру́б ‘*деревянный сруб дома*: длі падрубку мы выбіралі у лясу дя-реуя’ (смол.)

по́друб ‘*падруб, ніжняя бярвяно ў зрубе*: у бані даўно ўжо пара новы подруб зрабіць’ (витеб.)

подру́б ‘*ніжнія вянкi ў зрубе*: тут нада новы́ подруб дываць вянцы на два’ (могил.)

Отсубстантивныя слова прадставлены семью сушчэствительнымі:

ісподка ‘1. *Вязаная варежка, обычно надеваемая под другую*: нада будить нъпрясь воуни, зы звизать іспотки. // *Матерчатые рукавицы*. 2. *Нижняя рубашка*: пьт сьрэхван яшшо адывалі іспотку — рубашкь тькая длінныя, биз рукавоу, ізь льна’ (смол.)

ісподкі, іспоткі ‘*рукавіцы*: халодна, а ў мяне ісподак німа’ (витеб.)

ісподка ‘*рукавіца*: вісна пачылася даўно, алі іспоткі ні мішаюць’ (могил.)

козюлька ‘*скамеечка*: пайдёшь карову даить — вазьми казюльку, а ть ноги зыбылять’ (смол.)

казюлька ‘*нізкі самаробны стульчык*: саўсім казюлька зламалася’ (витеб.)

казюлька ‘*маленькая лаўка, зэдлік*: садзісь на казюлька, да пасядзі, баба, пыгаворім ап сём, ап том’ (могил.)

кўхлік ‘1. *Кўвшин*: на поля вады насили у кўхликих. 2. *Глиняный горшок*: у кўхлику сваринья каша душистый и укусней. 3. *Кружка любого размера*: бяри кўхлик у столи’ (смол.)

кўхлік ‘*кубак, конаўка*: кўхлік на дваре забылася’ (витеб.)

кўхлік ‘1. *Глиняная кружка*: а мы ўсїгда кўхлікам чарэпаем малако. 2. *Збан з ручкай*: вазьми малако ў кўхліку, папей з дарогі’ (могил.)

маслянка ‘*пахта*: свежыя мыслянка дужа укусна’ (смол.)

маслянка ‘*маслѐнка, вадкасць, якая застаецца пасля збівання масла*: маслянку не вылівай, яна мне нада’ (витеб.)

маслянка ‘*маслѐнка*: калі мыслянку піць ня будзіця, дык я сьвіньням аддам’ (могил.)

пяколка ‘1. *Лежанка русской печи*: к печки усїгда приделывицица пяколка. 2. *Боковой выступ в верхней части русской печи*: спички нъ пяколки лижать. // *Верхняя часть печи около трубы*. 3. *Боковое место внутри печи, куда сребяют горячие угли*: у пяколки мы сыпаги сушыли. 4. *Боковая часть шестка*: у пяколку ставють скываротки. 5. *Углубление в наружной стене печи, куда кладут вещи для просушки*: вазьми спички у пяколки’ (смол.)

пяко́лак, пяко́лка ‘1. *Прыпечак, месца перад чалеснікамі печы*: як зварыцца ежа сьвінням, на пяколку пакідаю, каб не прастыла да вечара. 2. *Цѐплае месца на печы, куды лазяць грэцца або ставяць што-н. грэць*: на пяколку штаны твае ляжць. 3. *Пячурка, невялікая ніша ў бакавой сцяне печы*: рукавічкі ў пяколку пакладзі, каб высахлі за ноч’ (витеб.)

пяко́лка ‘*пячурка (у печы)*: Таня, ці заграбла ты жар с печы ў пяколку’ (могил.)

погребня́ ‘*погреб*: у пьгрибни кадушки ставили, судники’ (смол.)

паграбня́ ‘1. *Памяшканне для захоўвання бульбы на зіму, склеп*: у паграбне і летам халодна. 2. *Прыбудова да пограба ў яго пярэдняй частцы*: у паграбне ў мяне ляжыць тая картопля, каторая не памясцілася ў пограб’ (витеб.)

паграбня́ ‘*пограб*: пыставілі кадушку на паграбні, і ўсю зіму агурцы елі’ (могил.)

поднавэс ‘*навес*: пьднавес — ета ийде сена хранили, ён бяс стен, тока крыша’ (смол.)

паднавэс ‘*навес*: паднавес шчэ дравамі незапоўнены’ (витеб.)

паднавэс ‘*гаспадарчы будынак*: у паднавэсі злажылі жыта’ (могил.)

приклётник ‘*пристройка, кладовая*: к анбару абизатыльна приделы-выгуса приклетник, летым там хранились сани, а зимой тилеги’ (смол.)

прыклётнік ‘*прыбудова, невялікае памяшканне ў пярэдняй частцы клеці ці свірана*: у прыклетніку вядро найдзі’ (витеб.)

прыклётнік ‘*памост да клеці*: Васіль прыклетнік ладзіць, нада выбраць муку’ (могил.)

Отадьективное слово в данной группе было обнаружено лишь одно:

пенько́вка ‘1. Волокно пеньки. 2. Домотканое полотно. 3. Дешевый платок для повседневного использования: платки у нас были двух выдугу, пнянкоўкі и шалёўкі’ (смол.)

пнянко́ўка ‘*цёплая хустка*: пнянкоўку маю нявестка любіць завязываць, хоць сваіх шапак многа’ (витеб.)

пнянко́ўка ‘*вялікая цёплая хустка*: зывяжы пнянкоўку, а то ўжо халодна’ (могил.)

Таким образом, по результатам рассмотрения разных групп производных диалектных существительных можно сделать следующий вывод: соотношение с существительным или прилагательным в качестве производящего слова в целом благоприятствует стабильности лексического значения производного слова, соотношение с глаголом в качестве производящего, наоборот, может служить одной из причин для развития новых элементов значения у производного диалектного слова.

Предварительное изучение формантных частей лексических параллелей позволило сделать некоторые наблюдения, которые, однако, не носят характер закономерности: у производных слов обеих групп встречается приблизительно одинаковая номенклатура аффиксов, достаточно частотных для славянских языков и их диалектов: *-к(а)*, *-ник*, *-ик*, *-ушк(а)*; в подгруппе существительных со стабильным лексическим значением характерно наличие конфиксов (*под-...-ник* в *подузо́рник* и *подно́жник*, *по-...-ень* в *похлопéнь*, *под-...-ок* в *подокóнок*) и суффиксов *-ок* в *ка́танок*, *кулёк*, *поскребок*, *пупо́к* и *-ниц(а)* в *копани́ца*, *са́льница*, тогда как в группе диалектизмов с несовпадающим объемом лексического значения конфиксы не встречаются.

Літэратура

- ССГ — Словарь смоленских говоров / под ред. А. И. Ивановой, Л. З. Бояриновой. Смоленск, 1974–2005. Вып. 1–11.
- МАСМ — Матэрыялы да абласнога слоўніка Магілёўшчыны. Мн.: Навука і тэхніка, 1981; Матэрыялы да абласнога слоўніка Магілёўшчыны. Вып. 2. Магілёў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2005.
- РСВ — Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны. Віцебск: УА «ВДУ імя П. А. Машэрава», 2012. Ч. 1; 2014. Ч. 2.
- ТСБМ — Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. У 5 т. Менск: Беларуская Савецкая Энцыклапедыя, 1977–1984.

Summary

Ekaterina Lun'kova

Russian-Belarusian dialect correspondences (on the material of Smolensk, Vitebsk and Mogilev dialects)

The article deals with dialect nouns that occur in three groups of closely related dialects of the Russian-Belarusian borderland (Smolensk, Vitebsk and Mogilev) and its function in particular dialect systems as lexical parallels. All found words were divided into two large groups, taking into account the characteristics of their productivity and non-productivity. Non-derivative dialect nouns demonstrate greater variability of lexical meanings due to their expansion or narrowing in semantics, while derivative nouns demonstrate stability of lexical meanings. This observation made it possible to establish such a criterion as the productivity to characterize the stability of dialect units in different groups of closely related dialects.

В. П. Русак
(Минск)

Семантическая деривация и вторичные номинации в речи жителей белорусской деревни

В новом тысячелетии развитие лингвистической науки отмечено возросшим интересом как к общим вопросам природы языка, так и к проблемам его функционирования в современном обществе. Новая научная парадигма междисциплинарных исследований, связанная с тесным переплетением достижений гуманитарных, естественных, технических наук, поставила перед языковедами непростую задачу: изучение языка не ради самого языка, а изучение языка на службе у человека, на службе познания им окружающего мира. Именно поэтому на сегодняшний день, как представляется, в центре внимания современных лингвистов оказываются языковые средства, включающие систему взглядов на проблемы именования и интерпретации всего, что отражается, понимается человеческим сознанием. Прежде всего это относится к результату номинации как языковому знаку, связанному с материализацией мышления, в ходе сложного процесса «опредмечивания человеком объективной реальности» (Уфимцева 2010: 8). Такая коллективная «философия» рассматривается как главный элемент любой этноязыковой культуры, которая формируется в соответствии с мироощущением носителей языка, их ментальностью, совокупностью представлений об окружающей действительности. Несомненно, у народов, исторически, территориально и культурно близких друг другу, языковые картины мира оказываются типологически подобными, а их национальная специфика проявляется, прежде всего, на лексическом и грамматическом уровнях.

Этим обусловлено пристальное внимание к исследованиям языка и речи в современном белорусском языкознании. В Институте языкознания имени Якуба Коласа НАН Беларуси успешно разрабатываются проблемы грамматики, семантики, синтаксиса, компьютерной лингвистики, диалектологии. Созданные фундаментальные словари обеспечивают нормативное использование литературного языка во всех сферах функционирования, в первую очередь в учебном процессе, СМИ, научной и гуманитарной среде после введения в действие новой редакции правил (см. СБМ 2012; ГСН 2013; ГСД 2013; ГСП 2013; АСБМ 2017).

Тем не менее в перечне актуальных изданий работы диалектологов, наполненные непосредственным вниманием к «живым» словам и «первоисточникам» именованний — народным говорам и их носителям, — занимают приоритетное место не только в лингвистике, но и в системе современного человековедения. Это бесспорно, потому что в центре внимания диалектологов всегда находится конкретный человек — носитель национального языка и культуры, хранитель исторических ценностей и традиций.

Детальное изучение содержательной стороны местных говоров и их языковых средств позволяет нам показать, как интерпретируется окружающий мир в соответствии с мироощущением носителей языка и совокупностью многочисленных личных представлений о родной действительности. В данной статье попытаемся коротко представить особенности семантической деривации и вторичных номинаций, зафиксированных в речи жителей современной белорусской деревни. Фактический материал выбран из новых, а также уже известных диалектных словарей (см. Бяльк.; МС; РБ; СП; Сцяш.;ТС). При описании значений предметных номинаций и выяснении семантического диапазона лексических единиц использовались материалы последнего издания «Тлумачальнага слоўніка беларускай літаратурнай мовы» (ТСБЛМ 2016).

Как известно, основы классификации лексических значений были заложены В. В. Виноградовым, а продолжены — в многочисленных семиологических исследованиях разных лет (см. Виноградов 1953; Звегинцев 1957). Следуя за большинством лингвистов, мы считаем значение слова способом концептуализации объективной реальности. При этом принимаем, что основным, обязательным элементом лексического значения «является его интенционал — денотативно-сигнификативная соотносительность слова. Остальные ингредиенты (импликационал) в определенной степени конкретизируют и уточняют значение слова и составляют его периферийную часть» (Старычонок 2017: 22). Критерием определения номинативного (главного, исходного, первичного) значения является его широкое распространение, высокая частота употребления, контекстная независимость, наибольшая парадигматическая и наименьшая синтагматическая обусловленность (см. Звегинцев 1957; Зализняк 2006 и др.). Переносные значения, возникшие, как правило, на базе прямых значений, являются больше гетерогенными, обусловленными контекстом и менее распространенными. Среди переносных значений в отдельные группы выделяются метафорические, метонимические, эмоционально-оценочные и многие другие. В зависимости от признаков, положенных в основу клас-

сификаций, выделяется ряд бинарных значений, среди которых основными являются денотативное (предметное) и сигнификативное (понятийное), узуальное и окказиональное, нейтральное и эмоционально окрашенное, центральное и периферийное и т. д.

В данной статье, анализируя речь сельских жителей, мы стремились отразить и национальные особенности, и культурные традиции, и ценностные представления, и философские основы жизненного уклада белорусских односельчан. Поэтому основное внимание сконцентрировано на образовании системных лексико-семантических вариантов (ЛСВ), метафорических и иных переосмыслениях действительности, а также на способах реализации семантических моделей, являющихся средством познания определенных фрагментов жизнедеятельности, в которых, в первую очередь, отражено социальное, личностное и национальное мировосприятие белорусов. В качестве таких семантических компонентов, объединяющих первичные и вторичные ЛСВ, рассмотрим следующие типологические модели.

I. Наиболее продуктивным типом семантической деривации является метафоризация, при помощи которой активно пополняется сфера человеческих представлений о реальных явлениях и предметах. Такие образования создают особенный параллельный мир интерпретаций, который существует в сознании носителей языка. Метафорические образования во многом обусловлены традиционными живыми представлениями носителей языка о людях, реалиях, действиях. Определено, что когда в зооморфической модели в качестве исходного ЛСВ выступают наименования животных, тогда в речи местных жителей встречаем следующие параллели.

Жанчына — *выдра* — ‘злая’, *кобра* — ‘каварная’, *самадумка* — ‘непаслухмяная, свавольная’: *Унучка* — *самадумка* гэная, з ёй не скамандавайшся, свавольніца гэткая (РБ);

Жанчына — *зязюля*, *ластаўка*, а *жаваранак* — ‘*каханая* дзяўчына’, *накраса* — ‘акраса’: **Жонка** — *накраса мая!* (РБ).

Можно добавить, что положительно характеризуют белорусскую женщину и другие метафорические образования, такие как: *смяхуха* — ‘смяшлівая, всеялуха’: «Такая *смяхуха* — звiнiць i звiнiць», *танцоха* — ‘умее танчыць’, а умеющая работать — это *пчолка*, *мурашка*, а еще *папрадуха* — ‘тая, што прадзе ўсю зiмачку’ (РБ).

Мужчына — *сабака* — ‘злы’, *тарадон* — ‘пустабрэх’, *ліс* — ‘хітры’, *баран* — ‘дурань’, *халярун* — ‘халерык; у гарачай вадзе купаны’.

Важно отметить, что чаще сельский мужчина репрезентируется как: *сціпны* — ‘спрытны, зручны; дасціпны’, *хаплівы* — ‘увішны, быстры’, *цягун* — ‘старанны, працавіты’. «У яе мужык такі *цягун* — ні хвіліначкі не пасядзіць, усё нешта робіць, нешта стараецца, яго да работы так і цягнуць» (РБ).

II. Материалы словарей широко фиксируют перенос наименований по ассоциативной связи, по смежности. Среди этих метонимических переосмыслений в пространственной субстанциональной модели наиболее частыми являются две разновидности:

- 1) «ёмкость (посуда)» — «количество вещества в ней»,
- 2) «материал» — «изделие из него».

Более древними в этой группе считаются соматические переосмысления, которые широко известны и представлены в большинстве языков. Можно вспомнить тот же *локаць* — ‘старажытная мера даўжыні, роўная прыкладна 0,5 метра’, а еще *жменя* и *прыгаричы* — ‘далонь і пальцы рукі складзеныя так, каб можна было што-небудзь набраць’, а так же ‘колькасць чаго-небудзь, што змяшчаецца ў складзеныя такім чынам *жменю* ці *далоні*’.

Локаць — ‘мера даўжыні ад кісці рукі да локця’: *Бабы мералі на локці холст, Арышын больш за локці трошкі* (Сцяш.). *Набяры ў жменю пшаніцы і высып куранятам — Калі сем жменяў, а калі дзесяць у снапу* (Сцяш.).

Реконструировав семантическую связь по этому типу, сюда же можно включить номинации:

Ладка — ‘мера валакна льну, канпель’ — ‘ахапак сухога лёну або канпель’: *Дзве жмені — ладка, а дзесяць ладок — дзесяток — Твая така добра церніца, што я ек бачыш сцерла тры ладкі* льну (ТС);

Нюх — ‘драбок’ — ‘трошкі’: *Вазьмі з нюх солі — Дай мне на нюх табакі* (СП);

Нюшок — ‘узятая ў тры пальцы мука, соль, крупа’ — ‘трошкі’: *Солі адзін нюшок, і досіць* (РБ) — *Дай мне нюшок перцу, солі* (СП).

Подобным образом общее значение ‘незначительное количество, немного чего-нибудь’ положено и в основу модификаций:

Ступяк — ‘ступня’ — ‘мера дліны, роўная адной ступні’: *Ногу поломаў — ступак цэлепаўса* (ТС), *Ступак нагі — Садзяць буракі на весь ступак* (СП);

Комсць (кулак) — ‘мера глыбіні на шырыню далоні’: *Кулак сагне — то комсць — Дошч, пэўна, на комсць зямлю прамачыў* (літ. kumštis) (СП).

III. Довольно большую по количеству и тематическому разнообразию группу образуют метонимические переносы «материал» — «изделие из него». В этом отношении региональные названия выявляют значительную вариативность. Распространенными в народных говорах являются переносы типа:

1) «Материал для изготовления изгороди» — «тип изгороди»:

Лёска — ‘тонкія жэрдкі для загарадзі’ — ‘агароджа з такіх жэрдак’:
Прінёс пук лескі — *Гряды абгароджаны лескью* (Юрч.),

Тын — ‘тоненькі кіёчак’ — ‘агароджа з іх’: *Тын* — *плот з кійкоў* (СП),

Частакёт — ‘прут для агароджы’ — ‘агароджа з іх’ (МС),

Шалёўка — ‘шалёўка, дошка’ — ‘агароджа з дошак’: *Шалёўка будзе добрая з этое колоды* — *Шалёўка* — *сама ходка дошка* (ТС);

2) «Материал, ткань» — «изделие из нее»:

Намётка — ‘тонкае белае палатно, з якога робяць галаўныя ўборы’ — ‘галаўны ўбор — кавалак палатна перашыты на канцах чырвонымі ніткамі’: *Выткала сабе тры губкі намёткі* — *Добрыя ў етый бабы ны гылаве намётка* (Бяльк.);

Плацёнка — ‘даматканае палатно ў палоску або клетку’ — ‘спадніца з даматканага палатна’: *Плаценак ткалі, у сем сартоў нафарбаваць трэба было* — *Плаценку нашыла* (СП);

Рабізна — ‘рабая тканіна хатняга вырабу’ — ‘спадніца з такой тканіны’: *Рабізну ткалі ў клетачкі і палосачку* — *Прыбралася ў рабізну* (СП);

3) «Волокно» — «пража» — «полотно с этого волокна»:

Кўжаль — ‘ачышчанае валакно льну’ — ‘пража, аснова палатна’ — ‘палатно з часанага льну’:

Кўжаль — *гэта самы чысты лён* — *На сарочке ткалі кўжаль, а на плахты* — *зрэбніцу* — *С кўжалью рубашкі, пасцілкі былі* (СП).

Ізрэб’я — ‘грубая, кастрывая кудзеля, якая аддзяляецца пры трапанні ільну’ — ‘палатно з грубай, кастрывай кудзелі’: *Я праду ізрэб’я з кастранявой часткі льну* — *Ізрэб’я* — *шорсткая палатно* (СП);

Нёчысь — ‘адборны лён’ — ‘кужэльнае палатно’: *Нёчысь* — *тонкае палатно* (СП);

Пакуля — ‘грубае валакно’ — ‘грубае палатно’: *Першая пакуля* — *мяхі ткалі, а з другога пакуля* — *штаны мушчынам* — *Гарсет шылі з пакуля* (СП).

4) «Картошка (бульба) — овощная культура» — «еда, приготовленная из клубней этого растения»:

Крышані — ‘кусочки бульбы’ — ‘булён’: *Як картоплю крышаць — кажучь крышаны* — Бульба не зварылася, **крышаны** ў кашы паастава-ліся (СП);

Драчы (драннэ) — ‘цеста з цёртай бульбы’ — ‘блінец з цёртай бульбы’: *Кожный дзень драньнікі* — Сянні я пікла **драчы** (Бяльк.).

IV. «Растения, травы» — «настой, отвар из этих трав».

Подобные вторичные номинации отмечаются как в литературном языке (*рамонак, зверабой*), так и широко в диалектных соотношениях, особенно часто в заговорах: **рамонак**: *Рамонак у чай гадзіцца; свяціянка, свенціян* (літ. *зверабой*): *Свенціян* — *памоцно зелья, шмат ат чаго памагайя; маліса* (літ. *меліса*): *Завары малісы і выпі, пал йак рукой здымя; матачнік* (*надбел*), *чэмер* (*чамярыца*): *Ат чемаюра куры дохнуць; сунічнік* (*ягаднік суніц*): *Сунічны ліст сушуць, а тады п’юць, як чай* (СП, Бяльк., Сцяш., МС).

V. В народных говорах зафиксировано значительное число переосмыслений в рамках атрибутивной модели «определенное качество» — «субъект, которому присуще это качество»:

Благо — ‘кепка, дрэнна’: *Чаму ты так благо памыла пасуду* (Сцяш.);

Блага — ‘бедна ў нястачы’: *Праўда, ён шыў боты і я яму памагала, але ш усіроўна было блага жыць* (СП).

Благі — ‘дрэнны, худы’: *Жывёла была благайя, кармы былі благііа* (МС).

Благі — ‘дрэнны, кепскі’: *Які ты блгі хлопец!* (МС).

Образование атрибутивной модели может реализовываться и в сложных языковых структурах, когда метонимические ЛСВ соединяются и тесно взаимодействуют с метафорическими. Например, одинаковые наименования выявляют различную семантику по разным признакам в территориально близких говорах одного региона. Подобную репрезентацию субстантивных номинаций можно сравнить в следующих обозначениях: **Благата́** (СП):

‘зло, нядобры ўчынак’: *Добры хазяін благаты ня зробіць;*

‘гора, нядоля’: *Каму яна дабрату, благату раскажыць;*

‘дрэнны настрой, цяжкія перажыванні’: *Як зойдзіць благата ў галаву — людзі заканчваюць самагупствам;*

‘тое, што не мае каштоўнасці’: *Благата, а ня вэлна!*;

‘благі, злы чалавек’: *Не прыму благату ў хату.*

‘пераборлівы чалавек’: *Добраму чалавечку — добра і ў запечку, а благаце — плоха і на куце.*

Как видим, первые четыре ЛСВ связаны метафорическими отношениями и образуют парадигму определенных качественных признаков, пятый и шестой ЛСВ носят метонимический характер с пейоративным значением.

VI. Значительное количество тематических групп вторичных номинаций составляют синекдохические переосмысления, которые характеризуются устойчивыми отношениями. Среди них очень распространена соматическая модель, в которой осуществляется перенос значения в направлении «часть тела человека, его орган» — «человек». При этом на первый план выступают характеризующие конкретного человека особенности (его внешний вид, физическое состояние, умственные способности и т. д.). Переосмысления такого плана считаются довольно регулярными и легко узнаваемыми в условиях минимальных контекстов:

Галава — ‘галава’ — ‘асоба мужчынскага полу, гаспадар’: *Яна з галавою, даўленне дужа высокае — У нас па дзевіць дзесяцін на мушскую галаву.*

Каризнь — ‘карак’ — ‘стары чалавек’: *Прыляцеў, набіў майго ўнука ў каризнь — Ён такі стары каризнь* (СП).

VII. К расширению значений слова приводят энантиосемические противопоставления, часто обусловленные культурно-историческими причинами. В живой речи поляризация энантиосемичных лексических вариантов слов происходит в соответствии с типом антонимичности значений, при этом не нарушая их тождественности и единства. Значение противопоставления выражается целым словом (или корневой морфемой):

Кіпень (літ.) — ‘вада ў час кіпення’ — **Кіпець** — ‘кіпень, вар’ — ‘вельмі вялікі мароз’: *Колісь плацье кінем опарвалі — Такі кіпець мороз!* (ТС);

Балота — ‘гразкае, багністае месца’ — ‘балоцістая сенажаць і нагул сенажаць’: **Балота** — *дзе грась, вада стаіць, балотная трава расцець — У нас, дзе сенакос, называюць балота* (СП);

Зара — ‘світанне’ — ‘вячэрняя зорка’: *Світаяць, ужо зара — Зара пры захадзя слонца* (СП).

Таким образом, устойчивый интерес лингвистов к человеческому фактору в языке выявляется, в частности, и при обращении к семантической деривации и вторичным номинациям, в которых отражаются все стороны познавательной, эмоциональной, духовной, ментальной жизни людей. Сюда включаются не только характеристики человека по внеш-

ним данным, социальным признакам, моральным и психологическим качествам, но и наименования сфер деятельности, которые непосредственно воздействуют на повседневную жизнь современной деревни. Семантическая сфера вторичных номинаций является довольно разнообразной, непосредственно связанной с жизнью белорусской деревни. Здесь вторичный семантический континуум функционирует как способ вербализации объективной действительности, как система, в которой нашли отражение базовые константы, в определенной степени отражающие специфику ментальности носителей белорусского языка и культуры.

Літаратура

- АСБМ 2017 — Арфаэпічны слоўнік беларускай мовы / рэд. В. П. Русак. Мінск, 2017.
- Бяльк. — *Бялькевіч І. К.* Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. Мінск, 1970.
- Виноградов 1953 — *Виноградов В. В.* Основные типы лексических значений слова // Вопросы языкознания. 1953. № 5. С. 3–30.
- ГСД 2013 — Граматычны слоўнік дзеяслова / пад рэд. В. П. Русак. Мінск, 2013. 2-е выд.
- ГСН 2013 — Граматычны слоўнік назоўніка / пад рэд. В. П. Русак. Мінск, 2013. 2-е выд.
- ГСП 2013 – Граматычны слоўнік прыметніка, займенніка, лічэбніка, прыслоўя / пад рэд. В. П. Русак. Мінск, 2013. 2-е выд.
- Зализняк 2006 — *Зализняк Анна А.* Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.
- Звегинцев 1957 — *Звегинцев В. А.* Семасиология. М., 1957.
- МС — Мова Сенненшчыны : дыялектны слоўнік. Мінск, 2015. Т. 1–2.
- РБ — *Рыгор Барадулін.* Вушацкі словазбор. Мінск, 2014. 2-е изд.
- СБМ 2012 — Слоўнік беларускай мовы / пад рэд. А. А. Лукашанец, В. П. Русак. Мінск, 2012.
- СП — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. Мінск, 1979–1986. Т. 1–5.
- Старычонак 2017 — *Старычонак В. Д.* Мнагазначнасць слова ў беларускай мове. В 3-х кн. Мінск, 2017. Кн. 1. Асноўныя тыпы полісеміі, кірункі семантычнай дэрывацыі.
- Сцяш. — *Сцяшковіч Т. Ф.* Слоўнік Гродзенскай вобласці. Мінск, 1983.
- ТС — Тураўскі слоўнік. Мінск, 1982–1987. Т. 1–5.
- ТСБЛМ 2016 — Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / рэд. І. Л. Капылю. Мінск, 2016.
- Уфимцева 2010 — *Уфимцева А. А.* Лексические номинации (первичная, нейтральная). М., 2010.
- Юрч. — *Юрчанка Г. Ф.* Дыялектны слоўнік (3 гаворак Мсціслаўшчыны). Мінск, 1966.

*Summary**Valentina Rusak***Semantic derivation and secondary nominations
in speech of Belarusian villagers**

In the article separate models of the formation of secondary nominations in Belarusian dialects are considered. Particular attention is paid to metaphorical and metonymic reinterpretations, in which the surrounding world is interpreted in accordance with the worldview of the native speakers and the totality of their personal perceptions of the native reality. Such names reflect the specificity of Belarusian speakers' mentality.

В. П. Русак
(Минск)

Специфика лексической интерференции в белорусском языке в полилингвальной ситуации

В настоящей статье мы обратимся к двум аспектам современной белорусской лингвопанорамы: определение особенностей функционирования белорусского литературного языка и выявление специфики северо-западной диалектной зоны белорусского языка. Взаимодействие национальных языков и культур, обусловленное межгосударственными и межэтническими связями в различные исторические периоды, является для лингвистики актуальной проблемой. В современных условиях глобализации и информатизации практически невозможно себе представить ни одно этническое сообщество, которое не ощутило бы на себе воздействие как со стороны отдельных национальных культур, так и со стороны всего мирового социокультурного пространства. Это свидетельствует о том, что человечество становится всё более интегрированным, но одновременно не теряет своих культурных и национальных истоков, чем также объясняется интерес к изучению их взаимодействий и взаимовлияний в условиях современного мира.

Как отмечал Л. В. Щерба, «любое взаимное воздействие языков требует наличия людей, которые хотя бы в незначительной степени были двуязычными» (Щерба 2002: 47). Действительно, языковые контакты могут происходить благодаря постоянной коммуникации между носителями разных языков, когда для достижения взаимопонимания ими используются два языка параллельно или попеременно. Именно такие непосредственные контакты и приводят к проникновению речевых элементов одного языка в другой, к возникновению характерных изменений, которые не вызваны внутренними закономерностями языковых систем. Подобные изменения в языкознании получили название лингвистической интерференции. Однако в самом определении ее природы и сущности до сих пор существует множество расхождений и разъяснений. Хотя главная суть, по нашему мнению, состоит в том, что интерференция действительно проявляется в речи билингва/полилингва в результате перестройки моделей одного языка по образцу другого. При

этом перестройка может происходить в одном или в обоих направлениях, т. е. перестраиваются модели как родного, так и чужого языка. По утверждению специалистов, к интерференции приводят случаи наложения языковых систем в процессе речевого общения при частичном отождествлении и смешении языковых норм.

При изучении процессов контактирующих языков часто ссылаются на монографию У. Вайнрайха, в которой отмечается, что размеры потенциальной сферы интерференции и общий объем трудностей при обучении являются прямо пропорциональными расстоянию между системами контактирующих языков. По мнению ученого, интерференция — это «перестройка моделей, которая является результатом вхождения заимствованных элементов в те сферы языка, которые отличаются более высокой структурной организацией, например, ядро системы фонем, основная часть морфологии и синтаксиса, некоторые области словаря» (Вайнрайх 1979: 22). Весьма вероятно, что подобные «случаи отклонения от норм того или иного языка происходят в речи билингов в результате того, что они знают более чем один язык, т. е. в результате языкового контакта» (там же).

Мы придерживаемся сходной позиции, когда под интерференцией понимается взаимодействие языков на разных уровнях в условиях долгих и постоянных контактов между носителями этих языков. Соответственно, непосредственно к явлениям лексической интерференции относятся все изменения в составе лексикона, структуре значений слов, функциях их использования, вызванные межъязыковыми связями. Изменения могут выявляться в речи носителей двуязычия, когда в одном из языков используются в равнозначных словах элементы другого языка, в том числе в однокоренных, но оформляемых в словообразовательном отношении по-разному. Лексическая интерференция в подобных случаях является результатом межъязыковой идентификации, которая чаще происходит на уровне отдельных номинаций, при обсуждении участниками коммуникации определенных жизненных вопросов. Подобные взаимосвязи в значительной степени зависят от генетических отношений между контактными языками: близкородственные языки больше и чаще модифицируются, чем генетически далекие друг от друга.

В условиях функционирования в Беларуси конституционно закрепленного двуязычия (по результатам Майского референдума 1995 г.) при рассмотрении вопросов специфики лексической интерференции следует принимать во внимание взаимное воздействие белорусского и рус-

ского языков друг на друга, проникновение изменений на разных языковых уровнях в той степени, в какой позволяет внутренняя структура близкородственных языков. При учете фактов реальной языковой ситуации, когда белорусский и русский языки употребляются почти параллельно во всех сферах речевой коммуникации, качественный анализ результатов подобного взаимодействия языков — смешанного белорусско-русского литературного двуязычия — автоматически становится одновременно актуальной задачей и практической необходимостью внимательного исследования со стороны лингвистов.

Современное белорусское общество стремится к симметричному двуязычию, при котором каждый его член мог бы без трудностей и без ошибок использовать по необходимости один или другой язык. В связи с этим важным представляется сбор и описание образцов речи с целью установления типологии как лексических, так и фонетических, семантических, а также иных трансформаций, которые развиваются под воздействием соответствующих интерференционных явлений в контактирующих языках. Углубленное изучение широкого комплекса вопросов белорусско-русского двуязычия — одна из актуальных задач современной белорусской лингвистической науки. Непосредственному решению существующих проблем подчинена деятельность специалистов отдела белорусско-русских языковых связей Института языкознания имени Якуба Коласа НАН Беларуси. Более 40 лет (после создания отдела в 1977 г.) здесь занимаются изучением особенностей функционирования близкородственных языков в обществе. Результатом последних проведенных сравнительно-типологических исследований стала монография «Сопоставительное описание русского и белорусского языков. Словообразование», где устанавливаются основные способы и средства образования мотивированных единиц всех знаменательных частей речи, определяется степень сходств и различий корпусов словообразовательного инвентаря близкородственных языков. Рассматриваются особенности воздействия системы русского языка на развитие словообразовательной системы белорусского языка (Сопоставительное 2014).

Отмечая важность изучения особенностей функционирования белорусского и русского литературных языков в условиях билингвизма, необходимо учитывать, что как языки одной восточнославянской ветви они обладают многими сходными характеристиками, унаследованными из общеславянского источника, а именно: значительным общим лексическим составом, подобным грамматическим строем, сходными фоне-

тическими чертами, орфоэпическими нормами и т. д. Вместе с тем исследователи и носители этих языков представляют, что имеются и такие контрастные различия, когда в условиях речевой ситуации могут быть ошибочно использованы одни слова вместо других при недостаточно глубоком владении вторым языком, например, в лексике: рус. *сторонник* – бел. *прыхільнік*, рус. *железная дорога* – бел. *чыгунка*, рус. *гроза* – бел. *навальніца*, бел. *вавёрка*, рус. *аист* – *бусел*, *красота* – *прыгажосць*, *крепкий* – *моцны*, *искренне* – *шчыра*, *качественно* – *якасна*, *следить* – *сачыць*, *желать* – *жадаць*, *делать* – *рабіць*, *старшина* – *старшыня*; отличительные черты в фонологии: рус. [р] и [р'] твердое и мягкое — бел. [р] только твердое, рус. [ч] мягкое — бел. [ч] твердое, рус. [т'], [д'] мягкие зубные — бел. [ц'], [дз'] мягкие аффрикаты, рус. [ж], [ш] со слабой веларизацией — бел. [ж], [ш] с сильной веларизацией и т. д.

Белорусский фонетист П. В. Садовский отмечает, что «по совокупности наиболее типичных примет русской речи говорящей личности можно судить о ее принадлежности к белорусскому ареалу русского языка. Такой типичной комбинацией нужно считать наличие таких черт, как палатальные [с''], [з''], [ц''], [дз''], твердые [ч] и [р], только количественная редукция гласных в неударных слогах» (Садовский 1982: 228). Более того, поскольку подобные ошибки носят системный социальный характер, вызванный параллельным функционированием близких языков, они наиболее устойчиво сохраняются в русской речи белорусов-билингвов, а поэтому могут быть использованы также и в различных прикладных целях.

Таким образом, уникальность представленной ситуации состоит в том, что в Беларуси, при постоянном контакте и переключении языковых кодов, во всех процессах интерференции активно участвуют два литературных языка. При этом активность языка-донора выявляется через его воздействие, а активность языка-реципиента — через возможность воспринимать/воспроизводить конкретные единицы и их словоформы. Анализируя проблемы смешанного белорусско-русского / русско-белорусского двуязычия, необходимо подчеркнуть, что оно нивелирует границы между близкородственными языками в представлении билингвов. Это приводит к тому, что носители зачастую колеблются на разных языковых уровнях при выборе системного элемента того языка, которым пользуются в данный момент. Подобное языковое развитие оказывается неблагоприятным для речевой культуры носителей контактирующих языков и национальной культуры вообще. Приостановить такую тен-

денцию развития двуязычия возможно только путем последовательного внедрения несмешанного билингвизма во все сферы языковой практики, которое может быть обеспечено только при высокой культуре владения как белорусским, так и русским языком.

Еще более сложная система лексического взаимодействия выявляется в белорусских диалектах, в частности в говорах северо-западного лингвогеографического ареала, который отличается значительным количеством явлений интерференции, связанных с ее реализацией в полилингвальной ситуации на протяжении длительного времени. Именно такой зоной многовековых интенсивных контактов белорусского языка с балтийскими, прежде всего с литовским, а также польским и русским языками является северо-запад Беларуси. Лингвистические данные с этих территорий, пограничных с Литвой, Латвией, Польшей, Россией, вызывают постоянный пристальный интерес и внимание исследователей. Установлению общей картины языкового взаимодействия в данном ареале посвящен ряд научно-исследовательских работ (Судник 1975; Непокупный 1989; Старичонок 2003; Гируцкий 2012).

Анализируя белорусские региональные явления как закономерные социальные факторы языкового взаимодействия, по мнению специалистов, «важно не только учитывать внешний лингвистический фон контактов разных языков, но и исследовать внутренние импульсы, которые могут живиться истоками родного языка и развиваться в языковой зоне би- или даже трилингвизма» (Никитевич 1985). Подобные языковые взаимодействия происходят благодаря постоянной коммуникации между носителями контактирующих языков, когда используются два/три языка параллельно или попеременно.

Специфика данного региона, по словам Т. М. Судник, заключается в мозаичности размещения диалектов разных языков, в двух- и трехязычии населения, в выработке целого ряда общих языковых элементов в результате симбиоза, в реализации в языковой практике собеседников определенных правил соответствия между элементами контактных языков. И еще, как отмечает автор, непосредственно «литовские, белорусские и польские говоры, локализующиеся в этой области, обнаруживают в своей структуре значительное и, вероятно, продолжающее расти число типологически сходных черт, отличаясь от смежных территорий более высокой концентрацией подобных схождений и образуя лингвогеографическое единство, близкое к языковым союзам» (Судник 1975: 10).

Действительно, именно такие межкультурные и межъязыковые контакты определяют неизбежные изменения в речи ретрансляторов языка и дают богатый практический материал для анализа явлений интерференции как объекта научного дискурса, поскольку на ее возникновение оказывают влияние не только чисто лингвистические, но и социальные, политические, психологические, а также иные факторы. Здесь интерференция проявляется в фонетической, грамматической и лексико-семантической системах контактирующих языков во всех сферах их функционирования.

Следует с удовлетворением отметить, что в белорусской диалектной лексикографии имеется словарь, который широко представляет лексику уникального лингвогеографического ареала, включает материалы белорусских говоров с соседних приграничных территорий — Литвы, Латвии, Польши. Это хорошо известный лингвистам, подготовленный коллективом белорусских, литовских и польских исследователей «Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча» в 5 томах, под редакцией Ю. Ф. Мацкевич (Слоўнік 1979–1986). Указанная языковая территория обследована комплексными диалектологическими экспедициями в ходе сбора полевых материалов для «Общеславянского лингвистического атласа» и «Лексического атласа белорусских народных говоров». Основная часть лексики записана от носителей белорусского языка, а также от билингвов, активных пользователей литовского, польского, белорусского и русского языков.

В данной части статьи остановимся на характерных лексических особенностях этой зоны (не касаясь деталей фонетической и грамматической систем языка), преимущественно являющихся диалектными либо представляющими общие/отличительные черты соседствующих языков.

Рассмотрение специфики лексической интерференции в интересующем нас регионе начнем с самой северной его части, которая граничит с Псковской областью России, что, естественно, сказывается в большом числе лексических заимствований из русского языка. В белорусских диалектах этой территории зафиксировано наибольшее число слов русского литературного языка, а также диалектной лексики с прилегающих восточных районов пограничья, ср.:

абі́да *ж.* Крыўда. *Плачыць ад абіды.* Лісна В.-Дзв.; *параўн.* рус. *обида* ‘тж’.

адвэ́ціць *зак.* Адказаць. *Вы кажыця, што трэба, — мы адвэцім.* Ністанішкі Сморг.; *параўн.* рус. *ответить* ‘тж’.

адзіналічна прысл. Аднаасобна. *Пасвілі каровы адзіналічна*. Мсцібава Ваўк.; *параўн.* рус. *единоличный* ‘тж’.

аслабадзіць зак. Вызваліць. *Рускія ослабадзілі нас у Германіі*. Бакшты Іўеў; *параўн.* рус. *освободить* ‘тж’.

атвічаць незак. Адказваць. *Ні ён, а яна атвічаіць*. Саланое Віл.; *параўн.* рус. *отвечать* ‘тж’.

ацёц м. Бацька. *Ацец плотнікам быў*. Ахрэмаўцы Брасл.; *параўн.* рус. *отец* ‘тж’.

ашушкаваць незак. Апранаць, ухутваць. *Не ашушкавай так имат — ты дзяцей ашушкуюеш* цёпла. Вецярэвічы Пух.; *параўн.* рус. *дыял. шушкун* ‘каптан, шубка, душагрэйка’ (Даль, IV, 550).

Языковая тэрыторыя северо-западной часты Беларусі — гэта зона даўніх інтэнсіўных кантактаў беларускага мовы з балтыйскімі, в першую ачэрэд з літоўскім і латышскім мовамі. Імяно па гэтым у даным слоўніку так многа слоў літоўскага паходжання, якія актывна іспользуюцца жыхарамі рэгіёна, а такжэ шырока ізнестны в беларускім дыялектным мовы за граніцу арэала, ср.:

агіляцца незак. Сланяцца, гультаяваць. *Ён агіляўся не хацеў рабіць*. Вецярэвічы Пух.; *параўн.* літ. *gylinėti* ‘тж’.

алксня ж. Вольха. *У алксніне алксні адны і растуць*. Малькуны Ігн.; *параўн.* літ. *alksnis* ‘тж’.

анягош прысл. Няўжо. *Анягош тую банку падасі гасцям?* Валынцы В.-Дзв.; *параўн.* літ. *niaugù* ‘тж’.

апелька ж. устар. Прарэшак для гузіка. *Прарэжаш апельку і зашпіляш*. Крэва Смарг.; *параўн.* літ. *pélkė* ‘тж’.

арўд м. Засек. *У арўд зерне засыпалі*. Беразіно. Докш.; *параўн.* літ. *arūodas* ‘тж’.

асёклі мн. Хвошч балотны і палявы. *У жыці имат асёклі*. Жылі Іўеў; *параўн.* літ. *asiūkliai* ‘хвошч’.

балтакрэўсы мн. этн. Беларусы. *Мы балтакрэўсы, ці беларусы*. Істра Лудз.; *параўн.* лат. *baltkrievi* ‘тж’.

брызгаўкі мн. заал. Авадні, сляпні. *Брызгаўкі на коні нападаюць*. Валынцы. В.-Дзв.; *параўн.* літ. *brizgėlė* ‘сляпень’.

Польскі мовы в гэтым рэгіёне імае тажэ даўныя і глыбокія традыцыі, што естэственна сказываецца на актывным заімастваванні палонізмаў, якія саставляюць самыя разнаобразныя пласты лексікі:

абрончка ж. Пярсцёнак. *Дзве абрончкі на пальцы ў яе*. Паляцкішкі Воран.; *параўн.* польск. *obrączka* ‘тж’.

абывáталь м. Грамадзянін. *Палякі ня хочаць запісаць яго, бо гэта ўжо ня іх абываталь.* Пронькі Мядз.; *параўн.* польск. *obywatel* ‘тж’.

адгадну́ць зак. Адгадаць. *Хто адгадне загадку?* Новыя Мацалі Ва-рэн. польск. *odgadnąć* ‘тж’.

адзінасьця ліч. Адзінаццаць. *Пятнасьця кіль ці адзінасьця.* Жодзішкі Смарг.; *параўн.* польск. *jedenaste* ‘тж’.

алькёр м. Каморка. *В алькерові можна пэрэспаці.* Курашэва Чыж.; *параўн.* польск. *alkierz* ‘тж’.

апцэ́нгі мн. Абцугі. *Апцэнгі ест у вас?* Мсцібава Ваўк.; *параўн.* польск. *obcęgi* ‘тж’.

атруці́цца зак. Атруціцца. *Можна атруціцца грыбамі.* Старыя Трокі Каўняны Гродз.; *параўн.* польск. *otruć się* ‘тж’.

ба́рдзо прысл. Вельмі. *Бардзо часта не даю ім есці.* Навасёлкі Свісл.; *параўн.* польск. *bardzo* ‘тж’.

бары́лак м. Бочачка з двума днамі. *У барылак налівалі вады, калі касілі.* Малахоўцы Бар.; *параўн.* польск. *baryłka* ‘бочка, бочачка’.

Из иллюстраций живого народного языка этого региона видно, что лексика белорусских говоров по своему характеру отражает наименования сельскохозяйственных предметов, инструментов, явлений животного и растительного мира, различных бытовых понятий, заимствованных в результате прямых и опосредованных взаимоотношений между проживающими рядом народами. Можно также отметить, что в результате лексического воздействия белорусского языка в русском и польском региональных языках образуются лексико-семантические инновации. Несколько характерных примеров: *ох и балбатун* – рус. *болтун*, бел. *балбатун* ‘які занадта многа гаворыць’; *гультай работы не боится* – рус. *лодырь*, бел. *гультай* ‘лянівы чалавек’; *hultaj* польск. *próźniak* – бел. *гультай*; *тын плечіону* – польск. *opłotek*, бел. *тын* ‘агароджа з жэрдак’; *запінкі теперь мало носят* – рус. *запонка*, бел. *запінка* ‘засцёжка для манжэтаў і каўняра мужчынскай сарочкі’; *смотри слоики не побей* – рус. *банка*, бел. *слоік* ‘шклянны ці керамічны’; *драніки* будут вечером – рус. *оладьи*, бел. *дранікі* ‘з дранай бульбы’.

Приведенные материалы демонстрируют выразительный белорусский элемент, который отмечается у представителей русской и польской национальных групп в разных лексико-тематических группах слов. Наиболее продуктивно он выявляется в лексической сфере, как результат действия специфических местных условий и непосредственных контактов, — в первую очередь через номинации, которые отражают национальный быт и архетипы белорусского народа.

Языковые связи, бесспорно, постоянно оказывают воздействие на общелингвистические и этнические процессы, что вызывает неизменный интерес к вопросам их функционирования в мультикультурном пространстве. Это подтверждают и исследования, проведенные в новом тысячелетии литовскими учеными. Их данные помогают лучше понять специфику современного состояния юго-восточного региона соседнего государства. Продолжается дальнейшее изучение этнокультурного развития региона, в актуальных материалах описываются также и лексические особенности, но на этот раз уже как бы с другой стороны пограничья — с территории Литовской Республики. Богатый материал по этой теме находим в книге «Беларуская мова ў Літве: сацыякультурны і лінгвістычны аспекты», где представлены вопросы славянского воздействия, в частности белорусского языка, на литовский язык (Плыгавка 2009). Автор монографии показывает, что функционирование белорусского языка в юго-восточном регионе Литвы выступает одним из факторов, оказывающих влияние на формирование региональных особенностей лексических систем и русского, и польского, и литовского языков, через калькирование и заимствование белорусизмов, типа *бульба*, *дажынкi*, *зацірка*, *лёс*, *выдаткi*.

Еще в середине XX в. на основании личных исследований Е. Й. Гринавецкене высказывала мнение, что «литуанизмов в белорусских говорах сравнительно меньше, чем белорусизмов в литовском». Новые данные свидетельствуют о следующем движении славянского ареала в регионе балто-славянского взаимодействия, где, как показывают последние работы, «произошло перераспределение статуса и сфер реализации русского и литовского языков, расширили свое воздействие польский и белорусский языки, возросла коммуникативная роль английского языка» (Плыгавка 2017: 27). При этом отмечается, что, пройдя фонетическое и лексико-семантическое освоение, многие белорусизмы уже стабильно закрепились в системе литовского литературного языка. Так, по данным автора, в «Словаре литовского языка» выявлено 2952 номинативные единицы различных предметно-тематических групп (Плыгавка 2017: 25).

Следует обратить внимание, что в этот словарь вошла также большая часть лексики «Слоўніка беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча». Анализ показывает, например, что среди существительных, заимствованных в литовский язык из белорусского, выделяются в первую очередь тематические номинации, обозначающие необходимые, важные для жизнедеятельности людей понятия и предметы.

Названия строений и их частей:

павёць ж. ‘Пляцоўка пад страхой на слупах для хавання чаго-небудзь ад непагоды’, *параўн.* літ. *pavietis* ‘тж’.

пóкуць ж. ‘Кут у хаце, дзе вiсeлi абразы i стаяў стол, за які садзілі паважаных гасцей’; *параўн.* літ. *pakūčia* ‘тж’.

ліхтáрня ж. ‘Асвятляльны прыбор у шклянým шары’; *параўн.* літ. *liktarna* ‘тж’.

штáба ж. ‘Жалезная засаўка, завала’; *параўн.* бел. дыял. *штáба*, польск. *sztaba* і літ. *štoba* ‘тж’.

Названия растительного и животного мира:

чабóр м. ‘Травяністая духмяная расліна’, *параўн.* літ. *čiobras* ‘тж’.

каниошýна ж. ‘Травяністая расліна’, *параўн.* літ. *kaniušina* ‘тж’.

селязёнь м. ‘Качар’ *параўн.* бел. дыял. і літ. *selezenius* ‘тж’.

Названия конкретных вещей:

абру́с м. ‘Кавалак тканiны, якiм засцілаюць стол’, *параўн.* літ. *abrusas* ‘тж’.

Названия продуктов питания:

заці́рка ж. ‘Рэдкая страва з мучных камячкоў, згатаваная на вадзе або малацэ’, *параўн.* літ. *zacirka* ‘тж’.

панцáк м. ‘Круглыя ячныя крупы; суп з гэтых круп’, *параўн.* літ. *pansokas* ‘тж’.

Как видно, белорусизмы в структуре литовского литературного языка занимают довольно стабильное место среди другой лексики и обслуживают разнообразные сферы жизнедеятельности носителей языка. Попадая в другой язык, они подвергаются определенному воздействию и адаптации. Среди существительных выделяются такие, которые при заимствовании практически сохранили оригинальную фонетическую и грамматическую оболочку белорусского слова, а другие получили литовские словообразовательные элементы.

Из сказанного можно сделать следующие выводы. В нашей стране белорусско-русское двуязычие имеет характер литературного, где каждый из языков — равноправный партнер в процессе функционирования в государстве и личной коммуникации. Близкородственность белорусского и русского языков обеспечивает пользователям возможность относительно легкого пассивного овладения вторым языком. Проблема интерференции в условиях белорусско-русского двуязычия определяется преимущественно как проблема лингвистической культуры этих языков. Важным является факт, что современное белорусское общество

стремится к симметричному двуязычию, а поэтому, изучая второй язык, жители республики вместе с тем стремятся улучшить владение первым.

Существование северо-западной диалектной зоны белорусского языка с высоким процентом контактного проживания белорусов, русских, поляков, литовцев создает условия для развития разных типов билингвизма (белорусско-русский, русско-белорусский, белорусско-польский и т. д.), при котором активно интерферируют белорусский, русский, польский, литовский языки. Белорусское воздействие наблюдается на всех языковых уровнях, и в первую очередь лексическом, который является наиболее открытой и подвижной системой. В основном сфера воздействия белорусского языка ограничивается устной речью, которая подчиняется главной цели: достижению взаимопонимания между говорящими. Однако лексикографическая фиксация белорусской народно-диалектной лексики позволяет считать ее одним из ресурсов пополнения лексического состава литературных языков контактирующих народов.

Литература

- Вайнрайх 1979 — *Вайнрайх У.* Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования. Київ, 1979.
- Гируцкий 2012 — *Двуязычие: теория и практика / под ред. А. А. Гируцкого.* Минск, 2012.
- Непокупный 1989 — *Непокупный А. П.* Общая лексика германских и балто-славянских языков. Киев, 1989.
- Никитевич 1985 — *Никитевич В. М.* Некоторые тенденции языковых изменений и русско-белорусский билингвизм // Региональные особенности восточнославянских языков, литератур, фольклора и методы их изучения: тез. докл. и сообщ. III респ. конф. Гомель, 1985. С. 143–145.
- Плыгавка 2009 — *Плыгаўка Л. Л.* Беларуская мова ў Літве: сацыякультурны і лінгвістычны аспекты / навук. рэд. В. Д. Старычонак. Вільнюс, 2009.
- Плыгавка 2015 — *Плыгаўка Л. Л.* Беларуская мова ў полікультурным рэгіёне (паўднёва-ўсходняя тэрыторыя Літоўскай Рэспублікі). Мінск, 2015.
- Плыгавка 2017 — *Плыгаўка Л. Л.* Беларуская мова ў полікультурным рэгіёне Літоўскай Рэспублікі: гісторыя, сучасны стан, тэндэнцыі развіцця: аўтарэф. дыс... доктара філал. навук. Мінск, 2017.
- Садовский 1982 — *Садоўскі П. В.* З’явы фанетычнай інтэрферэнцыі ва ўмовах беларуска-рускага білінгвізму // Пытанні білінгвізму і ўзаемадзеяння моў. Мінск, 1982. С. 176–229.
- Слоўнік 1979–1986 — *Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: У 5-ці т. Мінск, 1979–1986.*

- Сопоставительное 2014 — Сопоставительное описание русского и белорусского языков. Словообразование / науч. ред. А. А. Лукашанец, О. М. Николаева. Минск, 2014.
- Старичонок 2003 — *Старычонок В. Д.* Полісемантычныя субстантывы ў беларуска-літоўска-польскім паграніччы: суаднесенасць асобнага дыялектнага кантынума і рэгіёна // XIII Міжнародны з'езд славістаў, Любляна, 2003 г.: дакл. беларус. дэлегацыі. Мінск, 2003. С. 196–209.
- Судник 1975 — *Судник Т. М.* Диалекты литовско-славянского пограничья: очерки фонологических систем. М., 1975.
- Щерба 2002 — *Щерба Л. В.* Избранные работы по языкознанию и фонетике. СПб., 2002. Т. 1.

Summary

Valentina Rusak

Belarusian lexical interference in polylingual space

The article deals with the lexical interference of the modern Belarusian literary language and its features in the north-western dialect zone. It is shown that the problem of interference in the conditions of the Belarusian-Russian literary bilingualism stands, mainly, as a problem of the culture of these languages. Modern Belarusian society strives for symmetrical bilingualism with equally good command of Belarusian and Russian. The lexicographic fixation of the Belarusian dialect vocabulary suggests that it is one of the resources for replenishing the lexical composition of contacting literary languages.

С. Хабиянец
(Братислава)

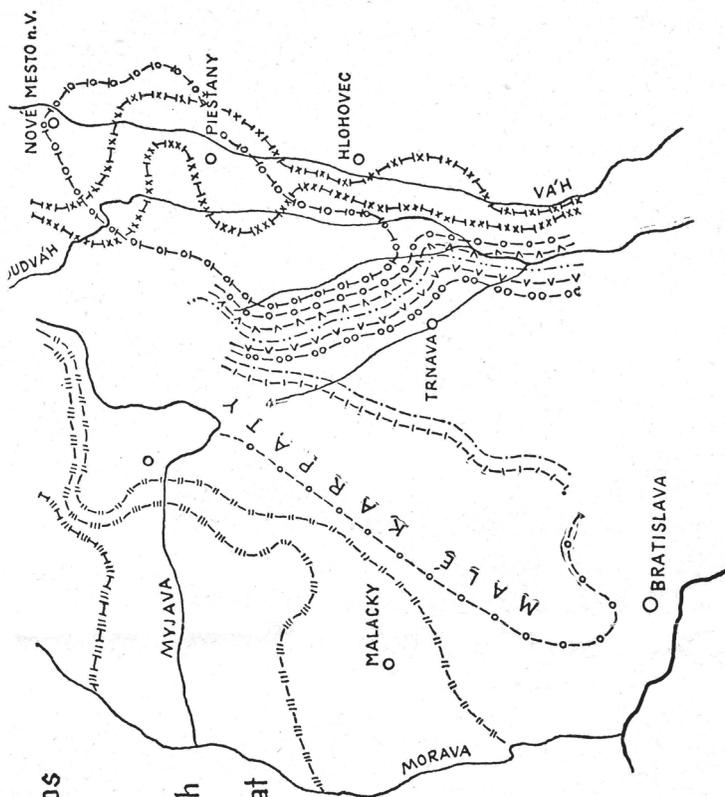
Генетическая принадлежность загорских говоров с точки зрения фонологического развития

Область словацких загорских говоров достаточно однозначно определена четкими географическими координатами — она расположена между реками Морава и Дунай, между горными системами Малые Карпаты и Белые Карпаты, также между словацко-немецкой и словацко-венгерской языковыми границами (Palkovič 1993: 352; Krajčovič 1988: 209), ср. карту 1. При этом для загорских говоров характерна высокая степень единства. Несколько отличаются здесь три группы говоров — Скалица и ее окрестности, окрестности Яблоницы в восточной части диалектной зоны, а также область на ее крайнем юге рядом с Братиславой (Palkovič 1997: 167). Прежде в лингвистической литературе загорские говоры называли также говорами Моравского дола или поморавскими говорами (Vážný 1934: 233, после него также Stanislav 1967: 282).

Каждый, кто занимается словацкой диалектологией или словацким сравнительно-историческим языкознанием, отдает себе отчет в особом положении загорских говоров в словацком языке, которое с полной уверенностью можно мотивировать их окраинным положением — речь идет о самых западных словацких говорах, которые к тому же отделены от основной языковой территории естественной преградой (Малые Карпаты). Вышеуказанный факт, как демонстрируют языковые особенности, значительно повлиял на формирование и специфику загорских говоров. Многие исследователи пришли к заключению, что загорские говоры формируют «своего рода переходную зону между словацкими и чешскими (моравскими) диалектами» (Palkovič 1993: 355), в связи с чем возникает вопрос об их генетической принадлежности в контексте чешско-словацкого диалектного континуума. Особое положение загорских говоров можно ярко продемонстрировать на материале тех особенностей словацкого языка, которые выделяют его как отдельный славянский язык в рамках западнославянской языковой группы. Ими являются, например, совпадение рефлексов праславянских **ǰ* и **rь*/**rь* (кроме восточнословацких говоров), *ʒ* как рефлекс праславянского **dj*, развитие **jь > i*, утрата йотации, ассимиляция по звон-

Карта 1. Расположение загорских говоров

Súčasný stav základných izoglos

- ||—||—|| házat — hážem
- ||—||—|| medzi/mezi
- ||—||—|| hovjazí/hovjazí
- vjec, vic/vác, mjech/mech
- “vrece”
- zekovat, dekovat/dakuvat
- hlezí/hlazí
- |—|—| kún/kón
- ^—^—^ padél, padól/padól
- padla/palla, jedna/jenna (oca/occa)
- v—v—v staf/stav
- |—|—| vím/vjém
- x—x—x hozina/hodina
- x—x—x cichí/tichí

Карта 2. Распределение рефлексов z/ž в загорских говорах (Крајшовић 1964а)

кости перед сонорными и перед гласными на стыке слов (*k otcovi* [goc:ovi]), окончание *-á* в формах nom. pl. существительных среднего рода (*mestá*), использование одного глагола движения (*íst*) для перемещения пешком / при помощи транспортного средства и т. п. Все эти особенности словацкого языка в загорских говорах отсутствуют, что дает нам право поставить вопрос, действительно ли загорские говоры относятся к словацкому языку.

Двумя наиболее важными особенностями загорских говоров на синхронном уровне несомненно являются развитие **l* и ассибиляция. В большинстве загорских говоров первоначальное **l* перешло в *ɥ* (*másuo, bíúí, koteɥ, ɥopata* и т. п.). Лишь в Скалице и некоторых расположенных рядом селах **l* трансформировалось в *l*. Изменения **l > ɥ* не произошло также на восточной окраине загорской области в районе Яблоницы, где мы встречаемся с влиянием соседних мьявских говоров, а также с колонизацией из области говоров верхнетренчанских, не произошло его и на южной окраине загорской области, в городе Свети Юр, а также в Дубравке, Ламаче и селе Девинска Нова Вес, которые в настоящее время входят в черту Братиславы. С учетом того, что во всей загорской области (праславянское и позиционно обусловленное) **l'* превратилось в *l* (*lúbit, lipa, išli, poleno, laxki...*), в результате чего в говорах с переходом **l > ɥ* сохраняется разница между рефlekсами **l* и **l'*, что отделяет загорские говоры от южных западнословацких говоров (Pauliny 1963: 237) и сближает с восточноморавскими чешскими говорами (Bělič 1972: 28).

Другой специфической особенностью загорских говоров является ассибиляция, то есть изменение **d' > ʒ*, **t' > c* (*zeći, cixo, hozína, zekujem, na svjese, ve voze* и т. п.), которая объединяет загорские говоры с обширной западнословацкой областью, где также представлена ассибиляция, а именно с трнавскими говорами. В некоторых словах за ассибиляцией следует дистактная ассимиляция, например, *čaški* (< *caški* < *tažki*), *češič* (< *cešič* < *tešil*), *češit*. Аналогичное явление отмечается также в восточнословацких говорах, где также имела место ассибиляция, ср. восточнословацкое *češki, čeče* «течет» и т. д. В данном случае скалицкая область также выделяется на фоне общезагорских процессов как область, где ассибиляции не произошло (Скалица, Катов, Копчаны, Врадиште, Трновец, Мокри Гай), и не пересекается с областью, где не произошло изменения **l > ɥ*. В конечном счете эти два явления никак не зависят друг от друга, их объединяет лишь маргинальное положение скалицкой области.

Наиболее подробный реестр признаков, характерных для загорских говоров, представил еще В. Важный (Vážný 1934: 233–245). Типичные

особенности загорских говоров приводят также З. Штибер (Stieber 1956: 60–61), Я. Станислав (Stanislav 1967: 285–286), Й. Штолц (Štolc 1991: 103) и Р. Крайчович (Krajčovič 1988: 209–212). Приведенные списки, само собой, включают в себя лишь типичные признаки, представленные на всех языковых уровнях; с учетом тематики данной статьи мы сосредоточим свое внимание прежде всего на фонологических чертах, начиная с наиболее древних. Р. Крайчович (Krajčovič 1988: 209) приводит следующие фонологические особенности развития словацкого языка из праславянского состояния:

- переход *oŕt- > rot, *oŕt- > lot: rožen¹, ťoket,
- сохранение групп *dl, *il: šidŭo, plétŭa,
- š как результат 2 и 3 палатализации праслав. *x: na streše,
- начальные je-, j- как рефлекс праслав. *jь: jehŭa,
- различные рефлексы праслав. *r, *l̥ и *rь, *lь, *rь, *lь: kref, slez но vlk, prví,
- рефлекс e как результат вокализации ъ в сильной позиции: pátek, ven,
- долгий рефлекс праславянского акута: kráva, sláma/suáma.

В первую очередь интерес представляют рефлексы праслав. группы *dj, которые в загорских говорах могут быть двоякими: встречаются как z, так и ž, при этом обнаруживается постепенный перевес рефлекса ž в направлении от северо-запада на юго-восток, который продемонстрирован на карте 2. Как можно увидеть, рефлекс z меньше всего представлен в формах глаголов типа házat, sázat, больше у предлога mezi и больше всего в типе hovjazi.

С учетом того, что различие в рефлексах праславянской группы *dj можно с полной уверенностью считать наиболее древней различительной чертой между чешским и словацким языками (Wijk 1932; Bělič 1972: 42), и также в соответствии с работами З. Штибера (Stieber 1929/1930: A218–A219), наиболее древней чешской инновацией, которая зафиксирована уже в самых ранних письменных памятниках чешского языка, где он выступает как самостоятельный славянский язык (Киевские листки, Пражские глаголические отрывки), очень важно установить исходный рефлекс *dj в загорских говорах, поскольку он будет свидетельством наиболее древних инноваций, которые их затронули. В этой связи появляется вопрос, каким был первоначальный рефлекс праслав. *dj на загорской

¹ В загорских говорах засвидетельствована форма rožeň.

диалектной территории. Был ли таковым *z*, а *ʒ* проникло из других западнословацких областей, либо же первоначально был *ʒ*, а *z* проникло из Моравии как результат чешского контактного и культурного влияния?

Р. Крайчович (1969) полагал, что первоначальным рефлексом праслав. **dj* на исторической территории загорских говоров был *ʒ*. Он основывался при этом на подробном анализе глагольной парадигмы типа *házat* (лишь на крайнем северо-западе встречается форма *házat*), а также на большой распространенности формы *mezi*, в качестве еще одного аргумента в пользу первичности рефлекса *ʒ* служила непоследовательность осуществления перегласовки в загорских говорах, которая, на его взгляд, была связана с наличием *ʒ* в словах типа *hovjazil/hovjazí*, где не было перегласовки в противоположность словам типа *kňez*, где перегласовка была. Как мы продемонстрировали в нашем подробном исследовании (Набижанес 2018: 17–19), такая аргументация основывалась на очень ограниченном диалектном материале, который Р. Крайчович имел в своем распоряжении, поэтому ее можно считать недостоверной.

При эксцерпции диалектного материала, который хранится в архиве диалектологического отделения Института языкознания им. Л. Штура Словацкой академии наук, мы обнаружили, что рефлекс *z* часто встречается в словах типа *vôľa* (< **volja*): *meza, xúza, sxúza, hraza, núza, saza* и т. п., что могло бы стать ответом на вопрос, каким был первоначальный загорский рефлекс **dj*. Дело в том, что слова данного типа в подавляющем своем большинстве утратили свою первоначальную связь с исходными глагольными корнями. Современный носитель словацкого языка уже не ассоциирует слово *vôľa* с глаголом *volit'*, или слово *hrádza* с глаголом *hradit'*. На основании вышесказанного можно сделать вывод о том, что рефлекс *ʒ* является в загорских говорах вторичным и возник в результате морфологической реконструкции после ассибиляции, то есть после изменения *t' > c, d' > ʒ*, дабы вернуть утраченную структурную симметричность. Предпосылкой изменения стали в первую очередь чередования, в которых *d* чередовалось с *z*, как это происходит, например, в страдательных причастиях глаголов *i*-класса, у которых исходные формы *mlátiť* — *mláceny*, *narodiť sã* — *narozeny* были после ассибиляции заменены на *mláciť*² — *mláceny*, *narozit sã* — *narozeny*, в результате чего возникло давление на морфонологическое выравнивание второй пары, которое затем приобрело в системе общеобязательный характер, в результате чего

² В загорских говорах конечное *-ť* депалатализовалось еще перед ассибиляцией.

каждое чередование $d \sim z$ трансформировалось в $d \sim z$. Такая мотивация проясняет, отчего довольно частотной является форма *cuzí* (в противоположность общесловацкому *cuzí*), поскольку данное слово не имело исходной формы с $-d-$, на которую могло бы опереться. В пользу нашей аргументации свидетельствует также тот факт, что рефлекс z вообще не встречается в скалицкой области на северо-западе Загорья, в которой, как мы уже упоминали, ассимиляция не проходила.

Старые реликты однозначно указывают на развитие чешского типа, в первую очередь это долгота на месте праслав. акута (тип *kráva, sláma / suáma, léto*) и переход $*j\bar{b} > je$ (*jehȳa / jehla*), которые больше нигде в словацкой диасистеме не встречаются. Касательно изменения еров, которое в загорских говорах тождественно их изменению в говорах чешских, а также в западнословацких говорах ($*b > 'e, *b > \bar{a}$), необходимо упомянуть слова, в которых рефлексам трех еров предшествовал слог с полным гласным, напр. **domъčькъ*. Такие слова в загорских говорах развивались как в чешском языке, т. е. была обобщена основа косвенных падежей (тип *domeček – domečka*), в то время как в остальных словацких диалектах, напротив, обобщена форма номинатива единственного числа (тип *domček – domčeka*) (Krajčovič 1964b: 53). В отношении еров необходимо также отметить, что в загорских говорах не произошло совпадения рефлексов слоговых сонорных ($*l, *l', *r, *r'$) и сочетаний $*r\bar{b}, *l\bar{b}, *r\bar{b}, *l\bar{b}$ (*prst ≠ kréf*), как это произошло в остальных западнословацких и среднесловацких говорах (*prst = kr̥u*).

Свою связанность с чешскими говорами загорские говоры также проявляют в некоторых фонотактических особенностях: они представляют собой единственные словацкие говоры, которые допускают (вторичное) слоговое r в финальной позиции, возникшее после падения ера в конце слова: *bratr, svokr, kmotr, vjetr, vňútr* и др. В других словацких диалектах между последним согласным и $-r$ появляется вставной гласный: *víter / vjéter, vietor, viter*.

В количественных характеристиках, помимо продления гласного в формах ном. sg. существительных м. р., принадлежащих к праславянской акцентной парадигме $c: búh, dúm, hniúj, víz$, что является чертой, характерной для чешского языка, необходимо также подчеркнуть факт, на который прежде не обращали внимания. А именно, в загорских говорах не произошло обобщения долготы в суффиксе $-ár$, как во всех остальных словацких говорах, которые различают гласные по долготе / краткости (ср. слов. *lekár* но чеш. *lékař*), что в более широком славянском контексте

коррелирует также с процессами в сербохорватском и словенском языках. Известно много случаев слов с кратким алломорфом *-ar* (Habijanec 2018: 37–40).

Как известно, архаичные черты не так показательны для определения генетической принадлежности говора, как инновации, и именно последние позволяют причислить загорские говоры к чешским диалектам, при этом загорские говоры не были затронуты важнейшими ранними словацкими инновациями. К таким инновациям относится, к примеру, утрата йотации, характерная для всего словацкого языка, одни только загорские говоры сохраняют следы старого ятя в позиции после губного: *svjet*, *vjec* «вещь», *mjet* «мать», *dvje*, *vjerit* и др. Следствием этого является еще одна особенность загорских говоров — это единственные словацкие говоры, где сохраняется различие между рефлексами кратких **e* и **ě* в позиции после губного: *pero*, но *pjena*, *beseda*, но *bjehat* и т. п., что отчетливо сближает загорские говоры с чешскими восточноморавскими говорами. Разница в рефлексах кратких **e* и **ě* в общесловацком диалектном контексте сохраняется во всей юго-западной области, где была депалатализация перед любым *e* (< **e*, **ь*) (Krajičovič 1964b: 66), но не перед *e* < **ě*, вместе с тем следы подобного различия после губных сохранились лишь в загорской области. Йотация сохранилась также у рефлексов *'a* (*stavjat*, *zarábjat*, *poviprávjal*), а также у рефлексов **ě*: *mjást*, *robjǎ*, *umjá*, но в этих двух позициях она представлена также в восточнословацких говорах.

Что касается чешских инноваций, загорские говоры попали в сферу действия старочешской волны депалатализации, эти процессы также затронули и другие говоры юго-западной Словакии, с тем исключением, что депалатализация конечных согласных в загорских говорах не коснулась *ň*: *prsteň*, *rožeň*, *kameň* (Paulíny 1963: 113). При этом в загорских говорах мы встречаемся с многочисленными случаями слов, где депалатализации не было, несмотря на то, что условия для нее существовали: *mjakí*, *smjad*, *smjadní*, *zapjaté*, *pomjateč sa*, *hovjado* при *hovado* и др. Данные случаи можно объяснить ослаблением палатализационной волны либо морфологическим обобщением форм, в которых условия депалатализации не были выполнены, напр. *smjad* (< **směďь*) по форме loc. sg. **směďě*.

При этом наиболее фундаментальным изменением, которое затронуло загорские говоры и оказало влияние на их современную форму и исключительное положение в рамках словацких говоров, стала перегласовка, которую можно однозначно считать чешским процессом, который распространился на загорскую область (Paulíny 1963: 245). Под старочешской

переглаской мы понимаем переход $\ddot{a} > \acute{e}$, который имел место в случае, если после \ddot{a} не стоял твердый согласный (Komárek 1958: 50). На территории загорских говоров перегласовка происходила не так последовательно, как в других говорах, в первую очередь в центральных чешских, что связано с общей тенденцией к ослаблению перегласовки к востоку. Анализ диалектного материала показал, что перегласовка наиболее последовательно осуществлялась в случае с долгим \ddot{a} любого происхождения (из носового $*\bar{e}$ или как результат контракции): *mjesíc, zajíc, po devíti, desíti, vztít, rid'it / rízit, prímó, prímí, dva píde, prít, hrít, smít sa, sít* «сеять», *prítel*. В конце слова, однако, перегласовки не происходит: *robjá, pripravjá, mosá, učá, xod'á / xozá, xit'á / xicá, uvará* (форму 3 л. мн. ч.), *ze Záhorá*. Краткое \ddot{a} (< $*\bar{e}$) перегласовке, как правило, не подвергается: *pjast, vjadne, mjadlovat* «очищать лен от костры» (ср. слов. *mädliť* и чеш. *médlice*), *mja* (acc. sg.), *pamjat, ščascí, řaški / čaški, jatelina, držat, pršat, ležat, házat/házat, opxázat* и др. Во всех этих случаях после \ddot{a} в эпоху, когда происходила перегласовка, не следовал твердый согласный, условия осуществления тем самым были выполнены. В некоторых случаях перегласовка происходила также в кратких слогах: *kňez, svjet'ení / svjecení, hledí, lehnút, vječí, vjec* «виас», *d'ekovat / zekovat, pjat, devjet, deset...* Это можно объяснить чешским культурным влиянием (напр. у слова *kňez*), или аналогией к альтернанту с долгим рефлексом, напр. *devjet* в соответствии с *devíti*. Такое состояние в загорских говорах напрямую соотносится с ситуацией в чешских говорах. Как известно, перегласовка наиболее последовательно осуществлялась в Богемии (чешские говоры в узком смысле), а также в северозападной части центрально-моравских (ганацких) говоров (Lamprecht et al. 1977: 53). В остальной части ганацких говоров перегласовка не происходила в конечных слогах с исконным \acute{a} (*noža, naša kaša*, но *pjet, pamňet, hřibje*). В восточно-моравских и силезско-моравских (ляшских) говорах не осуществлялась перегласовка $\acute{a} > \acute{e}$ в кратких слогах, однако \ddot{a} (< $*\bar{e}$) перегласовке подлежит. Исключением стало конечное \ddot{a} , которое перегласовка не затронула. Точно так же перегласовка не происходила после конечного \acute{a} , которое в этих двух областях дало \acute{a} (там же). Загорские говоры напрямую связаны с этим процессом, при этом они демонстрируют следующую ступень ослабления перегласовки — в загорских говорах она также не осуществлялась у \ddot{a} во внутренних слогах или как минимум протекала в данной позиции непоследовательно.

В области дифтонгизации и монофтонгизации загорские говоры также тяготеют к чешским. Дифтонгизация в загорских говорах, как и в чеш-

ских, коснулась также долгого $\bar{o} > uo$, в то время как в южных западно-словацких говорах долгое \bar{o} сохраняется без изменений. Помимо любого долгого \bar{o} , дифтонгизация затронула также слоги с рефлексом $*\bar{e}$ и рефлексом \bar{a} (возникшего из носового или в результате контракции) после перегласовки. Следующим чешским изменением, которое проникло в загорские, а также в другие южные западнословацкие говоры, стала монофтонгизация, под которой мы понимаем переходы дифтонгов $je > i$, $uo > u$. Монофтонгизация является единственной чешской инновацией, центром которой стала моравско-силезская область, как это на основе анализа архивных документов 15 в. продемонстрировала Д. Маречкова (1957/1958) и позднее подтвердила Т. Википелова (2006). Это объясняет, отчего монофтонгизация была настолько последовательной в моравской области и почему она распространяется также на словацкую языковую территорию. Загорский диалектный материал демонстрирует полную согласованность с тем, как протекала монофтонгизация в чешских говорах: *siň, hňízdo, svička, tríska, hrích, smích, míra, bili/biúi, vzít, primo, zajíc, mjesíc, hrít, síť, prít; kůň, vůz, hnúj, dům, můj, tvůj, stůl/stú, dvůr, hůra...* Естественно, монофтонгизации подвергались лишь те длинные слоги, в которых прежде развились дифтонги.

Монофтонгизация является последней чешской инновацией, которая охватила также загорские говоры. Их не затронули некоторые более ранние изменения, ядром которых была чешская область и территория каких-то осталась ограниченной, напр., дифтонгизация $\acute{y} > ej$, $\acute{u} > oi$ и перегласовка $'u > i$, а также некоторые более поздние изменения, напр., сужение $\acute{e} > i$. Ни один из этих процессов не затронул восточноморавские говоры. Для развития загорских говоров в период после 15 в. характерна связь с общесловацкими процессами, напр., это касается появления согласного \check{z} (*hážem*).

Нерешенным остается вопрос ассибиляции $*r'$ в загорских говорах. Аналогичный процесс в чешском языке привел к появлению наиболее характерного для чешского языка звука \check{r} , при этом изоглосса $\check{r}|r$ является единственной изоглоссой, которая сегодня практически полностью соответствует делению чешского/словацкого этносов и соотносится с государственной границей. Несмотря на то, что в современных загорских говорах \check{r} не представлено, возникает вопрос, затронул ли загорские говоры процесс ассибиляции согласного r' , который имел место в чешском и польском языках, а также в верхнелужицком и нижнелужицком (в последних трех языках он позднее подвергся дальнейшим изменениям).

О том, что когда-то в загорских говорах существовало *ř*, по крайней мере на начальных этапах ассимиляции, могли бы свидетельствовать слова, современную форму которых можно объяснить лишь фонетическим влиянием *ř*. Речь идет в первую очередь о случаях, в которых на месте общесловацкой начальной группы *čr-* мы находим в загорских говорах группу *str-*: *črevo* — загорск. *strevo* «кишка», *črievica* — *strevíc* ~ *strevica* «туфля, башмак», *čerešňa* — *strešňa* «черешня», *črep* — *strep* «осколок» (Palkovič 1997: s. v.). Возникновение данной начальной группы можно легко объяснить, если предположить наличие *ř* в фонологической системе говора, как нам это демонстрирует процесс в чешском языке (напр. чеш. *střevo*, *třešně*...): *čř-* в начале слова тяжело произносилось и поэтому упростилось в *tř-* (Gebauer 1963: 523). К таким случаям следует однозначно причислить также слова с переходом *žr-* > *hr-*, который можно понять только при условии существования *ř*: *hřebec* «жеребец», *hrebica* «племенная кобыла», *hribja* «жеребенок», *hřebík* «гвоздь» и др. Дополнительный аргумент в пользу того, что когда-то в загорских говорах существовало *ř*, предоставляют случаи с дистантной ассимиляцией. В чешском языке аналогичный процесс имел место в словах *žebřík* и *žebro*, в которых изменение *ř* > *ž* можно легко объяснить как *ř ... ř* → *ž ... ř*, во втором слове в форме loc. sg. **řebře*. Проблема состоит в том, что все эти слова обозначают предметы материальной культуры либо реалии из области сельского хозяйства и животноводства, а такие слова очень часто заимствуются. В пользу этого свидетельствует и тот факт, что эти слова фиксируются главным образом в Скалицком округе, который теснее всего связан с Моравией.

Заключение

В плане архаических черт загорские говоры отчетливо демонстрируют свою связь с чешскими говорами. Что касается инноваций, в загорских говорах — или по крайней мере в большинстве из них — получило распространение древнейшее чешское изменение *ǰ* > *ž*, которое на основной части территории было позднее затерто в ходе перестройки консонантной системы после ассимиляции, а также другие чешские инновации: развитие типа *domeček*, распределение долготы, дифтонгизация, депалатализация, в то время как вопрос с ассимиляцией *r'* остается открытым. Кроме того, загорские говоры являются единственными словацкими говорами, которые затронула старочешская перегласовка, последовательно протекавшая, впрочем, лишь в случае с *ǎ* во внутренних слогах. Данную

непоследовательность можно мотивировать постепенным ослаблением перегласовки в чешских говорах в направлении с запада на восток. Таким образом, получается, что в первые столетия своего существования загорские говоры развивались как говоры чешские и по этой причине в диахронном аспекте их с полным правом можно считать переходными чешско-словацкими говорами.

Литература

- Bělič 1972 — *Bělič J.* Nástin české dialektologie. Praha, 1972.
- Gebauer 1963 — *Gebauer J.* Historická mluvnice jazyka českého. Díl I. Praha, 1963.
- Habijanec 2018 — *Habijanec S.* Fonologické aspekty vývinu slovenčiny. Bratislava, 2018.
- Komárek 1958 — *Komárek M.* Historická mluvnice česká I. Hláskosloví. Praha, 1958.
- Krajčovič 1964a — *Krajčovič R.* Pôvod juozápadoslovenských nárečí a ich fonologický vývin. Bratislava, 1964.
- Krajčovič 1964b — *Krajčovič R.* Náčrt dejín slovenského jazyka. Bratislava, 1964.
- Krajčovič 1969 — *Krajčovič R.* Problém striednice za psl. *dj* v záhorských nárečiach. // Jazykovedné štúdie. 10. Štolcov zborník. Bratislava, 1969. S. 58–63.
- Krajčovič 1988 — *Krajčovič R.* Vývin slovenského jazyka a dialektológia. Bratislava, 1988.
- Lamprecht et al. 1977 — *Lamprecht A., Šlosar D., Bauer J.* Historický vývoj češtiny. Hláskosloví. Tvarosloví. Skladba. Praha, 1977.
- Marečková 1957/1958 — *Marečková D.* K rozšíření změn *ie > í* a *uo > ů* v XV. stol. // Listy filologické. 1957, № 2. S. 232–236, 1958. №. 1. S. 85–97.
- Palkovič 1993 — *Palkovič K.* Výskum záhorských nárečí // Slovenská reč. 1993. № 6. S. 352–357.
- Palkovič 1997 — *Palkovič K.* Zahorácky slovník. Bratislava, 1997.
- Pauliny 1963 — *Pauliny E.* Fonologický vývin slovenčiny. Bratislava, 1963.
- Stanislav 1967 — *Stanislav J.* Dejiny slovenského jazyka I. Úvod a hláskoslovie. Bratislava, 1967.
- Stieber 1929/1930 — *Stieber Z.* Z zagadnień podziałów dialektycznych grupy zachodniosłowiańskiej // Lud słowiański. 1929/1930. № 2 A. S. 212–245.
- Stieber 1956 — *Stieber Z.* Zarys dialektologii języków zachodniosłowiańskich z wyborem tekstów gwarowych. Warszawa, 1956.
- Štolc 1991 — *Štolc J.* Slovenská dialektológia. Bratislava, 1991.
- Vážný 1934 — *Vážný V.* Nářečí slovenská // Československá vlastivěda. III. Jazyk. Praha, 1934. S. 219–310.
- Vykypělová 2006 — *Ivykypělová T.* Ještě k vývoji dlouhého vokalizmu v češtině: případy tzv. nadměrné diftongizace (poznámka k historické dialektologii češtiny) // Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV). 9. Die Welt der Slaven, Sammelbände / Сборники, 27. München, 2006. S. 109–122.
- Wijk 1932 — *Wijk van N.* Die älteste Gruppierung der chechoslovakischen Mundarten // Slavia. 1932. S. 425–436.

*Summary**Siniša Habijanec***The genetic affiliation of the Záhorie dialects
from the point of view of phonological development**

The paper looks at the phonological development of the Záhorie dialects in the context of historical phonological processes in Slovak and Czech. The Záhorie dialect group is the westernmost dialect of Slovak and many of its traits show a similarity with Czech. Old residual traits are either shared by Czech and West Slovak dialects (**ort*, **olt* > *rot-*, *lot*; **s'* > *š*; **dl*, **tl*) or correspond to Czech dialects (**jb-* > *je-*; length for the acute). On the subject of innovations, which are also important in determining genetic affiliation, the Záhorie dialect shows a similarity with the Czech development as well. It was affected by probably the oldest Czech innovation (**dj* > *z*), which was later neutralised by the restructuring of the morphological system of alternations in assibilation conditions, i.e. the *d'* > *dz* change. The Záhorie dialect was also affected by the Proto-Czech depalatalisations, diphthongisations, and in part by the Old Czech umlaut *ä* > *ě*, which is, however, the most consistent for *ǎ* in internal syllables. Some phonological indicators suggest that the **r'* assibilation might have taken place in the Záhorie dialect as well. The most recent change connecting the Záhorie dialect to Czech dialects was the monophthongisation, after which the development of the Záhorie dialect group approaches the Slovak diasystem. The Záhorie dialect therefore started its development as a dialect of Czech, subsequently gravitating toward the Slovak development, and hence it can with complete justification be considered as a transitional Czech-Slovak dialect.

Перевод Д. Ю. Ващенко

А. К. Шапошников
(Москва)

География производных от именовании животных в топонимии одного восточнoукраинского региона

На XIX Круглом столе по славянской диалектологии (Институт славяноведения, 2016) предлагался один из критериев верификации статуса слова для диахронической и диалектной лексикографии: верификация путём выявления слова в исторической ономастике, антропонимии, особенно исторической топонимии. Те же ареальная ономастика, антропонимия, ойконимия, иногда микропонимия, неопровержимо свидетельствуют о существовании подчас уникальных диалектных слов и их значений, некогда бытовавших в истории данного диалекта и застывших на географических и кадастровых картах.

В процессе обработки массового топонимического материала из Новороссийского края, точнее исторических областей Новосербии и Славянoсербии (вторая половина XVIII в.) (Шапошников 2015; 2016; 2017; 2018) докладчик отобрал для презентации производные от названий животных наименования местностей, бытовавшие в исторической топонимии XVI–XVIII вв. и остающиеся в составе современной народной географической терминологии, в том числе нескольких старорусских и великорусских диалектных основ, иногда калькируемых румейскими и урумскими формами, а именно: *бабак* (+ *бабах*) сурок *Marmota Bobac*; *барсук*; *бобр* *Castor*; *буйвол* *Bus primigenus*; *бык*, *бычок* (+ *buzov*) *Bos*; *волк* (+ *бирюк*) *Lupus*; *ворон* / *ворона* *Corvus Corax*; *гадюка* (+ *фызы*); *голубь* *Columbus*; *грак* / *грач*; *жеребец*; *зверь*; *кабан* (+ *хлунис*) *вепрь* *Aper*; *коза* *Capra*; *конь* *Equus*; *корова* (+ *саур*); *куна* ‘куница’; *лис*, *лиса* (+ *алепус*) *Vulpex*; *медведь* (+ *аркды*) *Ursus*; *нетригуз* «название какой-то птицы»; *овца* *Avis*; *пиявка* *Hirudo*; *рыба* (+ *балых*) *Piscis*; *свинья* *Sus*; *собака* (+ *скули*, *шкули*, *шули*) *Canis*; *сокол* *Astur*; *сорока* (+ *саґагань*); *чапля* / *цапля*; *чарайка* (*белочарайка?*) ‘морская птица, крачка *Sterna?*’; *щука*.

Эти производящие топоосновы не только свидетельствуют о составе животного мира Новороссийского края, но и указывают на исходные пространственные характеристики его говоров. Самая заметная

словообразовательная модель названий местности по характерному зоониму: притяжательные производные на *-ий, -ья, -ье* (*Волчья, Бирючий* и т. д.).

Топонимические изоглоссы широкого спектра связывают историческую топонимию и современную народную географическую терминологию бывшей Новороссии с несколькими великорусскими диалектами Русской равнины и даже Русского Севера (донскими, воронежскими, липецкими, рязанскими, поволжскими, курскими, тверскими, далёкими вятскими). Очевидны характерные сходства и просодического контура слов, и специфического сужения их семантики. Для прояснения этих изоглосс использованы материалы 1–50 выпусков СРНГ, а где их недостает — из словаря Даля и областных словарей.

Яркой спецификой изучаемого региона являются многочисленные совпадения местных названий с формами русского языка XVI–XVII вв., чаще всего с лексикой (апеллятивной, иногда уже явной географической терминологией) южнорусских памятников письменности, особенно донского, рязанского, арзамасского происхождения. Все подобные случаи сопровождаются цитатами из 1–30 вып. СЛРЯ XI–XVII вв.

В исторической топонимии и народной терминологии Большой Славяносербии, безусловно заметен румейско-урумский (Отин 2000). В 1778/1779 г. произошло заселение новых её территорий таврическими православными готогреками (преимущественно из султанских Ас-ери и Азак-ери), с некоторых пор двуязычными (эллинофонами, говорившими на румейском, и варварофонами, говорившими на урумском). Греческий язык эллинофонов был к началу XVIII в. сильно засорён варваризмами. Об этом языке иноверцы писали так: «Весь народ здесь — греки и лазы, говорящие по-гречески. Всего их до 15-ти тысяч, татского народа, стрелков из ружей. Когда они говорят между собой по-гречески, то употребляют ещё и выражения из какого-то другого языка». Ещё более жалкое зрелище представлял собой язык варварофонов. О нём иноверец написал следующее: «...там есть своего рода трудные слова. Это не греческий, не чагатайский и не лазский язык. Это какой-то другой язык. Когда они говорят между собой, человек удивляется».

Как правило, румейские и урумские зоонимы калькируют уже устоявшиеся топонимы.

Каталог зоонимических топооснов

бабак (+ *бабах*) сурок *Marmota Bobac*:

топооснова *бабак* в составе урумских микропонимов *Бабах* (Уба) ‘(Холм) Сурка’, *Бабах* Тарамá ‘Балка Сурка’, *Бабахлы* Тарамá ‘Сурковая Балка’, *Бабах* Уя ‘Нора Сурка’ в прямом и переносном значениях (ТПГ: 27–28) — из рус. диал. *бабáк* ‘крупный степной грызун из рода сурков *Marmota Bobac*’ (южн.), *байбáк* перен. ‘неповоротливый, ленивый и глуповатый человек’, ‘бобыль’ и другие значения (СРНГ 2: 16, 52), адаптированного варваризма *байбаq* ‘степной сурок’;

барсук (+ *барсук*):

микропоним *Барсуки́* Тарамá, *Барсу́х* Тарамá безводная балка у с. Чердаклы (Кременевка) (ТПГ: 32) — из рус. *барсу́к*, *барсуки́*, если в той балке водились барсуки, либо от прозвища обитателя, владельца той земли (*Барсук*), ср. *барсук* в функции прозвища (вят., твер., ряз.) (СРНГ 2: 121);

бобр:

гидронимы *Бобровая* рѣчка (1775), овраг *Бобровой* (1784) (ГД 2: 312, 461, 462, 483, 502); *Боброво* (ГД 2: 272, 355); *Бобровое* (ГД 2: 355); *Бобровой* (ГД 2: 312); *Бобровый* (ГД 2: 483) — производное прилагательное с суф. *-ов-* от основы сущ. *бобръ*, в том числе и в функции прозвища (СРНГ 3: 38);

гидроним (на) *Бобринце́* реке (*Babrince R.*), ойконим Малый *Бобринец* в составе Бугогардовской паланки 1767–1775, возник на месте скифского поселения и могильника V–IV вв. до н. э., которые существовали и во II в. до н. э., ныне *Бобринец* — вторичное производное с суф. *-ьць* от *бобринъ*, основы с суф. *-инъ* от *бобръ*.

ойконим *Бобринка* село Бобринецкого района (СНГТ: 7) — производное с суф. *-ка* от основы *бобриний*;

буйвол:

микропоним *Буйволо́ва балка* пп Мокрой Белосарайки возле с. Мангуш, она же Качемак и Ѓантомир (ТПГ: 67–68), ср. курган Огюз Оба в устье Мокрых Ялов (ТПГ: 100) — производное с суф. *-ов-* от сущ. *буйвол*;

бык / *бычок* (+ *бузов*):

микропоним *Бык-могила*, *могила Бык* в верховье речки Зелёной, впадающей в море у с. Стародубовка, ср. курган Огюз Оба выше устья речки Мокрые Ялы (ТПГ 100) — с рус. *бык* и *могила* в составе;

гидроним *Клебан Бык* (1793), *Кинбен Бычок* (1769), *Клибин Бычок* (1772), *Клибил Бык* (1778), *Климин Бык*, *Клабын Бык* (1782), *Бык*, *Бычок* (1784) (ГД 2: 300, 301, 302) — с варваризмом *кинбен* (?) или антропонимом *Клибин* и рус. *бык* в составе;

гидроним *Бычок* речка (1743, 1782, 1787), *Бичок* (*Biszok* R. 1774, *Butzika* Fl), испорченное *Выкоч* (1769) (ГД 2: 248, 251, 255, 272, 300, 303, 312, 345), *Бычѣк* (ГД 2: 272, 303, 312) — ср. рус. диал. *бычок* в разных значениях (СРНГ 3: 357–358); гидроним *Бузовлук*, речка, приток Солоной, впадающей в Днепр у Новой Сечи; гидронимы Верхнего Дона *Большой Бозулук*, *Бузулок*, *Бузулук*, *Бузулуцкие протоки* (ГД 1: 129, 140, 144, 344, 500, 505) — варваризм, производный с суф. *-luk* от кыпчак. (ногай-татарск.?) *buzov* ‘vitellus, Kalb, телёнок’ (CodCum 139:14), если это не диалектный фитоним с основой *бузов(ый)* (*бузь* = бузина) и *луг*;

волк / бирюк (+ *бирю*, *бэыры*):

микротопоним *Волк* Тарамá, *Волчья балка* возле пос. Старый Крым в Славяносербии (ТПГ: 45) — русск. сущ. *волк* в традиционном топонимическом инварианте этой местности: еще античное Λύκου ποταμοῦ ἐκβολαί 63°–51°30′ (Ptol.), формально ‘река Волк’ — в Лукоморье;

гидроним *Волчья Вода*, *Волчы Воды*, *Волчья Бой*, *Wolczja-Woda*, приток р. Samara в Новороссии (Santini 1777), ср. *Волчья (Wolczja)* (ГД 2: 221, 223, 250, 280, 289, 312, 313, 333, 350, 383, 390, 402, 429, 431, 463, 471) и *Волчы Воды* (ГД 2: 125, 686); длина реки — 323 км, площадь её водосборного бассейна — 13 300 км², на реке расположен город *Павлоград*, посёлки городского типа *Васильковка* и *Покровское*, впадает в Самару в Кочережском лесу Павлоградского района (ТПГ: 158; ГД 2: 125, 686) — регулярного вида великорусский гидроним, притяжательная форма от основы *волк*; представляется напрасной попытка увидеть тут реминисценцию эпонима половцев *Бурчевицей* (летописный этноним; едва ли перед нами результат переоформления славянским суф. *-ьс-ев-иць* татарской основы *boru*, *bori* ‘lupus, Wolf, волк’ (CodCum 108: 16; 113: 6), ср. другие подходящие основы *burc* ‘pipeç, перец’ (CodCum 80: 24), *burca* ‘pulices, блоха’ (CodCum 108: 33) или *borc* ‘capellus, capellum, шапка’ (CodCum 87: 28; 102: 3)), речь идет о традиционном топонимическом инварианте этой местности: еще античное Λύκου ποταμοῦ ἐκβολαί 63°–51°30′ (Ptol.), формально ‘река Волк’ — в Лукоморье;

многочисленные гидронимы *Волчья*, *Волчья яма* в бассейне Дона и Донца (ГД 1: 64; 2: 62, 78, 125, 188, 207, 221, 223, 250, 280, 289, 312, 313, 333, 350, 383, 390, 402, 429, 431, 463, 471, 686) — тж.;

микротопоним *Волчья* (балка), *Волчье Ухо*, *Бэырылю́ Хула́х* (ТПГ: 34) — великорусское притяжательное производное с суф. *-йь* от *волк*; в сочетании с ареальным термином *ухо* в значении ‘балка, ярк’;

микротопоним *Волчья* (могила) 1) *Берлю́ Обá* (ТПГ: 34), 2) *Бору* Оба холм севернее с. Мангуш (ТПГ: 38–39) — русская притяжательная форма основы *волк*, ср. *Бирючий*, *Волчьи Воды*; микротопоним *Банавáр* Тарамá, *Бурлю́* Тарамá (ТПГ: 39) с варваризмом *ѣанавар* ‘волк’ (из тур./перс. *canavar* ‘дикий, хищный’, ‘дикий кабан, вепрь’, перен. ‘изверг, жестокий, кровожадный, зверь’) в составе, ср. *Бирючий*, *Волчьи Воды*;

микротопоним *Бирючий* хутор (1940-е гг.) на склоне могилы Малхазган у одноименной балки Малхазган Тарама, *Берлю́* Тарамá, *Бирю́х* Тарамá (ТПГ: 87–88) — из рус. диал. прил. *бирю́чий* ‘волчий’ (дон., нижегор., ворон., куйб.), в том числе в составе топонимов (дон.) (СРНГ 2: 295); производное с суф. *-ий* от основы *бирюк* в первичном значении ‘волк’, возможно, появление волков в этой балке было связано с наличием в ней скотомогильника; ср. *Банавáр* Тарамá, *Бурлю́* Тарамá (ТПГ: 39) с варваризмом *ѣанавар* ‘волк’ в составе;

ворона:

ойконим *Гайворон* стая ворон, галок, грачей, ныне г. *Гайворон* Гайворонского р-на — из ст.-русск. *гаи* м., собир. ‘стая птиц (ворон, грачей, галок)’ (Письмо к Матюшкину, 30. 1650 г.) (СлРЯ XI–XVII вв. 4: 8), рус. диал. *гай* ‘лесок’ или ‘крик, шум, гам’ (южн., курск., костром.) (СРНГ 6: 95–96) и формы род. п. мн. ч. сущ. *ворона*. Ср. античные севернопричерноморские топонимы *Κόραξ ἄκρον* (Ptol.) мыс Ворон, ныне Меганом в Тавриде; *Κόρακος ποταμοῦ ἑκβολαί* (Anon.) ‘впадение реки Ворон’ — где-то на Колхидском берегу;

гадюка (+ физы?):

гидроним *Гадючья балка*, *Йилáн* Тарамá (1969) балка возле с. Новоселовка (ТПГ: 62) — производное прилагательное от сущ. *гадюка*; пример калькирования русского топонима греками-варварофонами; *Фызыго* Ялáн (1973) луг у с. Стыла (ТПГ: 130) — будто бы ‘гадючье логово’ с греч. сущ. *το φεῖδι* ‘змея’ и варваризмом *ялан* ‘змея/открытое голое место?’ или рус. диал. *елань*, *ялань* ‘ровная открытая местность, луг’ (СРНГ) в составе; ср., впрочем, севернопричерноморские топонимы *Ὀφιοῦσα*, *Ὀφιοῦσσα* (Ptol.) = *Ophiusa* (Plin.) ‘змеиная’, Плиний полагал, что это старое название города Тиры (Белгород Днестровский), но Пто-

лемей перечисляет Офиусу среди городов между Сиретом и Днестром, ближе к Тире; Ὀφιδονήσιον = fidonissi, fidonixi, fidonizi, fidinixi (Portolani XIV–XVII вв.), поздн. греч. ‘змеиный островок’, островок Змеиный против устья Дуная; возможна альтернативная трактовка румейск. *физи* из греч. ἄφ’ἑξῆς γων ‘распрыгал’;

голубь:

микротопоним *Голубиная скала*, Бибиши-т-Хая скала юго-западнее с. Стыла (ТПГ: 35) — на этой скале некогда гнездились дикие голуби;

грак / грач:

микротопоним *Граки* (1895–1896) урочище и степная могила Харгалых выше устья Кальчика пп Кальмиуса (ТПГ: 138) — где *грак* ‘ворон’, ср. гидронимы *Граков*, *Гракова*, *Граковая* (ГД 2: 170, 295, 343, 344, 391, 400, 417, 430, 483) в бассейне Северского Донца;

микротопоним *Грачевъ* колодезь (1697), колодезь *Грачики* (XVII–XVIII вв.) (ГД 2: 436) и гидронимы *Грачев*, *Грачева* (ГД 2: 240, 264, 298, 426, 435), топоним *Грачев Лес* (ГД 2: 298) — то ли производные прилагательные с суф. *-ев-* от основы *грач*, то ли владельческие образования с фамилией *Грачев* в составе;

гидронимы *Грачевник*, *Грачевники* (ГД 2: 391, 394, 446, 447, 470, 481, 495, 589 и др.) в бассейне Северского Донца — позднее собственно русское производное с суффиксальным комплексом *-ев-н-ик* от *грач*.

жеребец:

гидроним *Жеребец* (1642, 1708) (*Jerebetz* R. 1774, *Serebez* 1699), *Черный Жеребец* (1549, 1571), *Черной Жеребец 2* притока Донца (1781), *Чернож Жеребье* (1646), *Церевец* (1769); *Жеребец* слобода, *Юрьевка* (1732) (ГД 2: 318, 366, 511) — рус. *жеребец* в функции гидронима, мотивация такого наименования теперь не ясна, см. другие гидронимы-зоонимы *Кабан*, *Куна*, *Овчина* — притоки *Чёрного Жеребца* (ГД 2: 320, 461, 490); ср. топоним-комполит Πολωνήσιον = polonixi, pollonissi (Portolani XIV–XVII вв.) ‘островок жеребенка’ (?) — где-то в Лукоморье;

зверь?:

топоним *Звьрев* Буерак (1744) (ГД 2: 334) — с русской притяжательной формой *зверев* (фамильное имя?) и сущ. *буерак* в составе;

кабан (+ хлунис):

ойконим *Кабан* село (*Kaban*) на Краснянском ручье, гидроним *Кабанья* (ГД 2: 503) — варваризм *кабан* в функции топонима установился аналогично выше рассмотренному *Жеребец*; гидроним *Тохланиус* (1850-е гг.) балка недалеко от с. Стыла, пп Сухой Волновахи (ТПГ: 124) — едва ли переоформление греческого варваризма *туфла*, *тухла* ‘кирпич’ посредством неясного суф. *-ниус*, как предполагал Е. С. Отин; скорее порча греч. зоонима *χλοῦνης* ‘дикий кабан-одиночка, вепрь, лежащий в зарослях, сильный вепрь’ и перевод его в сущ. сред. рода посредством артикля *то*;

коза:

гидронимы *Козинь* (*Kozin*), *Козиная* на Н. Дону (ГД 2: 444, 447), др. гидронимы В. Дона *Козин* (ГД 1: 28; Там же 2: 150, 711), ср. *Козинь* шапонец в регименте пандуров в Новосербии — производное с суф. *-ин-* от основы *коза*;

конь:

гидроним *Конка* (или *Конская*), *Конские Воды* — производные с суф. *-к-*, *-ск-* от *конь* бесосновательно считались русской усеченной калькой варваризма *jylqu su*, так, якобы, называли реку турки (в турецком языке форма *yilki* словарями не отмечается), но существовало кыпчак. *yilki* ‘di phert’, ‘Pferdevieh, Pferdeherde’ (CodCum 113: 4), что позволяет предположить урумскую кальку: как правило, русские топонимы были калькированы греками-варварофонами позже. В целом название было мотивировано существованием табунов диких коней (тарпанов), встречавшихся здесь вплоть до конца XIX века, ср. *Волчьи Воды*; обозначаемое — река длиной в 146 км, левый приток Днепра, в зависимости от прилегающих к Конке селений, последняя носит разные названия: *Алёшковская Конка*, *Кардашинская Конка*, *Казачелагерская Конка*, *Конка Фролового озера* — против р. Тягинки, *Подпольная Конка*, *Подстепенская Конка* и др.; в XVIII в. (с 1742 до 1783 г.) по реке проходила граница с ногай-татарами; еще эллинистические «этнонимы» *Ἰππιμολογοί* (Dionys.) ‘доители лошадей’ (гомеровское сложное слово) и *Ἰπλόποδες* (Dionys.) ‘с конскими ногами’ — в окрестностях Кинбурна;

ойконим *Конское* (*Konskoie*) в Новосербии — русское производное с суф. *-ск-* от сущ. *конь*;

топоним *Конскои редуть* (*Konskoi Red(ut)*) в Новороссии и гидроним В. Дона *Конское Стойло* (ГД 1: 345) — любопытная старорусская форма

прил. *конский* (СлРЯ XI–XVII вв. Спр. вып. 580), обозначаемый объект теперь в черте г. Днепра (бывш. Днепропетровск);

ойконим *Кончек* (*Konszek*) село (с церковью) в Еникальском градоначалии, б. м., позднее Кинчигирь? — графическая порча рус. диал. *коньчек* = *конёк?*;

топоним *Конестези* *Conestaxi* (топоним на портоланах XIV–XVII в.) — сложение посредством соединительного -е- основ сущ. *конь* и *стеязя*;

куна:

микротопоним *Кунной* хутор, с. *Кунье*, *Кунный* (1699; 1773, 1787, 1792); *Кунья рька* (1782) (*Kunea*) (ГД 2: 229) — производные от *куна* ‘куница’;

лис, лиса (+ алепус):

гидронимы *Лисий*, *Лисий* Колодезь, *Лисья* (ГД 2: 235, 510) — притяжательные формы сущ. *лис*, *лиса*; микротопоним *Алепус Трепия*; урочище возле с. Кипучая Криница (ТПГ: 18) — ‘лисы норы’: румейск. *алепус* из греч. ἄλωπος ‘хитрый как лиса, хитрец’, перен. ‘лиса’, известно и в Тавриде (*Алупка*, *Алыпхор*); *трепия* из греч. τρύπη ‘отверстие, дыра’, известно и в Тавриде;

гидронимы *Лисичий*, *Лисичья* (ГД 2: 221, 235, 314, 398, 405, 417, 422, 563) — производное с суф. -й- от основы *лисица*;

топоним *Лисогонь* село (*Lysagon* 1774) — уникальный топоним-комполит с соединительным -о- из основ *лиса* и *гон*;

медведь (+ аркды):

топоним *Медведь-Могила*, *Аркды-та-Уба*(йда) курган у с. М. Янисоль в Новороссийской части Славяносербии (ТПГ: 22) — с рус. *медведь* и *могила* в составе, вместе ‘медвежий курган’, первичен русский ороним, который был позднее калькирован греко-варварским гибридом; *Аркды-та-Уба*(йда) — ‘медвежий курган’, гибридное словосочетание греч. *аркды* (ср. др.-греч. ἄρκτος ‘медведь, медведица’, н.-греч. ἀρκούδια) (не представлено в Тавриде), артикля ср. р. мн. ч. *та* и варваризма *уба* с аффиксом местн. пад. *да/де*;

нетригузь «название какой-то птицы или растения»?:

топоним *Нетригузь* (1642, 1708) (*Nertriguz* R. 1774, *Netrius* R.), *Нетриусь* (1644), *Верхнии Нетриусь*, на Маяцких дачах на *Ближней Нетриусе* (1689), *Нетринус* (1760, 1769), *Колодазь Святюи* (1627); *Нетриусь* нп (1786), *Нетрогусь*, *Нетрусь* (ГД 2: 289, 470, 477, 626); М. Фасмер упоминал 3 бал-

ки по имени *Нетригузь* (1 п. Северского Донца, 2 п. Камышной, п. Калитвы; 3 п. Калитвы), *Нетриусь*, *Нитриусь*, *Нетрусь*, *Нетригузь*, *Нетригузь*, Святой, п. Северского Донца в Харьковском уезде), а также *Нестрегузь* пр. Ворсклы в Курском уезде (Wb. RGN Bd 22 lief. 8: 406, 407–408) — скорее всего, собственно русское новообразование на основе словосочетания *не три гуз*, аналогично *сверби гуз*, *тряси гуз* — *трясогузка*. (ср. Фасмер 3: 69). Аналогичные сложные диалектные слова, хоть и редкие, но всё же отчётливо сохранившиеся: например рус. *сверби́гузка* ‘растение дикая репа *Sinapis arvensis*’ (курск., орловск.), *сверби́гузь* ‘растение купырь, горлюпа, дикая редька, сурепица, свирепа, свирипа, гарлупникъ’ и усечение этой основы *сверби́га* ‘порчакъ, борбора, *Bunias orientalis* | живокость *Symphytum officinale*’; *черногузь* ‘птица аист, бусел’ (Даль² IV, 146, 595); укр. *золотогуз*, *золотогузка* ‘*Euproctis chrysoorhoea* L.’; уникальный композит *нетригузь*, скорее всего, имеет курское происхождение, ср. *нестрегуз*;

овца:

гидроним *Овчина*, скорее всего, образован посредством суф. *-ина* от *овца* и примерно значит то же, что и *овечья*;

пиявка:

лимноним *Пиявошник/П’явошник* болото, заболоченное топкое место у с. Песчаный Брод; затока речки возле плотины у с. Песчаный Брод в Новосербии (СНГТ: 168) — русское производное с суф. *-ьник* от основы *пиявка*;

рыба (+ балых):

микротопоним *Рыбная балка*, *Балых Чиххан Тарамá* (1972), *Балых Чиххан Чохрах* пп Кальмиуса возле с. Староигнатьевка (ТПГ: 31–32) — балка, криница ‘где рыба появилась’ так названа потому, что в воде ее криницы иногда появлялась рыба;

саур «корова?»:

топоним *Саур-Могилá* в Славяносербии, гидронимы Н. Дона *Саур-Мосальское озеро*, *Саурова* (ГД 2: 511, 519, 520) — варваризм *саур* (*савур*) может восходить к тюрк. *сагыр* ‘корова’;

свинья:

гидронимы *Свиной Колодезь* и *Сраной Колодезь* (1697), *Свиная*, *Свиное* (ГД 2: 236, 356, 386, 402, 428, 432, 443, 477, 492, 540, 595) — с прилаг. *свиной* в составе;

собака (+ *скули*, *щили*):

микротопоним *Собачёвка* (1960–1990-е), *Щили* Махалá (1974), часть села Стыла (ТПГ: 155) — новообразование с суф. *-ёв-ка* от основы *собач(ье)*, название калькировалось посредством греч. σκυλί ‘собака’ и варваризмом *махала* ‘квартал’, как полагали, в названии отразились окраинное положение и неблагоустроенность той части села (ТПГ: 155); микротопоним *Скули* Тарама (1850-е), *Скулю* Тарама, *Склу* Тарама балка пп Мокрой Волновахи пп Кальмиуса (ТПГ: 112) — с греч. диал. *скули*, *скулю*, *склу*, *шкли* (сарганский говор), *щили* (стыланский говор), испорченной греческой основой σκύλλη, σκύλαξ ‘щенок, пёсик’, ‘собака’ и варваризмом *тарама* ‘балка’ в составе;

сокол:

ойконим *Сокольскъ* (*Sokolsk*) в Новосербии — производное с суф. *-ск-* от основы то ли *сокол* ‘скала’, то ли *сокол* ‘хищная птица’;

гидронимы Н. Дона *Соколка*, *Соколова*, *Соколово*, *Соколовская*, *Соколовское водохранилище*, *Соколя Плата*, *Соколя Плота*, *Соколинка*, *Соколиной* (ГД 1: 59, 75, 276, 552; там же 2: 14, 219, 288, 458, 507, 517, 522, 755) — русские производные с суф. *-ка*, *-ова*, *-овский*, *-ья*, *-инка*, *-иной* от основы *сокол*;

сорока (+ *саџаган*):

многочисленные топонимы, ойконимы *Сорочий*, *Сорочин*, *Сорочинский* в Новороссии; сюда же *Саџаганской* ф. (фортъ) (F. *Saxaganskoi* detruit) в Новосербии — русское производное с суф. *-ск-ой* от гидронима *Саксаганъ* или *Саксагань* (см.), форт у слияния рек Березовка и *Саксагань* к 1777 г. был уже заброшен; гидроним **Сорочья рѣка*, *Саџаганъ* (*Saxagan R.*), на старых картах и в других источниках иногда *Саксаган* — калька посредством урумского *саџаган* (ср. тур. *saksağan*, азерб. *sağsağan* и кырг. *sağyžgan*) ‘сорока’ субстратного *Сорочья (река)*, ср. *Волчьа*; скорее всего, орнитологический термин перенесен на водный объект в связи с тем, что данный зоологический вид обитал у этой речки; левый приток Ингульца, относится к категории малых рек, является притоком Днепра II-го порядка; река берет свое начало из источника у с. Малоалександровка, Верхнеднепровского района; имеет 28 притоков общей длиной 88 км; истоки реки расположены на высоте 140 м, а устье — 31 м; длина бассейна — 144 км, водораздельной линии — 250 км;

чапля / цапля:

гидроним *Чаплинска Вода* (*Czaplinska Woda*), гидронимы Дона *Чап-линська*, *Чаплинское*, *Цаплино*, *Чаплино*, *Чаплинская*, *Чаплин*, *Чапельный* (ГД 1: 144, 266, 323, 365, 381, 446; там же 2: 92, 295, 771) — производное с суф. *-ьск-* от прил. *чаплин*, в свою очередь образованного от *чапля* = *цапля*;

чарайка (белочарайка?):

топоним *Бѣло Чараіка* (*Bielo Czaraika*) крепость в устье Кальмиуса, там в 1778 г. основан *Мариуполь*, ставший городом в 1779 г., от неё и начинается длинная Белосарайская коса (ср. аналогичные по образованию сербские топонимы *Бела-Паланка*, *Бела-Стена*, *Бела-Црква*, *Биело-Брдо*, *Биело-Поле*) — предлагавшиеся прежде толкования топонима неубедительны: якобы, до XIII в. бытовал др.-русск. топоним **Бѣль городъ* (источник?), со времени татарского захвата получил кальку, варваризм **Ак-сарай* (?), которая в XVII–XVIII вв. в свою очередь была частично калькирована и переоформлена на русской языковой почве — **Бѣл-о-сарай-ка* (?), все эти гипотетические прототипы не получили письменной регистрации; скорее всего, название образовано от наименования белых лебедей или других белых приморских птиц, которые там гнездились и водились в огромном количестве, этимология возможна на основе рефлексов праслав. **čirьkь*, **čirьka* ‘чирок, небольшая водоплавающая птица из подсемейства речных уток’, ‘общее название морской и речной птицы крачки *Sterna*’, ряз. обл. *чирак* (ЭССЯ 4: 117);

щука:

гидронимы *Щучье*, *Щучий*, *Щучья* (ГД 2: 534, 585,617) — притяжательная форма сущ. *щука*.

Источники

- CodCum — Codex Cumanicus edited by G. Kuun with the prolegomena to the Codex Cumanicus by Louis Ligeti. Budapest, 1981.
 Santini 1777 — La Crimée, La Nouvelle Russie, les Tatars Nugay et d'Oczakov, les Zaporoviens et partie de la Circassie. Venise 1777 par Santini.
 Wb. RGN Bd 22 lief. 8 — Wörterbuch der Russischen Gewässernamen herausgegeben von Max Vasmer. Bd. 22, Lief. 8. Berlin – Wiesbaden, 1964.
 ГД 1–2 — Е. С. Отин. Гидронимия Дона: монография в 2-х т. Т. 1: Верхний и Средний Дон. Донецк, 2011; т. 2: Нижний Дон. Донецк, 2012.

- Портоланы XIV–XVII вв. — *Almaga R. Monumenta Cartographica Vaticana, I, Citta del Vaticano, 1944.* Славянски рукописи, документи и карти за българската история от Ватиканската апостолическа библиотека и секретния архив на Ватикана (IX–XVII век). — София, 1978.
- СЛРЯ XI–XVII вв. — *Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–. М., 1975–.*
- СЛРЯ XI–XVII вв. Спр. вып. — *Словарь русского языка XI–XVII вв. Справочный выпуск. М., 2004.*
- СНГТ — *Э. М. Мурзаев.* Словарь народных географических терминов. М., 1984.
- ТПГ — *Е. С. Отин.* Топонимия приазовских греков (историко-этимологический словарь географических названий). Донецк – Мариуполь, 2000.
- Фасмер — *М. Фасмер.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 4-е изд., стр. М., 2003.
- ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1–. М., 1974–.*

Литература

- Отин 1973 — *Е. С. Отин.* Гидронимия Юго-Восточной Украины. Донецк, 1973.
- Отин 2000 — *Е. С. Отин.* Топонимия приазовских греков (историко-этимологический словарь географических названий). Донецк; Мариуполь, 2000.
- Шапошников 2015 — *А. К. Шапошников.* Новороссия первоначальная. Топонимические и топографические свидетельства (по состоянию на 1774/5 г.) // Реквием филологический. Памяти Е. С. Отина. Кн. 1. Сборник научных трудов. К., 2015.
- Шапошников 2016 — Александр Шапошников. Северно-причерноморский ареал микро- и макротопонимии позднего праславянского языкового состояния // *Nazwy terenowe i miejscowe w przestrzeni fizycznej. Geographical names in physical space.* – Łódź, 2016.
- Шапошников 2017 — *А. К. Шапошников.* Историческая топонимия и народные географические термины Новосербии XVIII–XX вв. // *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2017.* СПб., 2017.
- Шапошников 2018 — *А. К. Шапошников.* Историческая топонимия и народная географическая терминология Славяносербии XVIII–XX вв. // *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018 / отв. ред. С. А. Мызников.* СПб.: ИЛИ РАН, 2018.

Summary

Aleksandr Shaposhnikov

**The geography of toponyms derived from animal names
in one Eastern Ukrainian region**

The author analyses toponyms derived from animal names in the historical regions of Novoserbia and Slavianoserbia that were in use in XVI–XVIII centuries and some of which are still functioning in local folk geographical terminology.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ по проекту 19-012-00059 «Лексика славянских языков как наследие и развитие праславянского лексического фонда: словообразовательный, семантический и этимологический аспекты анализа в лексикографическом представлении».

Е. И. Якушкина
(Москва)

Семантические инновации в хорватских и сербских диалектах (на материале лексических выпусков Общеславянского лингвистического атласа)*

В статье представлены наблюдения над типами ареалов, которые образуют семантические инновации, возникшие в разные периоды развития языка на территории сербских и хорватских говоров или захватившие их территорию. Материалом для исследования послужили опубликованные выпуски лексико-словообразовательной серии Общеславянского лингвистического атласа. Отправной точкой исследования стал интерес к лексико-семантическим признакам сербскохорватской территории, которые позволяют выделить материал атласа и которые демонстрируют целостность или дробность этого ареала и его связи с соседними диалектными группами.

В опубликованных материалах атласа на сербскохорватской территории обнаруживается очень мало семантических инноваций, как древних, так и новых. Иван Попович, кратко касаясь вопроса сербскохорватских семантических инноваций в праславянской лексике, также называет всего несколько лексем: *слово*, *љубити*, *стена*, *брати* (Поповић 1955: 124). Собственно или преимущественно сербскохорватскими из них являются лексемы *слово* ‘буква’, *љубити* ‘целовать’, *стена* ‘скала’, тогда как глагол *брати* ‘собирать’ представлен и в других южнославянских языках (болг. *бера*, словен. *brati*). Павле Ивич называет только общеюжнославянские семантические диалектизмы *бистар* и *јак* (Ивић 1998: 19): первое слово в значении ‘прозрачный’ представлено во всех южнославянских языках, а второе в значении ‘сильный’ также в верхнелужицком (ЭССЯ 8: 171).

По всей видимости, большая часть древних семантических диалектизмов, отраженных в сербскохорватской лексике, свойственна всем южнославянским или южнославянским и западнославянским, а также некоторым восточнославянским говорам. К первой группе, помимо перечисленных слов, относятся лексемы **borъ* ‘сосна’ (а не ‘лес’), **хyтити*, *хyтати* ‘спешить’ (из ‘бросить’). Ко второй группе относятся такие слова, как

**bьrdo* ‘холм’ (а не ‘часть ткацкого станка’), **bolto* ‘грязь’ (а не ‘топь’), **gora* ‘лес’ (а не ‘гора’), **gnojь* (‘навоз’, а не ‘гниль’), **xytiti* ‘бросить’ (а не ‘схватить’), **kosa* ‘волосы’ (а не ‘заплетенные волосы’), **drobь* ‘внутренности’ (а не ‘мелочь, труха’) (Вопросник ОЛА 1965). Из западнославянских языков общность с южнославянским ареалом чаще обнаруживают чешский, словацкий и серболужицкие языки.

Ниже мы рассмотрим следующие переходы: **kosa* ‘заплетенные волосы’ — ‘волосы вообще’, **drobь* ‘мелочь’ — ‘внутренности’, **skorlupь* ‘корка’ — ‘пенка на молоке’, ‘сливки’, **xytiti* ‘схватить’ — ‘бросить’, **palьсь* ‘большой палец’ — ‘палец’, **l’ubiti* ‘любить’ — ‘целовать’, **sěkti* ‘рубить’ — ‘резать’, **obrazь* ‘лицо’ — ‘щека’.

В южнославянско-чешско-украинско-белорусском ареале распространена лексема **kosa* ‘волосы’. В настоящее время этот ареал разрушен, но он подтверждается древнечешскими данными. Согласно атласу, лексема **kosa* ‘волосы’ повсеместно встречается в болгарских, македонских и сербскохорватских говорах, а также образует достаточно компактный и обширный ареал в говорах южной Белоруссии и северо-восточной Украины, кроме того, встречается в юго-восточной Украине. ЭССЯ также приводит и ст.-чеш. *kosa* ‘волосы на голове’ (ЭССЯ 11: 131). У восточных славян, согласно атласу, *kosa* повсеместно означает ‘заплетенные волосы’, соответственно в южной Белоруссии и восточной Украине это слово фиксируется с двумя значениями. В ст.-польск. *kosa* засвидетельствовано в значении ‘коса на голове, грива, волосы’, а в диалектном польском ‘ткацкая основа, сплетенная косой, метелка льна’ (Там же: 132). Таким образом, граница между **kosa* ‘заплетенные волосы или что-то заплетенное’ и **kosa* ‘волосы’ проходила, вероятно, между чешским и польским языком: для юга было в большей степени характерно значение ‘волосы’, а для северо-востока — ‘что-то заплетенное’. При этом в части польских, украинских, белорусских и периферийных южнославянских говоров функционировали оба значения. У южных славян значение ‘заплетенные волосы’ представлено в нескольких пунктах в восточной Болгарии, в чакавских пунктах и в одном пункте в восточной Македонии. Согласно ЭССЯ, значение ‘расчесываемые, определенным образом причесываемые волосы’ является более древним, поскольку оно непосредственно связано с **česati* (ЭССЯ 11: 132), а ‘волосы’ — вторичным. В настоящее время на востоке южной Славии лексема **kosa* ‘волосы’ практически вытеснила слово **volsi*, которым обычно обозначают волосы на севере Славии (болг. *влас* ‘волос’ — редкое слово). Граница употребления лексем

**kosa* и **volsi* проходит по Боснии и по северо-западной Хорватии.

Для всего южнославянского, а также чешско-словацкого и серболужицкого ареала характерна лексема **drobъ* ‘внутренности’ (от **drobiti* ‘дробить, мельчить’) при общеславянском значении ‘мелкие части, выжимки, труха’. У западных славян это слово связывается, по всей видимости, с внутренностями животных, а у южных — также и с органами человека (болг. *дроб*, *бел дроб* ‘легкие человека’, *черен дроб* ‘печень человека’). На сербскохорватской территории *дроб* в значении печени и легких человека представлен в восточной Сербии, а в Далмации, Черногории и на северо-западе Хорватии — в значении ‘живот человека’ (кайк. *drobec*). Сходство с этим ареалом обнаруживает ареал лексемы *скоруп* (*скорлун*) ‘пенка на молоке’, для которой исходным является значение ‘корка’ (сложение *skora* и *lup*, Skok 1973: 267). В этом значении слово представлено в приморской и северо-западной Хорватии, а также в Чехии. Кроме того, на территории Хорватии это слово представлено в значении ‘сливки’. Хорватско-словенско-серболужицкую изоглоссу образует слово *xutiti* ‘бросить’ (а не ‘схватить’).

Единичны примеры сепаратных сербскохорватско-восточнославянских семантических параллелей. В материалах атласа в хорватских говорах обнаружен пример на переход *palac* ‘большой палец’ — ‘палец’, широко представленный у восточных славян.

Обратимся далее к семантическим инновациям, характерным прежде всего для сербскохорватских говоров. Важным признаком сербскохорватского ареала является инновация *љубити* ‘целовать’. Глагол *l'ubiti* ‘любить’ сохраняется в болгарских, польских, словацких, серболужицких и восточнославянских говорах, в прочих говорах он либо утрачивается, либо меняет значение. Изоглосса *љубити* ‘целовать’ у южных славян четко очерчивает центральный (штокавский) ареал. Она отделяет северо-западную и западную Хорватию, то есть некоторые кайкавские и чакавские говоры, в которых глагол *љубити* представлен в русском значении. Значение ‘целовать’ также фиксируется в сербских и хорватских переселенческих говорах на территории Венгрии (пп. ОЛА 151, 152, 153), которые часто сохраняют архаизмы, что, по всей видимости, свидетельствует о том, что это значение достаточно старое. В старых хорватских словарях (Вранчича, Микали, Белостенца, Ямбрешича) и в старой хорватской литературе значение ‘любить’ представлено очень широко (RJAZU 6: 291), что, однако, может отражать не предшествующую стадию развития языка, а западный узус. Помимо значения ‘целовать’ для штокавских гово-

ров характерно развитие у этого глагола значения физической близости (*обълубити*). Хотя *љубити* ‘целовать’ является преимущественно штокавской лексемой, но также это значение у глагола *l'ubiti* представлено в южной Болгарии и южной Македонии (ОЛА 2015) (см. также ЭССЯ 15: 174) и в двух словенских пунктах ОЛА. Наряду с изменением значения глагола *l'ubiti* для южных славян характерна утрата этого глагола (в македонских, восточных и южных сербских, словенских и хорватских кайкавских говорах) и замена его другим. В чешских говорах в значении ‘целовать’ широко представлен глагол *libat* (**l'ubati*), согласно ЭССЯ также ранее употреблявшийся в этом значении в словенском языке и встречающийся в словацком и болгарском (ЭССЯ 15: 168).

В центральном южнославянском ареале, а именно в штокавских и македонских говорах, у глагола **sěkti* развилось значение ‘резать’. Общеславянское значение этого глагола — ‘рубить топором, саблей’. Польск. *siekać* ‘рубить, сечь, крошить’, чеш. *sekati* ‘рубить, колоть’ (мясо), словацк. *sekat'* ‘рубить’ (дерево), ‘колоть’, ‘резать’ (колбасу), словен. *sekati* ‘рубить’ (дрова), болг. *сека* ‘рубить’ (дрова), др.-русск. сѣчи ‘рубить’ (дрова, дерево), ‘наносить удары саблей’ (Срезневский 1912: 905). В западных хорватских, словенских и болгарских говорах употребляется в этом значении глагол **rězati*. В штокавских и македонских говорах от прототипического ‘рубить дерево, мясо животного и тело человека’ произошел переход в ‘резать хлеб’.

В центральном южнославянском ареале (сербскохорватском, македонском, западноболгарском) произошло развитие значения ‘щека’ у слова *образ*, которому, по всей видимости, предшествовало значение ‘лицо’, представленное по данным атласа в словенских, западноболгарских, черногорских, далматинских говорах и отдельных центральных штокавских пунктах. Интересно, что этот переход демонстрирует довольно редкое единство штокавских и кайкавских говоров в противоположность словенским.

Литература

Вопросник ОЛА — Вопросник Общеславянского лингвистического атласа. М., 1965.
Ивић 1998 — *Ивић П.* Преглед историје српског језика / Приредио А. Младеновић //

- Iviћ П.* Целокупна дела. Сремски Карловци – Нови Сад, 1998. VIII.
- Поповић 1955 — *Поповић И.* Историја српскохрватског језика. Нови Сад, 1955.
- ОЛА 2015 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 10. Народные обычаи. М., 2015.
- Срезневский 1912 — *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1912. Т. 3.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н.Трубачева. М., 1984, 1988. Вып. 11, 15.
- RJAZU — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1880–1976. D. 1–23.
- Skok 1973 — *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1973. Knj. 3.

Summary

Ekaterina Yakuskina

Semantic innovations in Croatian and Serbian dialects (the material of lexical issues of the Slavic linguistic Atlas)

The paper deals with semantic innovations appeared in different periods of language development in Serbian and Croatian dialects. The semantic innovations demonstrate the differentiation of the Serbian-Croatian territory and its connections with other Slavic areas. The paper is based on published issues of the Slavic Linguistic Atlas.

*Е. И. Якушкина
(Москва)*

Лексические изоглоссы хорватско-сербского пограничья*

Настоящая работа посвящена описанию дифференциальных лексем, противопоставляющих западные и восточные штокавские говоры сербскохорватского языка.

Согласно реконструкции классика хорватской диалектологии Далибора Брозовича, противопоставление западной и восточной штокавщины является, по сравнению с различиями между другими областями сербскохорватского ареала, наиболее глубоким. «Прежде всего, если мы будем сравнивать взаимоотношения пяти древних диалектов (parješja), мы быстро придем к выводу, что из всех границ граница между западной и восточной штокавщиной — если не всегда самая резкая, то однозначно самая глубокая. Другими словами, в сербскохорватской диалектной системе обнаруживаются две подгруппы: кайкавско-чакавско-западноштокавская и восточноштокавско-торлакская... по всем древним признакам западная штокавщина совпадает с кайкавщиной и чакавщиной, а еще чаще и с той, и с другой, но очень редко — с восточной штокавщиной. Если это и происходит, то с восточной штокавщиной совпадает только часть западной, чаще всего меньшая, или же не только западная штокавщина, но и восточная часть чакавского наречия» (Brozović 1985: 63). Выдающийся сербский диалектолог Павле Ивич противопоставление восточной и западной штокавщины представлял в виде оппозиции «чисто штокавских говоров», развившихся «на территории сербского феодального государства и в прилегающих областях южной Венгрии», и «переходных» «от словенских к чисто штокавским» (Ивић 1994: 61). По Д. Брозовичу, граница между западной и восточной штокавщиной в период до миграций проходила по Дунаю и Дрине до Фочи, далее граница шла приблизительно по Неретве и, отделяя Дубровницкое приморье, выходила на побережье вблизи за-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00471 «Ареальное членение и ареальные связи сербскохорватских говоров в области лексики».

лива Бока Которска (Brozović 1985: 62). На севере граница была более резкой, на юге — менее. В XII в. западную и восточную штокавщину разделяли изоглоссы рефлекса /*q/: на западе был представлен закрытый /o/, а на востоке /y/ (Brozović 1985: 64). Кроме того, западную часть западноштокавских говоров очерчивали изоглоссы: переход групп *skj, *stj / *zgj, *zdj в *šć, žđ*, а не в *št, žd* (*ognjišće, možđani*) в говорах западнее устья Неретвы и почти во всей Славонии (Brozović 1985: 63; Ивић 1985: 38); переход *dj* в *j* (в бывших переходных говорах от штокавских к чакавским) (Ивић 1985: 39); в некоторых славонских говорах развитие акута в словах типа *kraj*, то есть на месте краткого восходящего перед сонантом, после которого утратился сверхкраткий, тогда как на востоке в этой позиции развивалось долгое нисходящее ударение (Ивић 1985: 38).

Среди древних изоглосс, разделявших западную и восточную штокавщину П. Ивич отмечает и ряд лексических: «Наряду с собственно лексическими изоглоссами (изолексами), такими, как *хлеб: крух, огањ: ва-тра, крст: криж* назовем и оппозиции *може: море...*, далее *четверо: четворо, греб: гроб, вребац: врабац* и т. д.» (Ивић 1985: 39). Мы попробовали дополнить данный список изолекс. За основу были взяты лексические вопросы Хорватского лингвистического атласа (Upitnik HJA 1997), которые были проверены по словарям кайкавских говоров (Lilpljin 2002; Marešić, Miholek 2011), чакавских (Barbić 2011; Ivančić-Dusper, Bašić 2013; Jurišić 1973; Vranić, Oštarić 2016), западноштокавских (славонских) (Jakšić 2015), говора Имотской Краины (Babić 2008), Бачки (Sekulić 2005), Далматинской Загоры (Bašić 2013), Дубровника (Бојанић, Тривунац 2002), Подкозарья (Далмација 2004)), а также по словарю В. Караджича и опубликованным выпускам Общеславянского лингвистического атласа. Дифференциальные лексемы на основании этимологических словарей мы попытались классифицировать хронологически, с точки зрения времени возникновения диалектного различия.

К лексическим изоглоссам западной и восточной штокавщины древнего происхождения можно отнести следующие: *cesta / put* ‘дорога’, *puhati/ divvati* ‘дуть’, *hititi/ baciti* ‘бросить’. В данном списке первый член пары характерен для западноштокавских говоров, а второй — для восточных. Предположительно данные лексические противопоставления восходят к праславянской эпохе, поскольку их члены фиксируются в разных славянских языках.

Слово **česta* отражает древние связи хорватских говоров и в том числе западной штокавщины с западнославянскими языками. Оно распро-

странено в кайкавских, чакавских говорах (правда, в Ivančić-Dusper, Bašić 2013 не отмечена, а в Jurišić 1973 отмечена как новая), а из штокавских — в Славонии (Jakšić 2015; Jurišić 1973), Лике, Мостаре, Сараево (Jurišić 1973). Слово этимологически связано с *čistiti (ЭССЯ 3: 189), возникло как обозначение искусственно проложенной дороги, букв. «расчищенная дорога» (Skok 1: 259) и распространено в сербскохорватском, словенском, словацком, чешском и польском языках. В более восточных говорах (из западноштокавских ср. Bašić 2013) дорога называется общеслав. словом **roťь*, обозначающим любую траекторию движения и в том числе дорогу (в тех говорах, где нет других терминов для ее обозначения, таких как, например, *drum*).

Глаголы *puhati / duvati* оба имеют общеславянское распространение и являются древними обозначениями действия «дуть». Продолжения **puhati* в значении ‘дуть’ фиксируются в словен. (*puhati*), польск., в.-луж. (*puchac*), н.-луж. (*puchac*) языках, а в значении ‘пухнуть’ также в чешском, словацком, русском и украинском, значение ‘раздуться’ характерно и для и.-е. параллель этого глагола (Фасмер 3: 414). На сербскохорватской территории глагол широко представлен в чакавских говорах, в кайкавских и западноштокавских (Дубровник, Лика (Jurišić 1973), Славонии (Jakšić 2015)), а также на восточной периферии (на Косове (Skok 3: 69)). Глагол **duxati* в значении ‘дуть, веять’ распространен на востоке сербскохорватской территории, у западных и восточных славян, а также у болгар (ЭССЯ 5: 151). В центральной части сербскохорватского ареала сосуществуют обе лексемы (в Славонии (Jakšić 2015), в некоторых чакавских говорах (Jurišić 1973)), обе они представлены в первом издании словаря Вука Караджича.

Для обозначения действия «бросать» на западе сербскохорватской территории используется глагол **xytiti*, исходно выражавший значение ‘схватить’ (ЭССЯ 8: 161). В значении ‘бросать’ он также встречается в словенских и серболужицких говорах (ОЛЖ 2009) и некоторых сербских (Караčić; Томић 1989). В сербских говорах, части чакавских и чешских в этом же значении употребляется глагол **bacati* (ЭССЯ 1: 118–119), а **xytiti* сохранился, преимущественно, в значении ‘спешить’. В некоторых чакавских и западноштокавских говорах употребляются оба глагола (Bašić 2008; Sekulić 2005; Vranić, Oštarić 2016).

К древним лексическим различиям западной и восточной штокавщины относятся также пары *kruh / hleb* ‘хлеб’, *veseliti se / radovati se* ‘радоваться’ и *zob/ovas* ‘овес’. Мы их выделяем в особую группу, поскольку в этих парах достаточно очевидны более поздние инновации (первый

член пары) и архаизмы (второй член), в отличие от предыдущей группы, в которой или трудно определить относительную хронологию возникновения наименований или инновация представляется очень древней. В парах *kruh / hleb* ‘хлеб’, *veseliti se / radovati se* первая лексема представляет собой территориально достаточно ограниченную инновацию, которая со словенской или хорватской территории распространялась на восток и частично захватила сербские говоры. Лексема **kruhъ*, по всей видимости, изначально выражала у славян значение ‘кусок, обломок’. Значение ‘хлеб’ зафиксировано в словенских и сербскохорватских говорах, а в словацких встречается значение ‘кусок хлеба’ (ЭССЯ 13: 41). Восточная граница распространения лексем *kruh (kruv)* проходит по западным сербским говорам (Бојанић, Тривунац 2002; Далмација 2004; Караџић). В чакавских и кайкавских говорах лексема **xlěbъ* употребляется наряду с **kruhъ*, но обычно для обозначения какого-то вида хлеба или буханки, батона (Јуришић 1973; Vranić, Oštarić 2016; Lipiĳin 2002). Лексема **xlěbъ* сохранилась и в штокавских хорватских говорах Боснии и Герцеговины (Ливно, Травник) (Skok 1: 673).

Глагол *veseliti se* ‘радоваться’, скорее всего, является словенской инновацией, которая распространилась на более восточные говоры — хорватские и западносербские (ОЈА 2015), ср. в боснийской севдалинке *Да ли се моме доласку весели* ‘Радуется ли моему приходу’, а также в языке С. Митрова Любиши *ja se veseljah da me je Bog doveo gdje se pravo sudi* ‘я радовался, что Бог привел меня туда, где судят по правде’ (RJAZU 20: 769), *ko nema сокола и кукавици се весели* букв. ‘у кого нет сокола, тот и кукушке радуется’ (из сборника пословиц Вука Караджича, РСЈ). На востоке сербскохорватской территории *veseliti se* используется обычно в общеславянском значении ‘веселиться’.

Номинация *zob* ‘овес’ в противоположность общеславянскому **ovъsъ*, насколько можно судить по ареалу ее современного распространения, зафиксированному в Общеславянском атласе (ОЈА 2012), предположительно возникла в хорватских говорах и распространилась на восточноштокавские. В других славянских говорах такая лексема не встречается. Эта лексема (отглагольное существительное от *zobati*) первоначально означала злаковый корм для скота (Skok 3: 659, ср. фиксацию *zob* в этом значении на Косове) и позднее приобрела значение ‘овес’. Эта номинация характерна для большинства хорватских говоров, в том числе западноштокавских. Слово *ovas* сохраняется в северночакавских и некоторых штокавских пунктах в Боснии и Герцеговине (община Ливно и Любуш-

ки) (ОЛА 2012) — в северночакавских и некоторых штокавских пунктах. На территории Сербии основной номинацией является слово *ovas*.

Гораздо чаще инновации, отделявшие западную часть сербскохорватского ареала от восточной, возникали на востоке. Данные изоглоссы представлены следующими парами: *željezo* / *gvožđe* ‘железо’, *dělati* / *raditi* ‘делать, работать’, *objed* / *ručak* ‘обед’, *mućati* / *šutjeti* (*ćutjeti*) ‘молчать’, *iskati* / *tražiti* ‘искать’. Первое слово в данных лексических парах имеет общеславянское распространение или представлено в разных славянских языках, то есть относится к праславянскому наследию. Оно же представлено в западной штокавщине. Второе слово в названных парах является инновацией восточных сербскохорватских говоров.

Лексема *gvožđe* ‘железо’ встречается только в сербскохорватских говорах, причем в восточных, в других славянских языках у **gvozd-* это значение не зафиксировано (ЭССЯ 7: 185–187). Как и кайкавские и чакавские, словари хорватской штокавщины в значении ‘железо’ фиксируют только слово *željezo*, однако в хорватских штокавских говорах *gvožđe* встречается в значении ‘оковы’ (Sekulić 2005; Ćuljat 2004). Этот архаизм засвидетельствован и в восточной Сербии (Караџић).

Лексема *raditi* ‘делать’ также характерна только для восточных сербскохорватских говоров и возникла в результате модификации значения ‘заботиться о чем-то, о том, чтобы сделать хорошо’ (ср. русск. *радеть*) (Skok 3: 96–97). В чакавских, кайкавских и хорватских штокавских говорах употребляется слово *dělati*.

Исключительно сербскохорватским, причем поздним (впервые зафиксировано в XVI в.) П. Скок называет и слово *ručak* ‘обед’, то есть ‘главный прием пищи в середине дня’ (от «есть рукой») (Skok 3: 164). В кайкавских и чакавских говорах в этом значении сохраняется слово *obéd*, оно же употребляется и в хорватских штокавских говорах. В западных штокавских говорах встречается и слово *ručak*, но для обозначения трапезы между завтраком и обедом (Bašić 2013; Ćuljat 2004), ср. в Дубровнике *ручам* — ‘есть между утренним кофе и обедом’ (Божанић, Тривунац 2002), на Косове — ‘обедать и есть’ (Елезовић).

Лексемы *šutjeti* и *ćutjeti* ‘молчать’ связаны с чеш. *cítit* ‘чувствовать’, польск. *cucić* ‘приводить в чувство’, русск. *очутиться* (Фасмер 3: 179) и отражают семантический переход ‘чувствовать, терпеть молча’ > ‘молчать’ (Skok 1: 367). В кайкавских, чавкавских и некоторых западных штокавских говорах (Bašić 2013, также в Лике (Skok 2: 474)) сохраняется общеслав *mućati*.

Слово *tražiti* ‘искать’ производно от ю.-слав. *trag* ‘след’, сохранившегося также в кашубских говорах (Skok 3: 487). Для запада сербскохорватской территории этот глагол не характерен (ср. однако в кайкавском говоре фиксацию глагола *tragati* (Lilpjin 2002)), в кайкавских, чакавских и западных штокавских говорах употребляется общеславянское слово *iskat(i)*, оно же фиксируется в Черногории (Вујичић), на Косове (Елезовић) и в восточной Сербии. В тех сербских говорах, в которых распространился глагол *tražiti*, *iskat(i)* специализировался и приобрел значение ‘искать вшей’.

В числе лексических различий, вызванных восточной инновацией, может быть рассмотрена пара *pripovjedati/pričati* ‘рассказывать’. Первый член этой пары хотя и не является общеславянской лексемой, но имеет параллель в западнославянской модели глагола речи от корня *věd-* (чеш. *povídat*, польск. *opowiada*), тогда как *pričati* является производным от созданного по греческому образцу для обозначения евангельской притчи слова *priča* (Skok 3: 40). В штокавских хорватских говорах *pripovjedati* зафиксировано в Славонии, в некоторых хорватских пунктах в Боснии и Герцеговине и в Госпиче (ОЛА 2009). Самая западная фиксация *pričati* — в кайкавских говорах.

К описанной группе изоглосс примыкают пары, в которых инновация, представленная на восточноштокавской территории, встречается и в других славянских говорах. Эта группа представлена изоглоссами: *pot / znoj* ‘пот’, *dažd / kiša* ‘дождь’, *vlasí / kosa* ‘волосы’. Эти инновации, по всей видимости, можно отнести к праславянскому периоду (ср. *znoj* ‘пот’, наряду со штокавскими говорами, в юго-восточных македонских, болгарских родопских и восточных словенских говорах, также в польском, чешском и словацком (Толстой 1997: 165–167); *kosa* ‘волосы’ также в белорусск., укр. говорах (ОЛА 2009) и в ст.-чеш. и ст.-польск. (ЭССЯ 11: 131); *kiša* ‘дождь’ также в болг. говорах, с другим значением в русск., словацк., чеш. (ЭССЯ 13: 144)). Согласно ОЛА 2009, лексема *vlasí* фиксируется в кайкавских и чакавских говорах и в некоторых хорватских штокавских пунктах в Боснии и Герцеговине. Самой западной фиксацией лексемы *kosa* ‘волосы’ является хорватский штокавский пункт в Госпиче (ОЛА 2009).

Дальнейшей лексической дифференциации западной и восточной штокавщины способствовали многочисленные лексические и семантические инновации каждой из двух областей (*šišmiš / slepi miš* ‘летучая мышь’, *pura / čurka* ‘индюшка’, *zaručnik / verenik* ‘жених’ и др.).

Большую роль в дифференциации лексики западной и восточной штокавщины сыграли заимствования. Различия возникали, когда для обозначения одной и той же реалии в одной области заимствовалась лексема из одного источника, а в другой — из другого, а во-вторых — когда в одной из областей вместо исконного славянского слова начинало употребляться заимствование. Эти изоглоссы представлены парами: *križ* / *krst* ‘крест’, *zilje* / *kupus* ‘капуста’, *zdjela* / *činija* ‘миска’, *rubac* / *marama* ‘платок’, *štakor* / *pacov* ‘крыса’, *risati* / *crtati* ‘рисовать’, *rublje* / *veš* ‘белье’ и др.

Для обозначения креста на востоке закрепилось заимствование из д.-в.-нем. *Krist* (Фасмер 2: 374), а на западе — из латинского (*križ*) (Skok 2: 201). В некоторых западных штокавских говорах для обозначения капусты используется исконная лексема **zelbje* (Jakšić 2015; Čuljat 2004; Babić 2008) в противоположность восточным штокавским и большей части чакавских говорам, принявшим романизм *kupus* (из вульг. лат. *compolus*, Skok 2: 135). На востоке распространены турцизмы *činija* ‘миска’ и *marama* ‘платок’, а на западе романизм *zdjela* (Skok 3: 646) (в хорватских штокавских говорах: Bašić 2013; Čuljat 2004; Sekulić 2005; Babić 2008, также слово представлено в словаре Вука Караджича) и исконное слово *rubac* (Bašić 2013; Čuljat 2004; также в Лике (Skok 3: 163), Черногории (Вујичић) в значении ‘полотенце’). Слово *pacov* предположительно является заимствованием из итальянского языка (Skok 2: 599), разрушившим некогда единый ареал слова *štakor* (ср. косовскую фиксацию (Skok 3: 324)), возможно связанного со **straxъ* (Skok 3: 324)). Пары *risati* / *crtati* ‘рисовать’ и *rublje* / *veš* ‘белье’ иллюстрируют ситуацию, когда в одной части ареала используется германизм (*risati*, *veš*), а в другой славянское слово.

Наряду с процессом лексической дифференциации двух типов штокавщины проходил и процесс лексической интеграции, который был выражен в том числе в распространении по западным территориям балканизмов и турцизмов. Лексическая интеграция была проявлением разнообразных интеграционных процессов, которые охватили штокавские говоры в XIII–XV вв. В западной штокавщине турцизмы и грецизмы в наибольшей степени распространились в говорах Славонии, которая в XVI–XVII вв. входила в Боснийский пашалык. Эта лексика отделила славонские говоры от кайкавских и объединила их с восточно-штокавскими. Ср. распространение в славонских говорах таких лексем, как *kašika* ‘ложка’, *talas* ‘волна’, *pirinač* ‘рис’, *čaršav* ‘простыня’, *komšija* ‘сосед’, *peškir* ‘полотенце’, *bundeva* ‘тыква’, *drum* ‘дорога’ (Jakšić 2015). В Славонии также

широко распространена дублетность, то есть использование слова западного типа и турцизма: *ocat / sirće* ‘уксус’; *vrtlič / bašća* ‘огород’; *žganjak / kačamak* ‘каша из кукурузной муки’; *marelica/ kajšija* ‘абрикос’ (Jakšić 2015).

В настоящей работе приведены лишь отдельные примеры лексических изоглосс, противопоставляющих западную и восточную штокавщину. Дальнейшее исследование будет направлено на их выявление в более полном объеме, причем основное внимание планируется уделить праславянским лексическим различиям.

Литература

- Бојанић, Тривунац 2002 — *Бојанић М., Тривунац Р.* Рјечник дубровачког говора // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 2002. Књ. XLIX.
- Вујичић — *Вујичић М.* Речник говора Прошћева. [Электронный ресурс]. URL: <http://raskovnik.org/>.
- Далмација 2004 — *Далмација С.* Рјечник говора Поткозарја. Бања Лука, 2004.
- Елезовић — *Елезовић Г.* Речник косовско-метохиског дијалекта. [Электронный ресурс]. URL: <http://raskovnik.org/>.
- Ивић 1985 — Дијалектологија српскохрватског језика. Увод и штоквско наречје. Нови Сад, 1985.
- Ивић 1994 — *Ивић П.* Српскохрватски дијалекти. Сремски Карловци; Нови Сад, 1994.
- Караџић — *Караџић В. С.* Српски рјечник. [Электронный ресурс]. URL: <http://raskovnik.org/>.
- ОЛА 2009 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 9. Человек. Kraków, 2009.
- ОЛА 2012 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 4. Сельское хозяйство. Братислава, 2012.
- ОЛА 2015 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 10. Народные обычаи. М., 2015.
- РСЈ — Речник српског језика. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.srpskijezik.com/>.
- Толстой 1997 — *Толстой Н. И.* Из географии славянских слов // Избранные труды. М., 1997. Т. 1.
- Томић — *Томић М.* Речник радимског говора // Српски дијалектолошки зборник. Књ. XXXV. Београд, 1989.
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. 1–4.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974 –. Вып. 1–.
- Babić 2008 — *Babić I.* Studenački rječnik. Studenci, 2008.

- Barbić 2011 — *Barbić A.* Rječnik Pitava i Zavale. Zagreb, 2011.
- Bašić 2013 — *Bašić M.* Rječnik govora mjesta Škabrnje. Škabrnja, 2013
- Brozović 1985 — *Brozović D.* Suvremeno štokavsko narječje kao plod konvergentnoga jezičnog razvoja // Hrvatski dijalektološki zbornik. Zagreb, 1985. Vol. 1, №7.
- Čuljat 2004 — *Čuljat M.* Ričnik ličke ikavice. Gospić, 2004.
- Ivančić-Dusper, Bašić 2013 — *Ivančić-Dusper D., Bašić M.* Rječnik crikveničkoga govora. Crikvenica, 2013.
- Jakšić 2015 — *Jakšić M.* Rječnik govora slavonskih, bačkih i srijemskih. Zagreb, 2015.
- Jurišić 1973 — *Jurišić B.* Rječnik govora otoka Vrgade. 2. dio. Zagreb, 1973.
- Lipljin 2002 — *Lipljin T.* Rječnik varaždinskoga kajkavskog govora. Varaždin, 2002.
- Maresić, Miholek 2011 — *Maresić J., Miholek V.* Opis i rječnik đurđevčkog govora. Đurđevac, 2011.
- RJAZU — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1880–1976. D. 1–23.
- Sekulić 2005 — *Sekulić A.* Rječnik govora bačkih Hrvata. Zagreb, 2005.
- Skok — *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1971–1974. T. 1–4.
- Upitnik HJA 1997 — Hrvatski jezični atlas. Upitnik. Zagreb, 1997.
- Vranić, Oštarić 2016 — *Vranić S., Oštarić I.* Rječnik govora Novalije na otoku Pagu. Novalja, 2016.

Summary

Ekaterina Yakushkina

Lexical isoglosses of the Croatian and Serbian borderland

The paper deals with lexemes which are different in western and eastern Shtokavian dialects of Serbo-Croatian language. Some of these dialect synonyms existed in the Proto-Slavic period. Later, differences appeared when neologisms supplanted the Proto-Slavic words, which were previously common. The formation of dialectal differences was largely facilitated by borrowing from various sources.

М. М. Алексеева
(Москва)

Словарик говора пихтинских голендров

В 2015 году сотрудники Института славяноведения РАН и РГГУ провели экспедицию в Заларинский район Иркутской области с целью изучения говора так наз. пихтинских голендров, компактно проживающих в селах Пихтинск, Средний Пихтинск и Дагник. От местных краеведов¹ был получен для исследования и публикации небольшой любительский словарь голендровского говора (точное авторство словаря неизвестно). Словарь публикуется в оригинальном виде (отдельные уточнения и изменения были внесены после сопоставления двух версий словаря и консультаций с носителями).

Голендры — представители этнической группы, прибывшие в Сибирь в начале 1910-х гг. по аграрной реформе П. А. Столыпина из Гродненской и Волынской губерний Российской империи. Этноним голендры связывают с изначальным происхождением данной группы: по одной из версий, их предки, голландские колонисты-меннониты, в XVI–XVII вв. прибыли из Нидерландов в Польшу (ср. пол. *Holender* ‘голландец’), а позже переехали на Волынь, где основали несколько голендровских поселений (об этой и других версиях происхождения голендров см. Галеткина 1998). На момент переселения голендры, судя по всему, говорили уже на польском языке, а впоследствии перешли на украинский язык окружения. Основные черты голендровского говора позволяют отнести его к западнополесским или полесско-волынским говорам украинского языка (Алексеева 2016). В некоторых семьях польско-украинское двуязычие сохранялось до середины XX века уже в Сибири. Кроме того, польский язык по-прежнему обслуживает сферу религии. Польский язык оставил заметное влияние в голендровской лексике, что хорошо отражает публикуемый словарь.

На данный момент все голендры владеют русским языком, а говор постепенно утрачивает свои позиции, хотя до недавнего времени благодаря компактному проживанию носителей он был основным языком внутрисемейного общения (об особенностях языковой ситуации см. Скорвид 2017; о переключении кодов у голендров — Skorwid 2017).

В настоящей публикации сохраняется орфография первоисточника.

В квадратных скобках даны дополнительные значения, отсутствующие в оригинальном тексте. Знаки вопроса при некоторых реестровых словах поставлены составителями (часть вопросов удалось снять в ходе бесед с носителями). За редким исключением в словах проставлено ударение, хотя в некоторых случаях правильность его вызывает сомнения. Для передачи украинского фрикативного [h] используется как буква *z*, так и сочетание *z* (x) / x (z). Непоследовательно передается звук [e] после твердых согласных: либо буквой *e*, либо *э* (*пéнзель*, но *пéтрати се*). В большинстве случаев реестровые слова приводятся в начальной форме, однако встречаются глаголы в форме 2.ед. (*бáчиши*), 3.ед. (*рúхаеть се*), повелительном наклонении (*пучикáй*).

Написание реестровых слов отражает фонетические особенности говора, в частности:

- уканье, т. е. переход безударного [o] > [u] (*вурутá*, *гури́лка*, *убарэ́мок*, *чо́буты*, *чусны́к*)
- переход [a] > [e] после мягких согласных и шипящих (*жер*, *вуло́се*, *шуфлэ́да*, *дэ́кую*, *дэ́дько*)
- отвердевший [r] (*бура́к*)
- монофтонг [y] или [i] на месте этимологического *o (*лы́жско*, *ны́ж*, *тик*, *шнури́вка*)²
- эпентетический l' (*пудви́рле*)
- *ě > 'i под ударением (*хлив*) при *ě > у в безударной позиции (*замыта́ты*)
- сближение произношения безударных [e] и [y] (ср. *я́сэчок*, но *я́сик*) и др. (подробнее о фонетике говора голендров см. Скорвид (в печати)).

В словаре представлено большое количество полонизмов, свидетельствующих о существенном влиянии польского языка в прошлом (*вэ́лэн* 'фата' ср. пол. *welon* 'вуаль', *гвэ́зда* 'звезда (рождественская)' ср. пол. *gwiazda* 'звезда', *ксьэ́нжка* 'книга, молитвенник' ср. пол. *książka*, *муштáрда* 'горчица' ср. пол. *musztarda*, *тэ́нча* 'радуга' ср. пол. *tęcza*). Слово *бэ́дач* 'молиться', видимо, приводится без морфологической адаптации (в говоре голендров инфинитив заканчивается на *-ту*, реже на *-т'*), так что его следует признать польскоязычным вкраплением (при этом сложно указать точное польское соответствие, возможно, это слово связано с *biadać* 'жаловаться, сетовать').

В словарь не попали заимствования из русского языка (которых в современном говоре, по очевидным причинам, множество) за одним исключением: среди голендровских слов указан русский диалектизм, ха-

рактерный для речи жителей Сибири: *кáтанки* ‘валенки’.

Пихтинские слова	Русский перевод
бáчиш	видишь
близэ́нько	близко
бля́ха	противень
браты́ха	жена брата
брытвáн	жаровня
бузю́мки	земляника
бура́к	свекла
буру́вки	брусника
бурувны́к	веночек, который плетут из брусничника
бу́зьки	щёки
бы́дло	скот
бэ́дач (?)	молиться
бэ́зван	весы
бэ́тки	блюдо из свиного желудка
вихоть – вихте	тряпочка для мытья посуды
варста́т ³	ткацкий станок
вуэ́нка ⁴	тётя
вуйце́, вуяшко	дядя
вуло́се	волосы
вурута́	ворота
выдэ́льце ⁵	вилки
вынтрóба	печёнка
вчэ́ра	вчера
вэ́лён	фата
вэ́прык	кабан
га́нок	крыльцо
гура́пнык	свадебный бичик
гвя́зда	звезда (рождественская)

зóрочка	звезда на небе
г(х)ладь́жка	кувшин для молока
глухíны	голубица
гурíлка	самогон
гу́зик	пуговица
г(х)урá	чердак
дах	крыша
дзенькúю/декую ⁶	спасибо
декуваты	благодарить
дзярки	семена
дэ́дько	дядька
дивчíна	девушка
дись, дíсикай	сегодня
дíжка	квашня
добрэ	хорошо
драбýна	лестница
драглі́	холодец
драпа́к	веник
дрот	спица, проволока
дубра́ныц	до свидания
ды́ван	половик/покрывало на кровати
жер	угли
жебрак	нищий, плохо одетый
жéрде	забор
замыта́ты	подметать
здэ́пка	кухня
зы́гар	часы
зузу́ля	кукушка
казáне	проповедь
карто́фли	картошка
ка́танки	валенки

квітка	цветок
кистр	поленница
кльо́чки	клёцки
кля́мка	щеколда
ксёнжка	книга, молитвенник
кулішка	колыбель
кумірчина	кладовка
кумо́ра	прихожая
ку́фер	сундук
куцюба́ ⁷	кочерга
ко́шик	корзина
крупны́к	суп с крупой
ку́бах	место, где несутся куры
курвіток	прялка
кунчівля	кружева к рушникам
бже́жка	кружево-мережка
купь́ца	копёшка сена
кутя́	каша
ку́флик	кружка
ле́йцы	вожжи
лѐх	подполье, подвал
лы́жко	кровать
марчижа́нка	божья коровка
масны́чка	маслобойка
ма́цько	котёнок
муштáрда	горчица
мо́ва	разговор, речь
мо́ркава	морковь
мы́ска	чашка
мотовы́ло	катушка мотать нитки
наг(х)абаты (?)	жаловаться

нагавы́цы	штаны мужские
ныж	нож
но́чувка	деревянное корыто для засолки мяса
о́чи	глаза
по́лоп	потолок
панчо́хи	носки
паску́дный	плохой
пасок	вязка
пи́вень	петух
па́сочки	тесёмки к свадебному бичику
пастуны́к	выгон для скота
патэ́льня	сковорода
пе́нзель	кисть
писак	расписывают яйца к пасхе [инструмент]
по́раты се	убираться, управляться по хозяйству
пувы́нэн	должен
пудви́рле	двор, ограда
пудло́га	пол
пудо́лка	шкатулка
пужичи́ты	занять
пулюмбы́ця	мясо на хребте у свиней
путра́ва	блюдо (суп)
пучика́й	подожди
пучё́нок веси́ле	начало свадьбы
пшистира́дло	белая простыня с пришитыми кружевами
па́траты се	ковыряться, замараться (?)
ро́зум	мозг, ум
ружо́	ружьё
ружо́вый	красный
рурки	ножницы для завивки кружев на чепце
ру́хаец се	поднимается хлеб

сгубыты	потерять
слухай	слушай
смíte	мусор
спудныця	юбка
страхопúте	страшно, некрасиво
стúдня	колодец
стúжки	сани
стúлец ⁸	стул [?; лавка?]
сукénка	кофта, блуза
сукíрка	топорик
сулнэчнык	семечки
сурóчка	ночнушка
сы́вый	серый
такрiк	прошлый год
тик	место для обмолота зерна, ток
цётка	тётя
тэнча	радуга
убарэмok	охапка
хáта	дом
х(г)рáвка	булавка
х(г)урóд	огород
х(г)укае	совет
хурушэ	хорошо
хúстка	платок
хлив	стайка
хлóпец ⁹	парень
фiра	воз
фúртка	калитка
цукёрка	конфетка
цúкер	сахар
цыбу́ля	лук

цэбр	кадка
чóбуты	сапоги
чуснЫк	чеснок
швáгор	муж сестры
шибр	заслонка
шмáта	тряпка
шну́ривка	безрукавка
шпа́дель	лопата
шпы́рка	сало
шты́рта	зарод сена
шуфлэ́да	ящик (в столе)
я́сэчок (я́сик?)	подушка

Литература

- Алексеева 2016 — *Алексеева М. М.* Вариативность в говоре пихтинских голендров // III Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире». Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет. 23–26 мая 2016 года. Труды и материалы / сост. М. Л. Ремнева. М., 2016. С. 197–199.
- Галеткина 1998 — *Галеткина Н. Г.* Бужские голендры: в поисках идентичности // Вестник Евразии. 1998. № 1–2. С. 53–72.
- Скорвид 2017 — *Скорвид С. С.* Польский язык и полонизмы у сибирских голендров // Язык. Сознание. Коммуникация 55 (ред. В. В. Красных, А. И. Изотов). Москва, 2017. С. 274–286.
- Скорвид (в печати) — *Скорвид С. С.* Говор сибирских голендров по материалам экспедиции 2015 г. // *Slověne = Словѣне*. International Journal of Slavic Studies (в печати).
- Skorwid 2017 — *Skorwid S.* Code-switching w wypowiedziach użytkowników innoślwiańskich gwar przesiedleńczych w Rosji // *Slavica Wratislaviensia* CLXV. Wyraz i zdanie w językach słowiańskich, 9 / red. W. Wysoczański, B. Gasek. Wrocław, 2017. S. 369–380.

*Summary**Madina Alekseeva***An amateur dictionary of the Siberian Golendrs dialect**

The article presents an amateur dictionary of the Siberian Golendrs dialect obtained during a field trip to the Irkutsk region in 2015. Golendrs (Golendry) is a small ethnic group probably of Dutch ancestry that came to the Irkutsk region from the Volyn' and Grodno region (now Ukraine and Belarus) in the 1910s. They speak a western Ukrainian dialect (West Polesian or Volhynian-Polesian), the main features of which are well depicted in the dictionary.

И. А. Букринская, О. Е. Кармакова
(Москва)

Образец говора белорусско-русского пограничья: мужская речь*

В 2003–2006 гг. сотрудниками отдела диалектологии и лингвогеографии ИРЯ РАН было обследовано лингвистическое пространство русско-белорусского пограничья: Городокский и Полоцкий районы Витебской области, Невельский район Псковской области. Описание этих говоров представлено в статьях (Букринская, Кармакова, Тер-Аванесова 2008; 2017). Говоры на момент обследования находились в хорошей сохранности. Ниже приводим образец редкой в практике диалектологов записи мужской монологической речи, в которой хорошо отразился традиционный говор. Наш информант — Василий Константинович Юрченко, 1927 года рождения (д. Силки), из г. Городка Витебской области Белоруссии. Прекрасный рассказчик, он осознанно относится не только к предмету разговора, но и к особенностям своего языка. Его рефлексия отражается в следующем замечании: *Вот у нас язык пачтí так, смалёнский и витебский. Витебская область ёть атнёсится адно́, як Смалёнишина, так и Витебишина, за Минск чуть-чуть да́льше — за Минск да Талáшина, а там уже саўсём другэй разгавор. Минск тóже ўаварíть не так, як мы, пра́ўда? У Слу́цке там тóже разгавор другэй.*

Текст интересен по тематике и разворачивается логически последовательно, с редкими самоперебивами при небольшом количестве вопросов диалектологов. Информант рассказывает о своей семье, о военном времени, о том, как выполнял поручения партизан, об аресте и побеге.

Надо заметить, что речь Василия Константиновича в отличие от речи женщин-информанток не содержит излишней детализации, пристально-го внимания к чему-то второстепенному, ее отличает и малое количество эмоционально-оценочных слов. Текст разворачивается, как правило, линейно, нет ассоциативных отходов от основной темы, в четкой временной последовательности, в качестве скреп используются союзы, частицы *и, а, ну, вот*, но их немного и не они являются каркасом, подчеркивающим связность текста. Основой для линейности выступает сюжетно-смысловая канва. Может быть, последнее положение связано с тем, что Юрченко

довольно часто выступает перед школьниками с воспоминаниями о войне.

Рассказывая о прошлом, В. К. переходит на повествование в настоящем времени, как и у других информантов в подобных случаях широко распространено «настоящее живописное», а в монологе о давно происходивших событиях использует плюсквамперфект.

В статье дается 20-минутная расшифровка достаточно большого текста-воспоминания (вся запись длится 75 мин.). Полагаем, что в этом фрагменте ярко отразились основные черты диалектного нарратива: событийность, антропоцентричность и эгоцентричность.

В представленной расшифровке для удобства чтения не показаны все особенности фонетики говора, при этом грамматические черты отражены полностью. В конце текста дан фрагмент полной фонетической транскрипции речи. Завершает статью краткий лингвистический комментарий. Текст сохранен без редактирования и разбит на фрагменты, озаглавленные нами, реплики диалектологов (Д.) выделены курсивом.

Як я жиў, як я быў

Радзіўся я... Лександроўскі сельсавёт быў тады ешшо́, у то́е ўрэмя, да вайны́, і йон так зваўся — Лександроўскі. Сейчас он пішэцца Прудніцкі сельсавёт. А в даннае ўрэмя дак я ўжэ магу́ і не сказа́ць, якэй сельсавёт сдэла́лі, злілі́ шэсь мес. Да́к вот. Ну, я буду́ гавары́ць, як я жиў, як я быў.

Д. Представьтесь, пожалуйста.

Я, Юрчэнко Васи́лій Канстанці́навіч, два́дцать сядзьмо́га го́да ражжэ́ния. Вот таке́й я быў па дакуме́нтах. Дакуме́нты ма́й сгарэ́лі ва ўрэ́мья вайны́. Тады́ я стаў... На́да партиза́ншыну гавары́ць, да? падря́д што́б было́?

Д. Нет, всё говорите...

Семья

Нас бы́ла у ма́тки во́сьмера: две сястры́ и нас ча́тыре. Ва́бшше́ во́семь душ у нас было́. Ну... адну́ сястру́ расстреля́ли. Тут же, де вы гуля́ли — Ве́рябье́вы го́ры у нас заву́тся, и аны́ в Маскве́ ёсь та́кие Ве́рябье́вы го́ры, вот. Ну, сястру́ в Ве́рябье́вых гара́х расстреля́ли с де́вчаккай з ма́ленькей, ешэ́ была́ грудна́я. И ей да́же не расстреля́ли, а ина́ асталася́ пад ней и так сама́, ну сама́ сабо́й памёрла. Э́та нам расказа́ывали, хто её зака́пываў, а зака́пываў её знако́мый наш. Да́к вот, э́та сестра́ пагы́бла. Два́ браты́ у

менé была, адін с васемна́дцатага го́да, а ўтарэ́й с два́дцать ўтаро́га, о́ба ка́дравики бы́ли, ины́ бы́ли афице́ры. Дак адін паги́б на Ку́рскей дуге́, а ўтарэ́й у Ри́ги. Ну, там то́же, йон ешшэ́ по́сле вайны́, ну е́го пасла́ли бы́ли, на э́та... у госба́нке йон рабо́тал, за то што йон ешшэ́ да вайны́ рабо́таў у госба́нке. Так я́го туды на́пра́вили к латы́шам. Латы́шы я́го не любі́ли, э́та нам извэ́стна ўсі́м, я́го там... па́дбі́ли. Ну, той там, как раз на Ра́йницкі́м кла́дбишшэ́ зака́паный, и ря́дам пачті́ з Ра́йнисам. Вы бы́ли кагда́-нибу́дь там? Вот так...

В партизанах

Ну, что пра себе́ сказа́ть мне? Ну, ў партиза́нах... Сямью́ ж маю́ ўсіо́ забра́ли ў тюрму́, я и сбежа́л у э́та ўре́мя, я сбежа́ў, так аста́ўся ў лясу́ уже́ нашо́ў то́ка свая́ка свае́го. Нача́ўся бой бы́ у дярэ́ўне, и ра́нили партиза́на, я пабежа́ў забра́ў са́начки и увэ́з э́тага ра́ненага ў лес, и тады́ пришло́ся нам з ра́неным з э́тым, на́да было́ е́го стеречь и атпра́вить бу́ло е́го за желе́зную даро́гу. Э́та у Шаўбо́ўские лясы́, ну а там бы тады́ целей́ бы бы́: или самале́т спусти́ўся, или што. А так к ным... нёмцы и па́лиция на за́ўтрешний де́нь и акру́жила на́шу там земля́нку, куды́ мы е́го затыгну́ли, так, а мы то́ка удваём бы́ли уже́. Я с ару́жью ўста́ў то́га Пятро́ва, то́га, ка́торага ра́нили, и свая́к мой бы́ с ару́жью, удвайх, што мы, мы ни́хто, е́сли че́ловек ше́стьдесят было́. Так то́га партиза́на а́ни верё́жкой с земля́нки вы́тягнули и па́рэзали на́жам. Ну вот, мы аста́лися ни с чы́м. Нам на́да была́ переби́раться за желе́зную даро́гу. Мы про́бавали три ра́за з ним перя́йти. Э́та была́ си́льна даро́га... на Ленингра́д же и́дэть «Ви́тебск – Ленингра́д». И а́на си́льна ахра́нялась ў то́е уже́ уре́мя. Э́та было́, ну... я вам чы́сла ну ниско́ка не скажу́ да́же, за то што тады́ ни часо́ў не было́ у нас, ни́чога, то́ка знаём ат лю́дэй, што яко́е чы́сло, яко́е што, или... вот так жи́ли. Ну тады́ мы з ним не перя́йшли́, тады́ к нам перя́йшли́, сюды́. И атпру́ля́ться бы́ли на́да была́ на Рассо́ншыну. А дере́ўня Чэ́ваны, у Чэ́ванах у тых мы астана́вилися... а́ни. Был кама́ндир партиза́нскага атря́да, бы́ Шпа́каў таке́й. Вот тут нёмцы, там у ўта́рым нася́лённым пу́нкте, э́та уже́ Шуми́линскага бы́ли райо́на. Там праезжа́ли, мы аткры́ли аго́нь, узя́ли ко́ня уби́ли и нёмца за́били, и неме́ц звали́ўся и усё, а́ны ўсе́ утя́кли ат нас уже́. Тады́ ўзя́ли нёмца то́га би́тага, за́минира́вали и лежа́ў. Мы зна́ли, што он... што а́ны при́дут за им забра́ть труп э́тай уже́. Ат стемне́ла, и а́ны при́шли, да па́дъеха́ли на ка́ни, и нёмца э́тага то́ка цап, там яшшо́ лягли́ и ко́ни, и лягли́ и нёмцы. Вот той бой... э́та, ко́нчилась

эта ўсё, аны утяклі.

Назаўтрева на нас ані акружыць хатэлі, но пасты стаялі крэпкіе, надэжныя, і быстренька ж мы... аны хатэлі нас ат лёса атрэзаты, но им не удалося ўсё... Мы у лясу заскачылі на апушку лёса. И тады тóже бой дóлга держáли, ну палицию, нёмцах ётых не пусти́ли мы ў лес. На слéдующий день атпáвилися, хто свайм дарóгам, хто на Рассóншину, хто на Ушáчы, ну куды пасылáли, туды и пашл́и. Ну, я з нými ишоў, а я ж быў и мáлый ешшэ. Менé тады назад атпáвили. Я náда быў им тут. Я ўсё ўрэмя рабóтаў ну ў развэдке, связным, а тады ў развэдке, я хадíў к нёмцам, я хадíў у казáрму к нёмцам. Прýма так у рúки пашшы[почти]. Я им ягад знясу насабираю, пайдём насабираём у лясу ягад. И атпáвляюсь мне туды. У нас была́ и рáция и ўсё. А тады ужé я прихажу́ ў лес к им, аны менé ужé ждуть мне, а дúмають, а вдрух я з нёмцам приду́, прададýся, прада́мся. Ну вот так я и рабóтаў: як уда́чна, ягады прада́м им там, накупляю́: и со́ли принясу́, и усяго́, и кúриц принясу́, набярú. И прихажу́ апя́ть к ним. А у казáрмах я быў, вот такéи задáния дáже дава́ли, што казáрма ж была́ там, где шкóла нашá беларúсская вот у гарадкé, там была́ казáрма деревя́нная, ёта да войн́ы была́ нашим салдáтам казáрма, а тады ужé нёмцы ея́ аккупíравали, и аны там абучáлись... нёмцеў, маладýх нёмцеў пригóнують, абучáють, а тады на фронт. Дак вот я к им туды хадíў. Задáние дáли бýли такóе, што зайтíть в яку́ казáрму мне и знáть прибл́изна хатя́, скóка их нахóдится там. Ну я кóмнаты двéри пошшыгáў, и кóйки пашшыгáў ўв аднэй кóмнате, мне ужé ётага и дастáтчна, напрымёр. Ёта ужé бóдет пачт́и тóчна, скóка дверей́ у кóмнаты, скóка людéй, нёмцеў. Вот я так и з нёмцем дружíў, ну с партизáнам же лúччэ, за то што у менé ж ешшэ́ у лясу са мной и сестра́ у партизáнах, с одíннадцатага гóда был брат, тóже у партизáнах, сваяк у партизáнах. Во скóка нас булó! Вот, вот так я и гарюва́ў.

После освобождения

А тады вайна́ ешшó не кóнчылася, а тóка аккупíравали... ну нашы пришл́и ужé, мы стáли ужé перехадíть на сваю́ рабóту, я зразу́ начаў, ешшó вайна́ ня кóнчылась, а я ужé рабóтаў на тра́ктаре. Я быў уже... на тра́ктаре дáже ў Востóчной Пру́ссии, ужé малатíў на тра́ктаре, ну з ваённым чáстям свайм, я ужé... тра́ктар-та я знаў. А то я приехаў к им туды за хлéбам, у нас галадóўка была́, умр́и — есть нéчага. Ат салдáт, што салдáты дадúть, тóлька то бýла есть, а так у дярéўне ни у кóга есть не бýла ничóга. Вот так жил́и. Ну и тады́ я и начаў тра́ктарíстам, атрóбiў [отработал] ча-

ты́ре гады́. В 49 гаду́ я пашо́ў ув а́рмию, а дакуме́нты у мене́, што я бы́ў у партиза́нах, што я ў разведке, у мене́ никаки́х дакуме́нтаў не було́, да и у нас ни у ко́га ешшо́ не було́. А тады́ уже́, када́ дакуме́нты дава́ли у нас, тут при райиспалко́ме эта́ було́, а мене́ уже́ не було́: я уже́ ў Калинигра́де ў со́рак девя́там гварде́йскем красназнаме́ннам палку́ атслужі́ў ча́тыре гады́, вот ско́ка. А тепе́рь го́да ба́йтся атслужі́ть, я ча́тыре гады́ там атслужі́ў, тады́ пришо́ў, ту́та пришо́ў дакуме́нты э́ти на́да и не на́да, на́да и не на́да, и ни́хто не ухаживает [ходит по учреждениям]. А тады́ уже́ вот так панáдабились э́ты дакуме́нты, я дава́й выхаживать их, мне пришло́ тады́ с архива́ з Ми́нска, на бра́та пришло́ у мене́ с Падóльска, а вот... пришла́, што он паги́б и награже́н пасме́ртна там э́там. Яка́... яким э́то о́рденам? О́рден... «За атва́гу» в о́бщем бы́ло, а меда́ль мне не да́ли егóнную, вот хто-та меда́ль но́сить, а далжны́, мне гавари́ли так. Ну я пра э́та не писа́ў ни́чога и ўсе́. Вот дакуме́нты я палучи́ў уже́ о́чень по́здна э́ты ув архиве́, мне из Ми́нска написа́ў бы́ў. Як суми́ў [сумел], так и писа́ў, за то шта́ я ж малаграма́тний, я ж ко́нчиў то́лька бы́ў пять клáссав да вайны́ и ўсе́. А тады́ так. Тут на трактари́ста учи́ўся, учи́ўся, там пупа́ў... там пупа́ў э́та на рабо́ту мене́. Раз трактари́ст, мене́... приня́ў маши́ны там. Маши́ны бы́ли разби́тые, я взя́ў маши́ну и пачыни́ў и ста́ў э́здить па плацу́, учи́ться э́здить, а там уви́деў каманди́р па ча́сти, каманди́р... замкаманди́ра палка́ па тяхни́чэскай ча́сти, уви́деў, што я э́зжу. Приходи́т: «Ти е́сть права́?», а шафяро́ў не було́. «Ти е́сть права́?» — Я гаварю́: «Не-а!» — «А хто маши́ны пачыни́ў?» — «Я», — гаварю́. Ну, так и так. Он на мене́... зра́зу у тот же день атпра́вили ве́чэрам в а́ўтаба́ташко́лу [автомобильная батальонная школа]. Шко́ла бы́ла харо́шая. Пришли́ ўси́ мато́ры з Масквы́, уккура́тная шко́ла бы́ла, и си́льна учи́ли харашо́: там усе́ в разрэ́зе, нагляднае́ пасо́бие бо́льше було́. Вот я там ко́нчыў шко́лу, приеха́ў а́пяць на свое́ ме́ста, мене́ паста́вили уже́ на до́лжнасть, я уже́ на до́лжнасти и пабы́ў не́скалька, на зиму́ абра́тна мене́ в о́бшшэвайскаву́ю шко́лу. Вот так бо́льше учи́ўся, чэм служи́ў [смеется]. Ну а служба́ же хатя́ о́бшшэвайскава́я, там на́да ўсе́, штаб зна́ть: и пяхо́ту и не пяхо́ту — ўсе́. В о́бшшем, Калиниградску́ю о́бласть усю́ я спо́лзаў сваім живато́м, там мене́ знака́ма. А вы вот з Масквы́, а у мене́ ж там и брат дваю́радный живе́ть, и ня чу́ю [слышу́], и ня ви́жу, ни́чога нет бума́ги, ве́рна, ве́рна яго́ нет уже́...

Д. А вы расскажите нам, как вас немцы поймали и отвели в свою хату, а вы потом убежали.

Арест и побег

Я забыў пра эта сказаць. Яно... Эта ўсё я не раскажу... Я раз хатёў напісаць, но не мох. Расказываць невазможна да́же. У нас у дере́вне случи́лась бы́ла так. Што хто ў дярэўне астаўся, усі малады́е, ста́рые, усі пастреля́ли, хто ў дере́ўне астаўся, а хто ў лес утёк, тот цеў. Вот так бу́ло... Иду́ я з ле́су ат партиза́н, иду́ дамо́й у дярэўню, то́ка выхажу́ из ле́су, а тут заса́да. Я пупа́у у заса́ду е́ту, у меня́ быў и нага́н, ну нага́н тот — ат аднаго́ то́ка атстреля́ться бу́ло, а так я нага́н... он у меня́ нага́н быў тут за́торнутый, так я яго́ прапусти́ў, як он вы́валиўся, я незамётный быў. Я учо́ный крѐпка быў хаді́ть, мох хаді́ть, я э́тый нага́н прапусти́ў, мине́ павели́ ў дярэ́вню: и бра́ли и павели́ и пра́ма ў сваю́ ха́ту, а ў ха́те пу́ста — шаро́м пакати́, то́ка... А нѐмцы э́ты, э́ты, ну бы́ли и чѐхи там, и ня чѐхи, ра́зные бы́ли и... э́та экспеди́ция бы́ла уже́, та́ких.. ишла́ на партиза́н экспеди́ция. И аны́ залягли́ бы́ли ўсе́, а ў дере́вне по́лна то́же нѐмцеў и хто там их зна́ет, и пали́ция, и нѐмцы, и чѐхи, и ўся́кие бы́ли. Привели́ меня́ ў ха́ту сваю́, мене́ там не дапра́шивали, ничо́га. Ве́чэр быў, вот так по́здна, и палажи́ли меня́ спа́ть з им уме́сте. Сало́мы принесли́, настла́ли там и на палу́, ничо́га не́ была ў ха́тах. Палегли́ спа́ть и мене́ пасреди́ палажи́ли, да утра́, ве́рна, жда́ть хатѐли. И я лежа́ў и ду́маў, што де́лать, як мене́ утеч. Среди́ но́чы выхажу́ паті́ханьку, аны́ ж уста́лые, замари́ўши, аны́ ўсі хать нѐмцы, хать и ня нѐмцы. Ани́ спа́ть, храпа́ть усі́. Я выхажу́ ў калидо́рчык, а у калидо́рчыке часавы́й сиді́ть и спа́ть. А я бы́дта бы́ мне на́да на двор схади́ть. Жих за двѐри, ну и пада́ўся то́ка, но пада́ўся я не зра́зу ў лес, а сюды́ на Гарадо́к. Я зна́ю, шта атсю́ля, с э́тай стараны́, у нас никагда́ не ахраня́лася, а туды́ ахраня́ют бальше́й лес. За дере́вню вы́браўся, там да́льше нет нико́га, и пупа́у у лес, а тады́ там усё зна́ю и усі́х нашѐў и сказа́ў, шта там на нас бу́дет абла́ва. Вот так я астаўся. Я два ра́за лóвльный быў. Ну ничо́га не случи́лась. Стреля́ли па мне, канѐчна, <...> ша́пку мне прастрели́ли бы́ли так наскро́зь. <...>

А ўтарэ́й раз утека́ў ат бункера тады́, када́ забира́ли, акружи́ли наш бу́нкер, а зима́ ж, снех. Я суши́ўся, кастѐр... е́льник здо́ровый, и кастѐр ма́ленькей гарі́ть у нас, я разу́ўся, пасуши́ў партиа́нки сваі́ сушу́, и шу́бку сняў, тут сушу́ся и павѐшаў шу́бку на ёўку, як нас... гляжу́, акружа́ють нас, я пабѐх утека́ть, бо́сый, атбѐх да́лека я з винто́вкой захвати́ў, атбѐх, уже́ не стреля́ть не на́да, ничо́га, пака́ абу́ўся я, так и бы́ла руба́ха яка́я аде́та. Це́лыи су́тки, счы́гтай, я атхаді́ў у руба́хе зимой́. Маро́з быў уже́, хало́дна бы́ло, маро́з

быў ладный, ват так я, и не захварёў. Хадіў день, тады, а ночэй пашоў за шубай, іскать. Ну и пагляжу, де мая матка, де мая сестра ілі штó, думаў, усіх пастрелялі там. Прихажу туды, там ват нікога нет, ни матки, ни сясстры, нікога нет, шубка мая висіть на ёўке, ну шубку эту ўзяў, а партизан этай, Пятроў фамилия, ляжіть, и ножик у яго ўторнутый, парэзали, папрабіли нажам, іскалолі ўсяго. А шубу я ўзяў, а так адін абуваўся, босый атбех, ладна тады абуўся, ну за мной ніхто не пагнаўся из их.

Транскрипция фрагмента текста

Рад'іўс'а йа... Л'ьксандроўск'ий с'ёл'сав'эт быў тады йешшó, у тойе ўр'ем'а, дь вайны, и йон тау зв'аўс'а — Л'ьксандроўск'ий. С'ичас он п'ішыць Пруд'н'ицк'ий с'ёл'сав'эт. А ў данний ўр'ем'а, дьк йа уже мауу и н'е скьз'ат'с', йак'ей с'ёл'сав'эт з'д'эль'ль'и, зл'ил'и шес' мес. Дьк вот. Ну, йа б'уду ўвар'ит'с', йак йа жыў, йак йа быў.

Д. Представьте, пожалуйста.

Йа, Йурчэнка Вас'іл'ий Кънстан'т'ин'в'ич, двацьт'с' ад'з'моуа ўода ражжэн'ийа. Вот так'ей йа быў пь дькум'энт'х. Дькум'энты май з'уар'эл'и ва ўр'ем'а вайны. Тады йа стаў... Надь пьр'т'изаншину ўвар'ит'с' да? Пьдр'ат шт'бó было?

Д. Нет, всё говорите...

Семья

Наз был'ь у матк'и вóс'м'ьрь: д'з'в'е с'астры и нас чатыр'ь. Вапшэ вóс'эм душ у наз было. Ну... адну с'астру рьстр'ел'ал'и. Тут жь, д'з'е вы уул'ал'и — В'ьр'аб'йóвы ўóры у наз зав'уцы, и аны ў Маскв'е йось так'ий В'ьр'аб'йóвы ўóры, вот. Ну, с'астру ў В'ьр'аб'йóвых ўр'ах рьстр'ел'ал'и з д'з'эв'чк'ий з мал'ьн'к'ий, йешэ была ўруднайа. И йей д'ажь н'ь рьстр'ел'ал'и, а ин'а аст'ьлас'а пад'з' н'ей и так сьма, ну сьма сабóй пам'орла. Эта нам рьсказыв'ьл'и, хто йейó зькапыв'ьў, а зькапыв'ьў йейó знакомый наш. Дьк вот, эта с'естра паў'йбла. Два браты у м'ин'е была, ад'з'ин с вьс'емнацатьў ўода, а фтарэй з двацьт'с' фтароуа, óба кадр'в'ик'и был'и, ины был'и аф'иц'еры. Дьк ад'з'ин паў'ип на К'урск'ий дуу'е, а фтарэй у Р'иу'и. Ну, там тóжь, йон йешшэ пóс'л'ь вайны, ну йеуó пьслал'и был'и, на эт'ь... у ўосб'анк'и йон рабóтаў, за тó шт' йон ешшэ дь вайны рабóтаў у ўосб'анк'ь. Так йауó туды ньп'рав'ил'и к л'ьтышам. Л'ьтышы йауó н'ь л'уб'ил'и, эт'ь нам из'в'есна ўс'им, йауó там...

падб'іл'и. Ну, той там, как раз на Райн'ицк'им клáдб'ишш'ь зькáпньный, и р'áдъм пачт'ц'і з Райн'исъм. Вы был'і каудá-н'ібут'ц' там? Вът так...

В партизанах

Ну, штó прь с'ибé скьзát'ц' мн'е? Ну, ф пьр'т'ц'изáнъх. С'ам'йу ж майу ўс'у зьбрáл'и ў т'ц'ур'мú, йа и з'б'ежал у э́та ўр'ема, йа з'б'ежаў, так астаўс'а ў л'асу ужé нашóу тóкъ свьйáка свьйеуó. Ньчаўс'а бой быў у д'з'ар'еўн'ь, и рáн'ил'и пар'т'ц'изána, йа пьб'ежаў зьбраў сáньчк'и и ув'óз э́тъя рáн'ьнъа ў л'ес, и тады пр'ишлóс'а нам з рáн'ьным з йéтым, нáдъ былó йеуó с'т'ц'ер'еч и атпрáв'ит'ц' булó йеуó за жыл'эзнуу дарóуу. Эть ў Шаўбóўск'ий л'асы, ну а там бы тады цыл'ей бы быў: ил'и сьмал'от спус'т'ц'йўс'а, ил'и што. А так к ным... н'емцы и пал'йцыйа на заўтр'ьшн'ий д'з'ен' и акружыла нáшу там з'емл'áнку, куды мы йеуó зьт'ц'ауну́л'и, так, а мы тóка ўдвайóm был'и ужé. Йа с аружыу ўстаў тóуа П'атрóуа, тóуа, катóрауа рáн'ил'и, а и свьйáк мой быў с аружыу, удвайх, што мы, мы н'ихтó, йес'л'и чьлав'эк шес'д'з'ьс'ат'ц' былó. Так тóуа пар'т'ц'изána ан'и в'ар'óуќьй з'з'емл'áнк'и вьт'ц'аунул'и и пар'езъл'и нажám. Ну вот, мы астал'ис'а н'и ш чьм. Нам нáда былó п'ьр'ьб'ирацца зь жыл'эзнуу дарóуу . Мы прóбъвьл'и тр'и разá з н'им п'ьр'айт'ц'й. Эть была с'ыл'на дарóуа... нь Л'ьн'инурáд жь ид'эт'ц' «В'йт'ц'ьпск – Л'ьн'инурáт». И инá с'ыл'на ахр'ьн'áльс' у тóйе ужé ўр'ем'а. Эть былó, ну... йа вам чьб'сла ну н'искóка н'ь скажy дáжъ, за тó шт'ь тады н'и часóу н'ь былó у нас, н'ичóуа, тóка знáйъм ат л'уд'з'ей, шт'ь йакóйь чьслó, йакóйь што, ил'и... вот тау жыл'и. Ну тады мы з н'им н'ь п'ьр'айшл'й, тады к нам п'ьр'айшл'й, с'уды. И атпруўл'áцы был'и нáда бьла нь Рассóншшыну. А д'з'ер'еўн'а Чьваны, у Чьванáх у тых мы астьнавл'ил'ис'и... ан'и. Был кьман'д'ыр пьр'т'ц'изáнскьуа атр'áда, быў Шпáкъу так'ей. Вот тут н'емцы, там у ўтарьм ньс'ал'óнньм пúнкт'и, э́та уже Шум'йл'инскьуь был'и рьйóна. Там прьйежжал'и, мы аткрыл'и ачóн', уз'áл'и кьн'á уб'ил'и и н'емца заб'ил'и, и н'ем'ьц звал'йўс'а и ўс'ó, аны ўс'е ут'ц'акл'й ат нас ужé. Тады уз'áл'и н'емца тóуа б'йт'ьуь, зьм'ин'йрьвьл'и и л'ежаў. Мы знáл'и, шт'ь он... шт'ь аны прйдут'ц' за йим зьбрáт'ц' труп э́тъй ужé. Ат с'т'ц'емн'эль, и аны пр'ишл'й, дь падйехъл'и нь кан'и, и н'емца э́тъя тóкъ цап, там йашшó л'аул'и и кóн'и, и л'аул'и и н'емцы. Вот той бой... э́та, кóнчылъс' э́та ўс'ó, аны ут'ц'акл'й.

Комментарий к тексту

Фонетические особенности

Черты вокализма

1. В говоре представлены фонемы: /и/ (ы), /е/, /а/, /у/, /о/.

2. В первом предударном слоге после твердых согласных представлено диссимилятивное аканье: *скъзát'с', сьмá, кьн'á, зькáпны*. После мягких диссимилятивное яканье жиздринского типа: *с''астры́, с''астру́, с''естра́*. В позиции перед последующим мягким согласным может произноситься *а* и не-*а* (обычно это звук, средний между *е* и *и*): *д''ар'э́ўн'а, д''ар'э́ўн'а*.

3. В других безударных слогах фонема /а/ реализуется: после твердых согласных в звуке [ъ], иногда более лабиализованном (например, *н'эмц'ьў*), а после мягких — [ь], иногда произносится более *и*-образный звук.

4. Отмечено огубление гласного перед последующим губным согласным в отдельных словах: *пунáў, ўр'увáў*.

5. Произносится протетический гласный в формах прошедшего времени глагола «идти»: *ишла́, ишóў*.

Черты консонантизма

1. [γ]фрикативный, имеющий глухую пару *х*: *нъа – нох*.

2. В позиции перед гласным произносится [в]: *вэ́йна*, перед последующим согласным и на конце слова – [ў]: *в'ер'о́ўка, зьмар'и́ўшы, пра́ўда, ўадóў, часо́ў*; в абсолютном начале слова – [у]: *ур'эм'а, удвайо́м*.

3. На месте древнерусского предлога *въ* произносится [у] не после гласного: *у л'асу́, у т'ур'му́, у р'и́ўи* (в Риге) и [ў] после гласного: *а ў да́ннэ́й ўрэм'а*.

4. В формах глаголов прошедшего времени муж. р. ед. ч. произносится [ў]: *быў, обóўс'а*.

5. В окончаниях прилагательных и местоимений муж. р. ед. ч. Р. п. произносится [γ]: *б'ита́га, ра́н'ьнага, йауó, утарóга, свайеуó*.

6. В говоре представлены долгие твердые шипящие: [шш] *кля́дб'ишиз*; [жж]: *ражжэ́н'и́а*, в некоторых словах отмечена вариативность произношения с долгим или кратким шипящим: *йешишэ́, йеши́э*.

7. В говоре [ч] твердый: *палучы́ў, чым, Йўрчэ́нка*.

8. На месте мягких *с'* и *з'* произносятся альвеоло-палатальные [с''], [з'']: *с''эл'сав'эт, с''астры́, з''емл'ánка*.

9. В речи информанта представлены аффрикаты [д''з'] и [т''ч']: *д''з'э́вчка, д''з'ар'э́ўн'а, ут''с'акл'и́*.

10. Упрощение *ст* и *с'т'* на конце слов: *дóлжнѣс'* (должность), *м'ес* (мест), *шэс'* (шесть), *йес'*, *йос'* (есть).

Грамматические особенности

Существительные

1. У Юрченко в речи не отмечен синкретизм Р. п., Д. п. и П. п. у сущ. ж. р. на *-а*, хотя у других информантов это явление зафиксировано: Р. п. *да вайны́, после вайны́*, з *Масквы́, нет сястры́, две сястры́*, Д. п. *ма́тке*, П. п. *на вайне́, у шко́ле, у тюрьме́*.

2. Отмечена форма Т. п. *но́чэй*.

3. Сущ. *дочка́* имеет флексийное ударение: *две́ дачки́, с дачко́й*.

4. Сущ. *ору́жие* относится к ж. р.: *салда́ты ишли́, катóрые ару́жию сабира́ют; я зна́ю я́мы э́ты с ару́жией*. В Т. п. отмечена необычная форма *с ару́жию: свая́к мой бы́ с ару́жию*.

5. Окончание *-и* в П. п. сущ. м. р. с мягкой основой: *Паде́хали на кани́*.

6. Отмечена форма *по лясú*, которая может быть интерпретирована как форма П. п. с прелогом *по*.

Форма П. п. с предлогом *по* отмечена и во мн. ч.: *я бы́ на дакуме́нтах*.

7. Окончание *-ы* в счетных формах сущ. м. р.: *два бра́ты, три хазя́йны, ча́тыре гады́, три пуды́*.

8. Совпадение во мн. ч. форм Д. п. и Т. п.: *парэ́зали нажа́м, з нёмца́м; атпра́вились сва́йм даро́гам, з ваё́нным ча́стями сва́йм*.

9. Формы мн. ч. Р. п. с окончанием [оў]: *валасо́ў, гадо́ў, нёмцаў*, наряду с этим отмечены формы мн. ч. Р. п. / В. п. с окончанием [ах] (в позиции после прилагательных): *Э́тых нёмца́х не пусти́ли* (В. п.), *калхо́зы с тридцáтых гада́х* (Р. п.).

Прилагательные

На месте напряженных редуцированных перед *ј* в окончаниях прилагательных и местоимений присутствует [е]: И. п. ед. ч. *втарэ́й* (брат), *втарэ́й раз, большэ́й лес, такэ́й дапрóс, такэ́й начальник, другэ́й, яке́й, каке́й*; И. п. мн. ч. *такэ́й задания, такэ́й развалины, такэ́й дапрóсы*; формы косвенных падежей: Д. п. *на тяхн́ической ча́сти*; Т. п. *с дэ́вачкай ма́ленькей*; П. п. *у гварде́йском палку, на Ку́рскей ду́ге, ув аднэ́й ко́мнате*.

Употребляется характерная для этой территории форма П. п. ед. ч с окончанием [ым]: *у вта́рым насе́ленным пункте, с [им] после задне́бных —на Ра́йницким кла́дбишиэ*.

Местоимения

Наблюдается вариативность в употреблении личных местоимений:

1 л. ед. ч.: И. п. я; Р. п. у *менé, нé была минé; Д. п. минé, мне; В. п. павелí менé;*

3 л. ед. ч.: И. п. *он, ён; Р. п. егó, ягó; Т. п. з йим, за йим, з ним.*

И. п. *ана, ина; Р. п. у ей, у её; В. п. её заkáпываў, ей не расстреляли, ея; Т. п. пад ней.*

3 л. мн. ч.: И. п. *аньí, иньí, ани́; Р. п. из йих; Д. п. йим, к йим, к ним, к ным; Т. п. з нíми, з йим.*

Возвратное: Д. п. *на себé, к сабé; В. п. пра себé; Т. п. сама сабóй.*

Притяжательное местоимение: *егóнный орден, егóнную медаль.*

Наосновное ударение у вопросительно-относительных и отрицательных местоимений в форме Р. п.: *кóга, у кóга, никóга, ничóга, ни у кóга.*

Указательные:

ед. ч. И. п. *той бой, тóе ўрэмя, тот нагáн; Р. п. (с оружием) тóга Пятрóва; В. п. (вытягнули) тóга партизана, у тот день, у тóе ўрэмя; Т. п. с тэй, каторую; мн. ч. П. п. у тых Чаванáх;*

ед. ч. И. п. *эт[ъ]й скот, эт[ъ]й труп, йéта бума́га, э́та сястра́; Р. п. эт[ъ]га нéмца; В. п. (увёз) эт[ъ]га раненага, э́ту бума́гу, йéту заса́ду; Т. п. з эт[ъ]м; П. п. в эт[ъ]м (фонемная интерпретации заударного гласного в окончании не ясна (обозначено [ъ])); мн. ч. И. п. *эты дакумэ́нты; В. п. эт[ъ]х нéмцех* (не пустили) (подробнее об адъективном и местоименном склонении см.: Букринская, Кармакова, Тер-Аванесова 2008: 156–158).*

Определительное: ед. ч. Р. п. *ўсягó; В. п. ўсю́ сямью; мн. ч. И. п. ўсі́; Р. п. ўсі́х; Д. п. извэ́стна ўсі́м.*

Употребление вопросительно-относительного местоимения *яко́й (како́й)* и местоименного наречия *як (как)*: ед. ч. И. п. *яка́я рубáха, яко́е чыс-ло; В. п. у яку́ каза́рму; Т. п. якíм о́рденом.*

В говоре отмечены местоименные наречия *де* (где), *туды́, куды́, тады́.*

Глагол

В 3 л. ед. и мн. ч. -[т']: *идéть, горíть, висíть, ляжíть, спя́ть, хра-пя́ть, жду́ть, ду́мають, прагóнють.*

Отмечены диалектные формы инфинитива: *па́стить* и *пасть* 'пасти скот', *зайтíть, уйтíть.*

Интересной особенностью речи информанта является последовательное употребление давнопрошедшего времени (плюсквамперфекта), что

обусловлено темой разговора — воспоминаниями о событиях довоенного, военного и послевоенного времени: *Нача́ўся бой быў у дярэўне; Зада́ние дали бы́ли тако́е; я ж ко́нчиў то́лька быў пять клáссаў да вайны; наслáли бы́ли атпра́вить бу́ло яго; мне из Мíнска напíсаў быў, у дере́вне случы́лась бы́ла так; И аны́ заляглі бы́ли ўсе.*

Достаточно часто полные причастия употребляются в роли предиката: *У меня́ нагáн быў тут за́торнутый; Маши́ны бы́ли разб́итые; Я два́ раза лóбленный быў.*

Единично встретилась причастная форма на *-иш* (без постфикса *-ся*) в роли сказуемого: *Аны ж усталые, замарíвиши.*

Используется вопросительная частица *ти*: *Ти е́сть правá?*

Литература

- Букринская, Кармакова, Тер-Аванесова 2008 — Букринская И. А., Кармакова О. Е., Тер-Аванесова А. В. Говоры русско-белорусского пограничья // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 13: Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем). М., 2008. С. 118–179.
- Букринская, Кармакова, Тер-Аванесова 2017 — Букринская И. А., Кармакова О. Е., Тер-Аванесова А. В. Изоглоссы псковско-витебского пограничья // Псковские говоры и их исследователи (к 100-летию со дня рождения С. М. Глускиной и 50-летию выхода 1 выпуска «Псковского областного словаря с историческими данными»). Ч. 1. Псков, 2017. С. 40–56.

Summary

*Irina A. Bukrinskaja,
Olga E. Karmakova
(Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences)*

A sample of the dialect of the Belarusian-Russian borderland: men's speech

The article provides a transcript of the speech of V. K. Yurchenko, born in 1927, who lives in the city of Gorodok, Vitebsk region of Belarus, and gives a brief linguistic commentary on the text. The informant's dialect is an example of a Gorodok-Nevelian dialect that has been explored in scientific articles (see bibliography).

Г. П. Пилипенко
(Москва)

Украинские тексты из аргентинской провинции Мисьонес

В данной статье впервые публикуются тексты на украинском языке¹, записанные от двух информантов во время проведения экспедиции в провинции Мисьонес (Аргентина) в октябре 2017 года (см. Пилипенко 2018), где существуют компактные поселения украинцев. Представлена подборка текстов (всего 8 фрагментов) на разные темы: сельскохозяйственные работы, строительство дома, школа, выпекание обрядового хлеба на Пасху, свадебные обряды. Первая собеседница (А. М.) проживает в департаменте Апостолес (Apóstoles), является представителем третьего поколения мигрантов из Галиции, прихожанка греко-католической церкви. О месте исходной миграции из Галиции сведений в семье не сохранилось. Родной говор А. М. судя по всему относится к галицко-буковинской группе юго-западного наречия украинского языка, однако не исключено, что на протяжении существования в новом ареале сюда могли примешаться черты и карпатских говоров, носители которых были среди мигрантов. Несомненно, что в речи А. М. гораздо больше контактных явлений из испанского языка, чем у второй собеседницы (J.) (Ю.). Объясняется это длительностью пребывания в Новом Свете представителей разных волн украинской миграции (подробнее см. Cipko, Lehr 2000; Piliipenko 2018; Шабельцев 2011). В отличие от А. М., у Ю. известно точное место рождения: современный Гороховский район Волынской области Украины, территория распространения южно-волынско-го диалекта юго-западного наречия украинского языка. Семья Ю. эмигрировала из Польши, в составе которой находилась эти земли, в конце 30-х гг. XX века, когда Ю. было 3 года. Интервью было записано в департаменте Обера (Oberá), где концентрируются переселенцы с Волыни. Ю. является прихожанкой православной церкви. В ее речи значительно меньше испанизмов и фактов переключения кода, чем у А. М.

Тексты публикуются в фонетической транскрипции. Испанские элементы передаются в испанской орфографии (во всех фрагментах выделены курсивом), их фонетическое звучание не передается. Если речь идет

об адаптированных испанизмах (заимствованных в той форме испанского языка, которая характерна для провинции Мисьонес²), где заметна фонетическая или морфологическая адаптация, то они записываются по правилам фонетической транскрипции (также выделены курсивом). Короткая пауза в транскрибируемых текстах передана при помощи |, длинная пауза обозначается ||. В текстах фиксируются оговорки, фальстарты, хезитации, автокоррекции информантов, отмечаются эмоции во время интервью (напр. (смех)). В скобках (напр. ka(ži)) передаются пропущенные при беглом темпе речи звуки. Знаком [...] обозначены небольшие пропущенные фрагменты или реплики других участников интервью. Прямая речь заключена в кавычки в оригинальном тексте и в переводах. Реплики интервьюера переданы как G. P. и Г. П. Разговор с собеседниками проходил при минимальном вмешательстве интервьюера, так как целью было получение развернутых нарративов. Все тексты переведены на русский язык. Переводы разделены на предложения, в них не передаются оговорки, колебания информанта при подборе слова.

A. M., департамент Апостолес, 75 лет, украинка, прихожанка греко-католической церкви.

[1] A. M. Tréba tut fábricas! | by^e fs' o tud robý^ely^e! | *porque traen de China* | *traen de-e* | *de otro lado* | tréa pomoyáty^e tut | l'udy^em | by^e my^e tud robý^ely^e! | e-e | *choclo!* | my^e *choclo* e-e | *jimó de Francia* | pry^exódy^e | *y aca-á* | k'íl'ko *campo* | *campo* | *campo* je tut! | alé ne pomoyáje | ne dajé-e tróxa yróšej | bo | tréba oráty | tréba-a | posadyty^e to | i-i | a b'ídney^e *colono* v'in ne móže | tud my^e májemo *feria franca* | u sobótu | i-i | *muchos ucranianos vienen y* | to šo woný^e posadút | to zberájut u sobótu | pry^evézut i prodajúd nam | oγwerký^e | γarbuzy^e | e | *lechuga* ws' o ws' o je! | e | *pan dulce* ja tam kupý^ela | *si* | xl'íba | sy^er! | molokó prenósut | fs' o tut | prodajút | *y bueno* [...] wonó *la inflación* vio | wonó doroz'íje | *entonces* woný^e-y šo móžut to woný^e totó šo posadyty^e to prodajút | alé | e | by^e pomoyály^e to woný^e b'íl'še by^e! | *la- este-* sady^ely^e i fs' o by^e jýly^e! | bo to b'ínotá p'idé i sub'í sy kúpet | woný^e ne | n'í idut | bo ne májut yróšej itý | o náši l'údy | jiy brály^e by^e by^e sady^ely^e! | i wže | búly^e | *les pueden dar para comer* vio | bo šo | šo zróbe jimú dáty^e jidén γa(r)búz e-e | *to-o tomate* | te wže išpán máje šo jýsty^e! | ta ak stryj nas | kazáv | - "prejd'íd' d'ítý^e | pozbyrájete men'í-i | e | *el maíz* | kurúz''i'' | i-i | dam | daw nam f'íru | kón'í ws' o | i my^e mály^e jíxaty^e mežý^e-y | kurúz''amy^e (смех) || i zberáty^e | ja-a | mója sestrá-a | i-i | dva xlópc''i | pó-owny^e pó-owny^e f'íry | kurúz''anyx | fá-ajn' i tak'í kurúz''a-a |

velý^ek'i | i to buló *trato* šo-o dva m'íšký^e kurúz'a dájé za tu rubótu | i-i múšly robý^ety^e || *entonces* my^e nazberále nazberále jidnú f'íru | dv'i f'íry | užé májem *cuatro* m'íšký^e (смех) || *entonces* potómu-u mály^e toj || *ay que me olvido cómo es él?!* | krutéle *vió* taká-a | kam'in' buw | jidén kam'in' na *abajo* a drúγ'yj kam'in' na-a γor'í | tyj malo šo-o | vekrutý^ely^e | a tam korúz'a k'y^edály^e | tyj vonó-o | mály *para-a-a* | *maíz molido vio* | *para locro* | a ak še krutý^ely^e to wže-e-e | muká! | muká v'ixodý^ela | *sí!* | *entonces* brat toj najstáršyj v'in maw krutý^ety^e a ja tam k'y^edála kurúz'a | a tud vže páda | i tak my^e-y | my^e ws'o tak | *manual* fs'o w xát'i tréa buló robý^ety^e.

G. P. I to s c'ijéji muký robýly xl'ip | peklý xl'ip?

A. M. Claro!

G. P. S kukurúzy?

A. M. *Si* | *de harina de maíz* | i jag búlo bayáto man- *manž'óx'y^e* | totó | krutý^ely^e | i-i tu *manž'óxu-u* m'is''ily^e s xl'ibom *vio* | s | muków | i-i | korč'í | nazyvály^e korč'í! | i my^e to jily^e! (смех) || i davály^e svýn'im *porque* | jak sadý^ely^e to sadý^ely^e bayáto! | to tróxa s'i prodaválo na-a do m'ísta | a tróxa svýn'im i-i | kúry | jily tak i-i | my^e jily | alé ws'o tréa buló robý^ety^e | ws'o | ranén'ko wstavály^e i-i | *cada uno-o* wže mály^e svóju robótu | i slúxaly^e d'íty | slúxaly táta i máma.

Перевод [1]

A. M. Нужно здесь фабрики! Чтобы все здесь работали, потому что привозят из Китая, с другой стороны, нужно тут помогать людям, чтобы мы тут работали! Кукурузные початки, мы кукурузные початки едим из Франции, привозят, а здесь, сколько полей, полей, полей тут! Но не помогает, не дает немного денег, потому что нужно пахать, нужно посадить это, а бедный крестьянин, он не может. У нас тут фермерский рынок в субботу, и много украинцев приезжает, и то, что они посадят, это собирают в субботу и привозят и продают нам, огурцы, тыквы, э, салат, всё-всё своё! Я еще там купила сладкую выпечку, да, хлеб, сыр! Молоко они приносят, всё тут продают, и хорошо [...] инфляция, оно дорожает, тогда они, что могут, то они, что посадят, то продают. Но если бы помогали, но они бы еще больше! Это, сажали, и все бы ели, потому что бедняки пойдут и себе купят, они не, не идут, потому что у них нет денег пойти. Наши люди их бы брали, чтобы сажать. И уже были, им могут дать есть, потому что, что для него — дать одну тыкву, э, помидор, и уже у испанцев есть, что есть. Так как наш дядя говорил: — «Дети, приходите собирать у меня кукурузу!» И нам давал повозку, коней, все, и мы должны были ехать на кукурузное поле и собирать. Я, моя сестра и два парня. Полные-полные повозки кукурузы, хорошая

такая кукуруза, большая! Сделка была такая, что два мешка кукурузы он дает за эту работу, и мы должны были работать. Тогда потом был этот, ой, я забываю, как это? Крутили такой камень, камень был, один камень, внизу, а второй камень наверху, и должны были крутить, а я туда бросала кукурузу, и делали, чтобы получилась молотая кукуруза, для локро³, а если еще крутили, то это уже мука, мука получалась, да! Тогда этот самый старший брат, он должен был крутить, а я там бросала кукурузу, а здесь уже падает, а так мы все так, все вручную нужно было дома делать.

Г. П. И из этой муки делали хлеб? Пекли хлеб?

А. М. Конечно

Г. П. Из кукурузы?

А. М. Да, из кукурузной муки, а если было много маниоки, это, крутили, и эту маниоку месили с хлебом, с мукой, и *корчи* называли, *корчи!* И мы это ели! (смех) И давали свиньям, потому что, если сажали, то сажали много! Немного продавали в город, а немного свиньям, и, куры! Ели так. И мы ели, но всё нужно было работать, всё, рано вставали и у каждого уже была своя работа, и дети слушались папу и маму.

[2] А. М. *My málye bayáto trósty!* | *entonces tu tróstu tréa buló tak en el medio* | *mač'étem vio* | *rubálye* | *i to plélye* | *by to búlo zapérto!* | *tu xáta* | *kúxn'a* | *a tut takýe* | *podv'írek* | *i ws'o!* | *trósta ta zaplétana* | *bye ta dytýna por ejemplo uná by ne jšla-a daléko* | *bo to s'wý'n'i je* | *kúrye je* | *a tam xudóba* | *bueno* | *i búlo-o* | *alambrado* | *alé strašné bo dytýna p'idé p'idé-e* | *de idý šukáj* (смех) || *i mye tak e* | *tak mye s'i porodýlye tam i poroslýe i d'ékuwaty bóyu* | *slabýex ne búlo* | *i tak.*

Г. П. *Y cuándo* | *buduvály xátu...*

А. М. *Y bueno* | *fs'i d'ity i táto i* | *móže stryj* | *prýjde tróxa pomóže* | *a mye noyámye* | *m'is'ily bye-e* | *bolóto* | *noyámye málye* | *tak* | *i tam dolyvály vodý áby wonó wže más o menos taká-a mezcla* | *potómu-u* | *en un balde tij rukámy* | *fs'o rukámye* | *tréa buló kl'ásty tak na* | *i to-o ladrillo to my fs'o robýly samý* | *pérše to tréa buló zberáty to-o* | *de los caballos vio* | *el abono* | *na-montón!* | *a potómu-u* | *malacate táto sam robýew* | *de madera* | *vio* | *cortaba árboles* | *y hacia el malacate con eso* | *[...] para amasar el barro.*

Г. П. *Malacate.*

А. М. *Malacate le llamaban sí* | *a wun maw takýj patýk dów'yj* | *tam zav'jizálye-y kon'á* | *a k'in'* | *krutýew krutýew* | *i toj malacate maw tak'í rúk'i*

³ Рагу из мяса и овощей.

tak'í | *de madera* | a my^e tam | k'y^edály^e γlý^enu | i vodý^e | dyvyl'i s'i wže tak wonó | tréa dóbne na-na (cmex) || na *ladrillo* | i táto tag robý^ely^e | alé velý^ek'i bulý^e tak'í s *cajoncito* | *de madera* | i tam to tréba buló | *emparejar vio* mi | mojí rúky bo my^e fs'ó | totó rukámy^e robý^ely^e | pówna- napowńýly toj *cajoncito* | alé tréa buló vodý^e l'jéty^e takó by | potómu p'itý^e i | joyó v'it'iyńuty^e na zémń'u | bo sónc''e potómu | i jex e γr'ílo i wonó-o | *se compactaba vio* | *quedaba duro!* | a potómu tréa buló-o robý^ety^e toj *horno!* | i dróva ws'ó tréa buló-o pry^evěsty^e tam | i dy^evý^el'i s' kolý wže-e búde posúxa (cmex) | by dož ne buw! | bo ne daj bóže wže ws'ó γotóve | i prýjde doš i wže ne-ne v'íde do | ne v'íde toj- ta toj *ladrillo* také | tverdé máje búty | y *bueno entonces* bo ne ma- ne búlo č'ápy^e tak tepér je *vio* | *que se pone la chapa arriba* | s xópty ne moš | bo | *prende fuego!* | y *ahí quemaba tres den' vio* | *quemaba y quemaba ese ladrillo!*

G. P. A šo klály navérx?

A. M. A my^e fs'ó mály^e bolóta | fs'ó bolóta | *de los costados* | bolóta | fs'ó tréa buló tak *forrar* to *con* bolóta | a wonó tomú horýt | i potómu v'itpadáje pomálo | prodavály tróxa i tak | zamuruvály^e | zrobý^ely^e xátu [...] *primero* | s xópty^e robý^ely^e | to taká roslá taká pš'én'ka xópta taká | šo dówɣa bulá | to woný zav'jezát- zɣorý začý^enály^e | zav'jezály^e tak | zav'jezály^e (cmex) || a potómu tut | *otra vez* | i tak do dolý^eny^e! | i a na γor'í tam tréa buló dóbne totó | za- *cerrar* totó | by^e ne-ne búlo vodý! | a potómu vže pryjšlá-a ta *chapa-a* | *fibra de cemento* | začély^e prodaváty^e tut | a i táto-o prodáv ryš | i tróxa ž'érby prodáv i kupý^ew | by^e my^e b'íl'še ne-ne-ne l'ízly^e na γorú tam | bo wonó slúžet *creo que-e* | *tre-e* | try^e rók'i | a potómu wže-e kápaje | *sí-i!* | na posk'í na-a | kápaje *sí!* | na sk'il (cmex) || *entonce-es compraba esa fibra de cemento* | to | *una chapa* | *bien gruesa!* | a my^e-e ne mály γry^ezótu-u | za dármo *porque-e-e* | búlo *liso!* | *entonces* rubalý^e tam | pry^enosý^ely^e to i robý^ely^e | wže stél'u to | alé stél'u tréa-a z bolóta robý^ety^e | ne búlo to jak tepér.

G. P. I to tak rukámy?

A. M. Rukámy^e! | ws'ó ws'ó! | takó! *ay que caso!* | po γolov'í vz'ó (cmex) || alé robý^ely^e! | robý^ely^e a potómu to-o | b'ídna mójá máma | woný^e | kolý^e mály^e tak | tróška-a γodý^enu šo mály^e spočý^eváty^e | bóže | to woný^e-y rukámy^e! | robý^ely^e robý^ely^e *revoque* | *revoque* to!

G. P. *Revoque?*

A. M. E *sí* | wonó *revoque!* | bo tepér klěcut *revoque que material* | i | a | kolý^es' to-o z bolótom | i-i *con la palma de la mano*.

G. P. I to t'íl'ky z bolóta? | tak?

A. M. To | to *con barro!* | *sí!* | *a-así-i después* | e | jag my^e v'ixodý^ely^e | e | z náš'ij xáty^e | tag bulá dolý^enka | i tak bulá taká zeml'á-a | taká-a | žowta | žowta

| *qué color?* | *amarillo?* | *amarillo es?*

G. P. Tak! | tak, žówtj.

A. M. *Bueno* | my^e to-o | toj bolótom mály^e zberáty^e u-u | velý^ek'ij ban'ék mály^e | i-i-i | roz- ryvály^e *con* | vodów! | i mal'uvály^e! | bo ne búlo | ne búlo-o *cal* ne búlo n'ičó! | i náša xáta (смех) || taká žówta búla | *si!* | a-a | *abajo* tak tróxa červóne | i fájne buló fájne! | náša xáta! | *si* | a potómu wže-e | e | mij brat buw na *marina* | v'in pry^enosý^ew γrós'i | móji | *kubruwáv sueldo* | i wže my^e-y | *más moderna* xáta | to wže dvér'i ne búly^e ti šo' my^e robý^ely^e s dōšk'i | jak nebújt | i-i s''íni || wse buló w s'íni | na šo totó? | *en Ucrania hacían el s''íni* | na xudóbu no? | *y bueno* | woný^e jináko robý^ely^e to | na s''ín'i | i tam xovály m'is'ký^e tam | e | rýžu | maw kuréz'e | poskaladály^e tam i tam stojálo | i brat začéw kupuváty^e-y dvér'i | i | t'i šo pryxod'íw wže | tam Buenos Aires búlo | i búlo | i mály^e *tren* | na-na | *en el tren* i pry^eno- | my^e jíxaly^e z vózom a ta- na *stasjón* ta | i pryvez- pomálo | začély^e pryvésty i dvér'i | tómu | e | v'iknó wže (w) nas | *más lindo más moderno* | alé mij brad jak prodáv xátu potómu pokrá-a-aly^e! | *qué lástima!*

Перевод [2]

A. M. У нас было много тростника! И этот тростник нужно было так посередине рубить мачете, и плели, чтобы это было закрыто! Здесь дом, кухня, а тут такой двор и все! Тростником оплетено, чтобы этот ребенок, например, он не ушел бы далеко, потому что это свиньи, куры, а там скот. Хорошо, и было огорожено проволокой. Но страшно, потому что ребенок пойдет, пойдёт, а где иди-ищи (смех)! И мы так, так мы родились там, и выросли, слава Богу, слабых не было, и так.

G. P. А когда строили дом?

A. M. Да, все дети и папа, и может дядя придет и немного поможет. А мы ногами месили, грязь, ногами должны были, так, и там доливали воды, чтобы оно уже более или менее получилась такая смесь, потом в ведро и руками. Все руками нужно было класть так, этот кирпич, это мы все делали сами. Сначала нужно было собрать это, от лошадей, навоз, очень много! А потом, лебедку папа сам делал, из дерева. Он рубил дере-вья и делал лебедку из этого [...] чтобы месить грязь.

G. P. Лебедку?

A. M. Лебедка называли, да, а у нее была такая длинная палка, там привязывали коня, а конь крутил, крутил, и у этой лебедки были такие руки, из дерева, а мы там кидали глину и лили воду. Смотрели, как оно, нужно хорошо (смех) на кирпич. И папа так делал, были большие такие,

так ящичек, из дерева. И там нужно было, выравнивать, мои руки, потому что мы все это руками делали, наполняли этот ящичек, но нужно было воду лить, так, чтобы потом пойти и его вытащить на землю, чтобы солнце потом их нагревало. И оно уплотнялось, становилось твердым! А потом нужно было делать эту печь! И дрова, все нужно было привезти там. И смотрели, когда уже будет сушь (смех), чтобы дождя не было! Потому что не дай бог уже все готово и пойдет дождь. И уже не получится этот кирпич такой, он твердый должен быть. И тогда не было шифера, как сейчас, наверх кладут шифер, а из травы не можешь, потому что загорится! И там он обгорал три дня, горел и горел этот кирпич!

Г. П. А что клали наверх?

А. М. А мы всё грязь, всё грязь, что рядом, грязь, все нужно было так покрыть это грязью, а горит, и потом отпадает понемногу. Продавали немного и так, строили, делали дом [...] сначала, из травы делали, это росла такая, трава такая, которая длинная была. Это они завяжут, сверху начинали, завязали так, завязали (смех), а потом тут, снова, и так книзу! И наверху там нужно было хорошо это, закрыть это, чтобы не было воды! А потом уже появился шифер, фиброцемент, тут начали продавать. И папа продал рис, и продал немного чая-мате, и купил, чтобы мы больше не, не лазали наверх там. Потому что, я думаю, оно служит три года, а потом уже капает, да! На постель, капает, на стол (смех). Тогда покупали этот шифер из цемента, это шифер, хорошей толщины! А мы не переживали, бесплатно, потому что он был гладкий. Тогда рубили и приносили, и делали. Потолок, но потолок нужно было из грязи делать, не было, как сейчас.

Г. П. И это так руками?

А. М. Руками, всё-всё! Так. Ай, вот так! По голове всё (смех), но делали! Делали. А потом, бедная моя мама, она, когда у нее был часок, чтобы отдохнуть, боже, то она руками, штукатурила, штукатурка это!

Г. П. Штукатурка?

А. М. Да, это штукатурка! Потому что сейчас называют штукатурка, это материал. А когда-то из грязи, и ладонью.

Г. П. И это только из грязи? Так?

А. М. Это из грязи, да. Так, и потом, и как мы выходили из нашего дома, была низинка, и так была такая земля, такая, желтая, желтая. Какой это цвет? Amarillo? Amarillo это?

Г. П. Да, да, желтый.

А. М. Хорошо, мы это. Мы должны были собирать в большую посуду-

ну эту грязь, и размягчали водой и рисовали! Потому что не было, не были известки, не были ничего! И наш дом (смех), был такой желтый. А внизу так немного красный, и это хорошо, хорошо! Наш дом! Да, а потом уже мой брат был на флоте, он приносил деньги, получал деньги, и уже мы, более современный дом. И уже не были те двери, которые мы делали из досок, как-нибудь. И сени, все были сени, зачем это? На Украине делали сени, для скота, нет? И они также делали это, сени, и там прятали мешки там, риса, была кукуруза. Складывали там и там стояло. И брат начал покупать двери, те, что приходил уже, там в Буэнос-Айресе было. И было, был поезд, и поездом привозил, мы ехали на повозке на станцию, и понемногу начали привозить двери. А потом окно уже у нас, красивее, более современное. Но мой брат, как продал дом, потом там всё украли! Как жаль!

Ю. Департамент Обера. 83 года, украинка, прихожанка православной церкви.

[3] *J. Do školy xudýla v'ís'im k'il'ómetr'iw.*

G. P. Daléko?

J. Daléko! | c'ílyj ɣot | ne znála po kastéž'i ɣoworýty [...] pero potróxy potróxy potróxy nawčýlas'a | ta jak to káže | jak tub'í šo tréba čytáty | ja jednému kazála | kažú jak | xudýla du školy | kažú | jidného da jidného dn'a ja kažú du mámy | - "ja ne p'idú du školy" | - "čoyó"? | - "porque mne žyv'ít bulýt" | a máma káže | - "čoyó tebé bulýt' žyv'ít?" | - "ne znáju!" | nu bulýt' bulýt' | céje-téje | - "alé ty znáješ čytáty" | znáju ws'o čytáty | týjko tyjivóji | n'i jidného slóva ne móžu zložýty | bo ny znála vs'ix l'étr'iv | a pól's'k'i i kastež'án's'k'i l'étr'iv | parecido! | p'itxód'at' | a tátu na rós'i ɣurály | k'in'my | ja be'rú svujú knýšku | i máma | idém na ro- na-na u póle tudá ta jak to kážu | tátu men'í ruskazály | pukazály | ja perečýtála ras | perečýtála drúyyj ras | a wže ny bulýt' žyv'ít' idú du školy! (смех)

Перевод [3]

Ю. И в школу ходила восемь километров.

Г. П. Далекое?

Ю. Далекое! Целый год не умела по-испански говорить [...] но понемногу-понемногу-понемногу научилась. Как сказать, если тебе что-то нужно прочитать, я одному говорила, говорю как, ходила в школу, говорила, однажды я говорю маме: — «Я не пойду в школу». — «Почему?» — «Потому что у меня болит живот». А мама говорит: — «Почему у тебя

болит живот?»). — «Не знаю!» Ну болит-болит, это-то. — «Но ты умеешь читать». Умею все читать, только это, ни одного слова не могу сложить, потому что не знала всех букв. А польские и испанские буквы похожие, а папа в поле пахал, на лошадях, я беру свою книжку. И мама. Мы идем в поле, как говорят, папа мне рассказал, показал. Я перечитала раз, перечитала второй раз, и уже не болит живот, иду в школу (смех)!

[4] J. Pásku pekly^e | o-o | tréba buló rubý^ety^e | moje ma- moja máma ru- skazála ja men'í tre- jak jak pásku pektý | tu ja tak peklá.

G. P. Jak to | môžete roskazáty?

J. *Claro!* | páska | jak pásku pečete tu tak jak to xl'ip týjko sulótkyj | *porque* je páska i je mazúrky! | a mazúrky tu vyrubl'ájut' kuméd'iji tam | tam to rob- kwy^etký kvitočký to séje to téje | a páska n'e! | páska yladén'ka! | ta jak xl'ip | ny máje n'íčoγó | músy býty yladén'ka | to ja jidnóγo | jidnóγo rázu pryjš- pry- jixaly du nas mujá t'ítka | téje | *bueno* | my pujixaly na prówudy s prówudyw pujixaly | *bueno* | stály yub'ídaty | i ja | prynésła | i vuná tak podyvýlas'a | - "i ty tak zrubýla" káže | "jak zrubýly kulýs' | pásku" | kažú - "tak!" | kažú "mené máma nawčý^ely^e" | kažú | "va- váša sestrá! | mujá máma | mené nawčý^ela šu kazála šu páska máje býty yladén'ka ny máje máje | ny máje máty n'jákyx | ko- kuméd'ijuw | zvérxá" | a kažú | - "a mazúrky sí!" | mazúrky májut' to kf'itochký | to jakús' káčku | to jakés' šos' zrúbl'ane | s t'ísta vý^erubl'ane | i | spēčene.

Перевод [4]

Ю. Паску⁴ пекли, нужно было делать. Моя мама рассказала мне, как паску печь, и я так пекла.

Г. П. Как это, можете рассказать?

Ю. Конечно! Паска, когда паску печете, это как хлеб, только сладкий. Потому что есть паска, и есть мазурки⁵! А мазурки, там делают комедии, там то цветы, цветочки, то то, то сё, а паска нет! Паска — гладкая! Как хлеб, нет ничего, должна быть гладкая. Однажды я, однажды приехала к нам тетя. Хорошо, мы поехали на проводы, с проводов поехали, хорошо, стали обедать. И я принесла, а она так посмотрела. — «И ты так сделала», говорит, «как делали когда-то паску». Я говорю: — «Да», говорю, «меня мама научила», говорю, «ваша сестра! Моя мама меня научила, она говорила, что паска должна быть гладкая, не должна иметь никаких

⁴ Речь идет о пасхальном хлебе.

⁵ Разновидность торта, печенья.

комедий наверху», а говорю: — «А мазурки — да». У мазурок это цветочки, или какая-то уточка, или что-то сделанное, из теста сделанное и испеченное.

[5] J. Bulá fs'áka p'íš'a | *porque* baγác'ko sadý^ely^e | *porque* sadý^ely^e | buló ws'o | xudób'jačoγo mn'ása ny buló | týjko buló kúrač'e i swyn'áč'e | *porque* xudóby ny móna buló | ny buló | ny buló de-de kupýty xudób'jačoγo m(n)'ása | alé my sadý^ely^e ws'o | sadý^ely^e | sadý^ely^e γuróχ | sadý^ely^e šačavý^ec'u | sadý^ely^e ta jak my ka(ž)em fasól'u | tut | ta | l'údy^e | te fs'o čýsto sadý^ely^e | p'iděš narvěš i na- nalúzajíš' | i | uký^ene's m'ása tam i naváry^es' | i na šč'óden' | o! | a ta jak to káže | a γoróda mály | mály salátu | mály te fs'o čýstu | tu rubýly.

Перевод [5]

Ю. Была всякая пища, потому что много сажали, потому что сажали. Было все, говядины не было, только курятина и свинина, потому что скот нельзя было, не было, не было, где купить говядины. Но мы сажали все, сажали, сажали горох, сажали чечевицу, сажали, как мы говорим, фасоль, тут люди. Все сажали, пойдешь, нарвешь и очистишь, и кинешь мяса там и наваришь на каждый день. Как говорится, был огород, был салат, у нас было все, работали.

[6] J. A to muzykántam | i wže ja ws'o i py^ery^ep'ij fs'o čýstu ta jak γul'ájut' s tym kuruvajóm [...] to p'idošvá | a vže kuruvájú nemá | vže týjko | p'it spódom téje | i to | vže tamtóji | tam t'iji γrós'i je | to nesé do-do-do muzykánta | muzykánt wz'aw š'ipnúw | — “suxý^ej!” káže | - “nydóbryj!” [...] to ká(že) “davájty vótky!” | a my^e- a pósl'a káže vže | pósl'a vže tem šo čýsto káže *bueno!* | a máje | a máje dv'i tal'írky | to te | to γul'áje s téju tal'írkuju | jak ny dadút' butél'ku vótky | to | bákne tal'írku | pubýw tal'írku | nemáje n'ičóo (смех) || my^e- my^e rubý^ely^e i e- tútaj jidný^em | e | *cincuenta año-os de casado* | vže | i zrubý^ely^e | zrubý^ely^e kuruváj | i káže — “búdem rubý^ety^e ta jak vys'il' i rubý^ely^e” | a rubý^ely^e v rúskomu sal'óni tútaj | u párkax | i *bueno* | pri'jš'ów du méne | jidén káže | — “*bueno che!* | ty bújiš mnóju kamánduvaty bu ja zabúws'a” | *bueno!* | kažú | — “búdu” | *bueno* | pry^ejšlý^e vže | vže zabrály^e kažú p'(i)šlá du muzykántiw | kažú — “ty kažý šu to suxý^ej! | nydóbryj!” | ja pukazála butél'ku *kán'i* | ka(žú) — “tup'íru dóbryj!” kažú | vótky | pósl'a káž'e-e-e | ta j vudály týji myský | tal'írku | pryjšlá dučká téje-téje | e-e | vže | b- bat'k'íw | — “aj” | káže | “ja ny- tam ny te nydóbryj zrubýla!” | — “čuró-o?” | kažú | — “bu š to mují myský | to ny ny- ny s párk'i(w) zv'ícy | to mují myský | ja xóču šop

pubý^ely^e!” — “čekáj-čekáj!” | kažú | p’išlá du tóyo šu dalá jimú kán’u | kažú | — “T’iáno | daj m’i | daj mn’i tu butél’ku s kán’iju! | nášu” | ka(žú) “to ny tája | ja zam’in’áju! m(e)n’i dalý drúyu | tub’i lúču” | ja za tu kán’u za-za-zabrála | vud n’óyo | a jomú myský v rúky dalá | kažú | — “na! | idý^e pobý^ej myský bo men’i kazály šop ty ny-ny | myský pubý^ew” | to pós’l’a fs’i s’m’ijálys’a | músy býty! | a m’ij čo- m’ij syn buw tam pryzédent | — “músy býty Stepánova máty” káže | “šop téje zrubýty” kažú | “*bueno* | daváj vud támo fs’óyo | daváj ħul’áty | daváj zam’itáty” | kažú | “otó báčte | to tak v jivróp’i rubýly” | a bulý tam ħunúky vže téx | téx l’uděj | ja kažú posl’a du nyx pryjšlá | ta | jidná káže du méne | — “alé jak to fájne!” | kažú | — “skážeš | ja | *yo fui co- hice video* | *hice todo* | *filmé todo-todo!*” | kažú | *bueno* | “búdyš dyvýtys’a skážeš šo bulá jidná durná stará” | i kažú | (смех) || i kažú | “týjko | týj kumediji kažú vyrubl’ály” | a voná káž’e | — “n’e! | to ny durná stará | to dóbre” káže | “my^e xt’íly šob zrubýly tup’íro šob | my fs’i bácyly pu ž’ivómu | jak róbl’at’ | ny týjko šo | šob rubýty | i tup’íru zrubýty *filmación* týjko ka- týjko šob zrubýly tak jak máje býty | šob ubráty” | kažú | *bueno!* [...] pukazát- pukazáty | — “to zrub’ít’” kažú “*vel’ádu!* | zrub’ít’ *vel’ádu* | vam e | zróbym *vel’ádu* | výberem | uberém | mulodú | uberém | mulodóyo” | perepyvájut’ | jíde vut š’l’úbu | perepyvájut’ | pustávl’at’ p’iw st’íl’c’á | xl’ip | s’il’ | i vudá | i perypyn’ájut’ | nu tam mús’at’ dáty | s tamtuv’icy dáty kán’u šop téje zabráty *porque* ny^e | ny^e to ny^e zaberút’ | ny púst’at’ muludýx tudá du xáty jixaty.

G. P. To zakryvály doróyu?

J. Zakryvály | duróyu zakryvály.

G. P. I šo tréba dáty?

J. I tréba dáty šob vý^epy^ety^e | zaplatý^ety^e *múl’tu* zaplatý^ety^e.

Z^o. Perepón takýj robýly [...] i ny prójdete | ny dalý | butýl’ky | ny púst’at’!

G. P. K’íl’ko takýx perepón’iv moýló býty na doróz’i.

J. To týjko jidén jak wž’e w xát’i jak wž’e du xáty pryjidut’ | vže jak pryjidut’ na-na pudv’ír- du muludóji du muludóyo | du muludóji | abo jak pryjidut’ bus s’l’úbu | jak vže pryjidut’ bus š’l’úbu | to vže perepyn’ájut’ jix tam na d- na doróz’i.

Перевод [6]

Ю. Я это музыкантам, и уже *perpenoi*, всё, танцуют с этим караваем [...] это подошва, а уже каравая нет, уже только внизу. И там уже эти деньги. И несет к музыканту, музыкант взял, щипнул: — «Сухой», го-

⁶ Информант Z. – из департамента Обера, 80 лет, прихожанка православной церкви.

ворит, «нехороший!» [...] Говорит: — «Давайте водки!» А мы, а после говорит уже, после уже тем говорит, хорошо! А у него две тарелки, и он танцует с этой тарелкой, если не дадут бутылку водки, то разобьёт тарелку, разбил тарелку, у него нет ничего (смех). Мы делали тут одним, пятьдесят лет брака, уже сделали каравай, и говорит: — «Будем делать, как делали свадьбы». А делали в русском салоне здесь, в парке⁷. И хорошо, пришел ко мне один и говорит: — «Слушай, ты будешь мной командовать, потому что я забыл». Хорошо, говорю: — «Буду!» Хорошо. Пришли уже, забрали, говорю, пошла к музыкантам. Говорю: — «Ты говори, что он сухой! Нехороший!» Я показала бутылку каньи⁸, говорю: — «Теперь хороший», говорю. Водки. После говорит. И отдали эти миски, тарелку, пришла дочка, это, уже, родителей: — «Ай», говорит, «я там нехороший сделала!» — «Почему?», говорю. — «Потому что это мои миски, это не из парка отсюда, это мои миски, я хочу, чтобы разбили!» — «Подожди, подожди!», говорю. Я пошла к тому, которому я дала канью, говорю: — «Тиано, дай мне, дай мне эту бутылку с каньей, нашу», говорю, «это не та, я поменяю, мне дали другую, тебе лучшую». Я ту канью забрала у него, а ему миски дала в руки, говорю: - «На, иди разбей миски, потому что мне сказали, чтобы ты миски разбил». И потом все смеялись, а должно быть! А мой сын был там главным. — «Должна быть мать Степана», говорит, «чтобы это сделать». Говорю: — «Хорошо, давай оттуда всё, давай танцевать, давай подметать», говорю, «вот видите, это так в Европе делали». А были там внуки уже тех, тех людей. Я говорю, после к ним пришла, а одна мне говорит: — «Но как было хорошо!» Говорю: — «Скажешь, я, я пошла, сняла видео, сделала все, сняла на видео всё-всё!» Говорю: — «Хорошо! Будешь смотреть, скажешь, была одна дурная старуха». И говорю (смех), и говорю: — «Только, комедии устраивали», говорю. А она говорит: — «Нет! Это не дурная старуха, это хорошо», говорит. «Мы хотели, чтобы сделали, чтобы мы все увидели вживую, как делают. Не только чтобы делать, и сделать фильм, только чтобы сделали, как должно быть, чтобы одеть». Говорю, хорошо! [...] показать. — «Тогда сделайте», говорю, «вечеринку! Сделайте вечеринку, мы вам сделаем вечеринку, выберем, оденем молодую, оденем молодого». Они будут петь песни, едут из церкви, им поют песни, поставят на стул хлеб, соль, воду.

⁷ Информант имеет в виду «Дом России и Белоруссии» в Парке иммигрантов в городе Обера.

⁸ Самогон, водка.

И перегораживают дорогу. Ну там должны дать, оттуда должны дать канью, чтобы это забрать, потому что не заберут, не пустят молодых туда в дом ехать.

Г. П. И закрывали дорогу?

Ю. Закрывали, дорогу закрывали.

Г. П. И что нужно дать?

З. Делали *перепон* [...] и не пройдете, не дали бутылку, не пустят!

Ю. Только один раз, когда уже в доме, когда уже в дом приходят, уже как придут во двор к молодой, к молодому, к молодой, или когда идут с венчания, уже как придут с венчания, тогда уже перегораживают им там путь.

[7] *J. No* | kut'ú ny rubýly | *no* | i kažú | a tup'íro užé nemá | tup'íro wže točo nemá | bu wže | *porque* ta jak- na móyylyky ras pujíxaly zrubýly prówudy | zrubýly pustý^ely^ely^e partový^enu | zrubý^ely^e pus'adály tam jísty | punapyválys'a stály na móyylykax bý^ety's'a i k'inč'ílys'a prówudy | *entonces* zm'inýly | na-na subótu šup týjko tak | jak to šo-šo móže to tak to pósl'a kazály | lúče des' du jakójis' xáty | z'ibrátys'a i pujíxaty do jakójis' xáty poču- počub'ídaty i wže | to my ras pujíxaly | ja pujíxala s svójim čolov'íkom | i kažú-u | do-o | t'ítka mujá bulá | z- svojím sýnom | kažú — “jídym du nas na *mátu*! | wže jidnáko” kažú “to subóta” | kažú | “jidnáko | wže den' pud'ila- put'ir'ály | jídym du nas!” | pryjíxaly du nas | *mátu* pupýly | a ja wže mála pryčutówl'ane fs'o | pryčutuvála i wže túju pásku mála šo to wže | wže zrubýla | i še t'ítka tak pudyvýlas'a | — “i ty také zrubýla tak jak máje býty páska!” | kažú | — “tak-tak | zrubýla ta jak máje býty | mené máma nawčýla ja tak zrubýla” kažú “jak mené máma nawčýla | i tak tup'íru rubýla” | wže tup'íru wže tup'íru ny móžu xudýty tu wže ny-y | ny móžu.

Перевод [7]

Ю. Нет, кутью не делали, нет. И говорю, а теперь уже нет. Теперь уже этого нет, потому что уже, потому что, раз поехали на кладбище, на проводы, сделали, постелили скатерть, сделали, сели там есть. Напились и стали на кладбище драться, и кончились проводы. Тогда поменяли на субботу, чтобы только так, как то, что может. Так потом говорили, лучше в каком-то доме собраться, собраться и поехать в какой-то дом пообедать. И мы однажды поехали, я поехала со своим мужем, и говорю, была моя тетка со своим сыном, говорю: — «Едем к нам на мате! Уже все равно», говорю, «суббота», говорю, «все равно, уже день потеряли, едем к нам!»

Приехали к нам, мате выпили, а у меня уже было все приготовлено, приготовила и уже у меня была эта паска, которую я уже сделала. И еще тетка посмотрела: — «И ты так сделала, как должна быть паска!» Я говорю: — «Да, да, сделала, как должна быть, меня мама научила, я так сделала», говорю, «как меня мама научила, и так и теперь делаю». Уже теперь, уже теперь не могу ходить, уже не могу.

[8] *J. Družba buw | drúška bulá stárša drúška | drúya drúška | bueno | a | za týjvo | za stulóm muludá stujála | za stulóm | a moludýj pr'ijíde | i kulýs' bulá kuróna takája | kurónu takú čytály | bo woná istor'ija | to čytály tu kurónu muludá tam stujít' | entonces | družba muludóyo | vže beré platká | i dl'a muludóji | i vuná beré tam za k'inéc' | i v'in jij(i) tudá vy'vóde | a tut máty pustav- tut pustávl'at' kr'íslo | pulóže | pulóžat' pódušku | i bueno tut vuná máje s'ísty šob jij vél'ona máty nasadýla | kurónu nasadýla | alé muludýj máje pulužýty ȳróš'i purké⁹ n'e tu ny s'áde muludá | to pulóže ȳróši | to tud'í s'áde | bueno | to wstajé zabrála ȳróše bueno | vže máje ȳróšy | a!*

G. P. Svátan'a jak buló? || xto pryxódyw?

J. Družba | z družbujy pryxódyw | tak | fxóde te to novio | to vže séje téje bueno | vže na takýj na takýj den' vž'e pryjde | vž'e pryjduť | čy to | čy to búde vže d'ílo | čy vže vže p'íde | čy búde | vže búduť | de novio | to v'in pryxóde s svujím družbujy | vže máje čy d'át'ka čy sus'ída | čy kuyó | vže pryjšów z družbujy vže tam | butél'ku kán'i pryvézly sxovály | i vže tamtúju | vypyvájut' i tam šonybút' | pry-pry- | zrubýlye | pry- za- zakusylye i-i-i...

Перевод [8]

Ю. Дружба был, дружка была, старшая дружка, вторая дружка, хорошо. А за тем, за столом молодая стояла, за столом. А молодой приедет. А когда-то корона была такая, корону такую читали, потому что она история. Читали эту корону, молодая там стоит. Тогда дружба молодого уже берет платок и для молодой. И она берет там за край, и он ее туда выводит, а тут мать, поставят кресло, положат подушку. И хорошо, тут она должна сесть, чтобы ей фату мать надела, корону надела. Но молодой должен положить деньги, потому что не сядет молодая, тогда положит деньги, то тогда сядет. Хорошо, тогда встает, забирает деньги, уже у нее есть деньги, а!

Г. П. А как сватали? Кто приходил?

⁹ Отмечено уканье в испанском слове *porque*.

Ю. Дружба, с дружбой приходил, так. Входит жених, уже то-се, хорошо. Уже на такой и такой день уже придет, уже придут. Будет ли уже дело, пойдет ли, будет ли, будут ли они женихом и невестой. Тогда он приходит со своим дружбой, уже у него есть дядя или сосед, или кто, уже пришел с дружбой. Уже так бутылку каньи привезли и спрятали. И уже ее выпивают, и там что-нибудь сделали, закусили и...

Литература

- Павлюк, Робчук 2003 — Павлюк М., Робчук І. Українські говори Румунії. Діалектні тексти. Едмонтон; Львів; Нью-Йорк; Торонто, 2003.
- Пилипенко 2018 — Пилипенко Г. П. Експедиція к славянам в Южную Америку // Славянский альманах. 2018. № 1–2. С. 289–300.
- Шабельцев 2011 — Шабельцев С. Иммигранты-чакаро из П Речи Посполитой в Аргентине и Парагвае. Воспоминания белорусов и украинцев. Минск, 2011.
- Cipko, Lehr 2000 — Cipko S., Lehr J. C. Contested identities: Competing articulations of the national heritage of pioneer settlers in Misiones, Argentina // *Prairie Perspectives: Geographical Essays*, 3. Winnipeg, 2000. P. 165–180.
- Pilipenko 2018 — Pilipenko G. The Ukrainian language in Argentina and Paraguay as an identity marker // *Slověne. International Journal of Slavic Studies*. 2018, Vol. 7, № 1. P. 281–307.

Summary

Gleb P. Pilipenko

Ukrainian texts from the provinde of Misiones (Argentina)

The texts in Ukrainian dialects recorded from two informants during a field research in the province of Misiones (Argentina) in October 2017 are published in this paper. In Misiones there are compact settlements of Ukrainians. A set of texts (8 fragments) on various topics is presented: agricultural work, building of house, school, baking of ritual bread for Easter, wedding ceremony.

М. А. Посылкина
(Москва)

Образцы говора деревни Дубое Пинского района Брестской области

Деревня Дубое (белорус. Дубае) Пинского района находится в 20 км от районного центра, на границе Пинского и Ивановского районов Брестской области Республики Беларусь. Она стоит на старинной «польской» дороге, соединяющей Пинск и Иваново. Недалеко проходят важные железнодорожный и автомобильный пути между Гомелем и Брестом. В 1 км от Дубое, на участке реки Пины, который находится между деревнями Дубое и Кончицы, берет начало Днепро-Бугский канал. Значительную роль в истории деревни сыграло поместье, некогда находившееся на ее теперешних землях и принадлежавшее именитым польским фамилиям, среди которых есть Карповичи, Огинские, Радзивиллы и Куженецкие. Сейчас бывшее поместье является памятником природы республиканского значения. Первое упоминание о деревне относится к 1498 г. (Хвагіна 2005: 57). За свою историю Дубое входило в состав Великого княжества Литовского (ВКЛ), Речи Посполитой, Российской империи, снова ВКЛ, Польши, СССР и Республики Беларусь. Во время Первой и Второй мировых войн деревня находилась под оккупацией.

Мы публикуем несколько текстов — наших расшифровок записей речи пожилых жительниц деревни Дубое 1930–1935 гг. рождения, которые были записаны в 2015 и 2018 году¹. В их речи отражается один и тот же говор, который в полной мере можно считать исчезающим: их дети и внуки получили образование на русском и белорусском языках, большинство из них живет в городе и говором не владеет.

Говор деревни Дубое относится к украинским полесским говорам, которые занимают юго-запад Белоруссии и север Украины. Такие говоры на территории Белоруссии иначе называются брестско-пинскими или загородскими (Клімчук 1983: 3). Они значительно отличаются от большинства говоров на территории Белоруссии следующими чертами: оканье; твердость губных и зубных согласных перед рефлексами *e, *i; гласный /i/ (верхнего подъема переднего ряда) под ударением на месте *ě и «нового ятя», т. е. *e в «новозакрытом» слогe перед мягкими согласными;

огубленный гласный переднего ряда верхнего подъема /ü/ под ударением на месте **e* в «новозакрытом» слоге перед твердыми согласными (однако отмечены случаи произношения огубленного монофтонга более низкого подъема, см. ниже сноску 8); гласный /u/ под ударением на месте **o* в «новозакрытом» слоге, а также в безударном положении в некоторых окончаниях, например, ген. pl. существительных [-[yŭ]); как и в предыдущем случае, отмечено также произношение огубленного монофтонга более низкого подъема (см. сноску 4). Говор находится на границе ареала средне- и западнополесских говоров. Его несомненно западнополесской особенностью является [e] на месте **a*, **e* под ударением (у большинства носителей говора [e] в этой позиции варьирует с [a]).

По классификации Ф. Д. Климчука, говор деревни Дубое относится к северо-восточным загородским говорам (Клімчук 1983: 25).

В речи старшего поколения жителей деревни Дубое встречается некоторое количество отклонений от «стандартной» фонетики говора. Это относится не только к упомянутому выше варьированию [e] и [a] на месте **a*, **e*. Прежде всего, зафиксировано довольно много случаев произношения мягких согласных перед **e*, **i* и *e*, *u* в заимствованных словах. У большинства говорящих это не выходит за рамки определенного круга лексики: некоторых личных имен, географических названий (городов на территории Белоруссии и России), названий некоторых предметов вроде *матерьял* ‘ткань фабричного производства’), отдельных заимствований из русского языка (*красиво*). Встречаются отдельные случаи аканья и г взрывного, прежде всего в том же круге лексики. Есть случаи произношения /e/, /o/ на месте **e*, **o* в новозакрытых слогах, что может объясняться как влиянием русского языка, так и внутрисистемными причинами — тенденцией к устранению чередований гласных в морфеме. Встречается произношение дифтонга [ие] и монофтонга [e] на месте **ě* под ударением, причем чаще других у О. А. Кудрицкой (см. текст 2): *на послуи́тку*, *дэд*, *ди́эдом*, *хлеб* и *до хлѐба бу́ло*, *сѣйши*, *дѣти*, ср. также русизм *дѣлау́*; у нее же — варьирование [y] и [o] на месте **o* в новозакрытых слогах под ударением: *ску́лько*, *ју́н*, но также *кабанѳу́* и *пуд нѳс*, *за стѳл*. Вместе с тем у той же информантки встречаются такие архаичные формы, свойственные полесским говорам, как *хлѳу́чыку* (огубленный гласный на месте **ě* перед /v/), *чѳтьвѳро*.

Детальное описание фонетики, морфологии и синтаксиса говора будет опубликовано позже; предварительное его описание содержится в дипломной работе (Посылкина 2020).

Тексты представлены в предложенной автором фонетической транскрипции на основе русской графики с добавлением нескольких символов. Гласные фонемы говора: /i/, /y/, /e/, /a/, /o/, /ü/, /u/ — передаются буквами *ы*, *э*, *а*, *о*, *у* (фонемы /y/, /e/, /a/, /o/, /u/ соответственно) после твердых согласных, буквами *и*, *е*, *я*, *ё*, *ÿ*, *ю* (фонемы /i/, /e/, /a/, /o/, /ü/, /u/ соответственно) после мягких согласных. Вопрос о выделении еще одной фонемы на месте **o* в новозакрытом слоге пока остается открытым, в текстах везде ее рефлекс обозначен символом *у*, а особенности произношения в отдельных примерах комментируются в сносках; кроме того, в одном примере в этой позиции встретился монофтонг верхне-среднего подъема, обозначенный *o* (тексты 2 и 3). Фонемный статус [y^o] (на месте **ь* перед *j* под ударением в окончании пом.-асс. sg. m. прилагательных и местоимений) не вполне ясен: этот звук можно считать аллофоном /y/ перед *j* в закрытом слоге.

Редукция /e/ в безударной позиции после твердых согласных выражается символами [э^u], [y^o]; но чаще встречается [ы]. Более переднее образование аллофонов фонемы /y/ после [ч] и иногда — после [л] и губных передается символом [ы^u]. Редукция /a/ и /o/ в безударных слогах после твердых согласных, встречающаяся нечасто, передается символами *а*, *ъ*, *а^o*, *а^o*. В сочетаниях CjV в позиции V употребляются буквы *а*, *у*, *о*, *э*.

Мягкость согласных обозначается следующими за ними буквами *и*, *е*, *я*, *ё*, *ÿ*, *ю*, мягкость конечного согласного и согласного перед другим согласным обозначена мягким знаком. Палатальная фонема /j/ передается буквами *е*, *я*, *ё*, *ю* после гласных букв и в начале слова ([j] в начале слога), однако исключение сделано для [j] в начале основы местоимений, кроме *я* (*ÿого*, *ÿетые* и под.): в таких местоименных основах [j] передается буквой *ÿ*. Фонема /j/ также передается буквой *ÿ* после согласных букв, на конце слова, перед буквой *и* (для обозначения сочетания /ji/).

Фрикативная фарингальная звонкая фонема /ɣ/ передается буквой *ɣ*; так же обозначается взрывной [ɣ] в некоторых заимствованных словах, что специально оговаривается в сносках к соответствующим примерам. Сближение артикуляции *ж* и *р* передано символом ж^o: *то́ж^oэ*.

Фонема /v/ представлена аллофонами [ÿ], [y], [v], [v^o], [ф], которые затранскрибированы соответственно символами *ÿ*, *у*, *в*, *в^o*, *ф* в текстах. Эти аллофоны распределены следующим образом. Перед гласными произносится [v]: *ва́ш^oого*, *сло́во*. В середине слова перед согласными и на конце слова обычно произносится [ÿ]: *коу́басу́* (из **l* в сочетании *СъlС), *намо́улять* (в этой позиции нейтрализуются /u/ и /v/, ср. *нау́чылы*), *кору́ÿ*

(в этой позиции частично нейтрализуются фонемы /v/ и /l/, ср. буў); исключения вроде *пóвно* редки. В начале слова (в соответствии с *и и *уъ) перед согласным произносится [y], если предшествующее слово оканчивается на согласный: *поту́м ужэ́*; *на дву́р уты́кльы*, *дэсь у пысо́к*, *потом у плинú*; если предшествующее слово оканчивается на гласный, то перед звонким согласным произносится [v]: *да вжэ́*, перед *j* произносится [vʹ]: *вэ́^млы́кы вь йих у жьы́дуу́*, а перед глухим обычно [f]: *хто фспіу́*, *фси*. В начале слова после паузы варьируют [v], [y], [ý]: *ў нас*, *у Кóлдыны*, *взялы́*. Возможны единичные отклонения от данного распределения.

Текст № 1

Михальчук Мария Денисовна (24.08.1932 г. – 28.11.2016 г.). Родилась в д. Дубое, окончила 4 класса, получила специальное образование (швея) и проработала 5 лет в Пинске. Когда вышла замуж за односельчанина, вернулась в деревню и жила там до самой смерти.

Запись сделана во время застолья, содержит реплики родственников М. Д. (на местном диалекте и русском языке, ниже они выделены курсивом) и представляет собой пересказ семейных историй (о детском хулиганстве) и воспоминания о еврейских семьях, живших в деревне до войны, которые М. Д. слышала от своего отца.

у Ивацэвичах э́та я ба́чу / та́ка шыро́ка дорóга чэ́снэ сло́во / бо ба́ба ма́я ма́ты роска́звала / а там за́рэ Ясильда ры́ка / та́м кай Лагішы́на // а вона́ ка́жэ / хто фспіу́ ту́ю рыку́ пэ^мрэ^мйыхаты / на по́йист // и по́йихалы у Расе́ю / а хто нэ^м фспіу́ / ўжэ́ німыц прышо́у // вот ба́ба Дэмы́ныся / ўо́ны вжэ́ булы у ні́мца гэ́того // Хвэ́лька бу́ла / ўот //

И в плинú булы́.

га? // и потом у плинú // ба́ба два́цить пять ко́руу́ дойи́ла / ўот такэ́ о було́ / а на́шы в Росе́йи / о гэ́ так о́ там бу́ло / добра́ / там жэ́ бага́ты // пшы́ны́ца да про́со да ўсе́ / да «ко^а мне́ / ты ка^в мне́ / ты ка мне!» // э́тых людэ́й //

И ты ка́зала, Дио́нісія, на́шого ді́да, наўчы́лы бу́лочки там у конди́тера ня́кого...

ну, ба́тько Ды́ныс и... / о гэ́того ва́шого ді́да наўчы́лы // то о пры́йихаў да бу́лкы о́нда пэ^мкльы́ з ба́бэ^мю / кай дорóгы // а лу́ды йі́дуть до Пінска // о́ндэ ш / шэ́ нэ^м бу́ло соши́ // то во́ны / ка́жэ / о-о-о / тут / и чай грі́лы и бу́лкы пэ^мкльы́ //

а поту́м ужэ́ с Петро́выч / взялы́ / да вжэ́ вь йих ары́ндова́лы / да ондэ́

кóмнатку // и вонѝ коўбáсну вжэ óндэ / булá вь йих / то вжэ с Петрóвыч о такѝе гондэ такѝе // этой Кныш / навы фамѝлия такá Кныш такѝе // до этѝе // як стáнэ дид / ну важ бáтько роскáзваты // а мы кáжэ / открьѝимо кáжэ / двэры // а там буў дзвонóк такѝѝ / хáта вь йих такá булá на нѝкы кóмнаты // и корóва ф сѝнюх² булá / и дойѝлы корóву / кáжэ нѝка кульгáла вэ́льмы // мы пўйдѝмо / ўонá спокóйна / раз / кáжэ / цѝцкэ^мю надóймо // ну / а дэ вжэ той магáзѝнчык той де Кныж дэ^мржéў / кáжэ / та там дзвонóк буў // як подзвóныш / то вжэ вонѝ открьѝáлы / а мѝ кáжэ и нэ^м дзвóным алэ / открьѝим / и кáжэ такў коўбасў рас вѝтяглы // и / кажэ... //

Это дед Володя рассказывал так, да?

роскáзваў но // о такѝй мо буў // мо бўльшѝй крóхы / гэ́тый Пэ́тя буў стáршѝй / Ивáн / а ўун мóжэ бы / бы вáша помыгáе ўсé / мóжэ вóсюм годóў було // и кажэ на тўю коўбасў / и мы на двур утыклѝ // а бáбы Ярыны / Сирóжа / мўсѝть гондэ ходѝў до йейѝ / и кáжэ / побáчыў // як дэсэ свѝснў // полякáлыса мы / тўю коўбасў дэсэ у пысóк / нѝк... // як стáлы о так ó / такэе интерéснэ //

а потóм тóжэ / кáжэ / такѝѝ наж дид тожэ буў такѝѝ жуликовáтый // а этóй / жѝт óндэ буў // кáжэ / тѝѝи двѝ / однá Шэ́йна звáлас / однá Мáша / и там Цѝвля // шчавэѝ пэ^мрэ^мбырáють // а мэ^мнэ намóўлять этѝ хлóпцы вжэ такѝѝи / ходѝлы тóжэ тудѝ ў магáзѝн этóй / там тодѝ тожэ такѝ збырáлыса этѝ хлóпцы такѝѝи // да // то кáрты грáють / то шчэ шчо // и намóўлять мынэ // идѝ / тогó жѝда там // а ўун кажэ я // ходѝо ходѝо / да / за то я / вжэ да той шчавэѝ // як схватѝо / и роскыдаў ѝим той шчавэѝ // потóм / далѝ грóша // а тѝѝи вжэ хлóпцы / ѝды до / купѝ бўлку / у гэтого Лэ́йбы // пошóў вун / а тѝѝи ўжэ дѝты роскáзáлы Лэ́йбы / шо мынэ гэ́тый Волóтька / чы там этэѝѝ нас ўо так ó обѝжáе // пошóў ўун бўлку куплэе / даў бўлку а потóм кáжэ / о так ўó за шчóку ак взеў мэ^мнэ ак скрутѝў // и за ухó // я моўчў // о тák тобѝ колѝ ты этакѝѝ / ну //

И ўже ны³ стáў?

ну то збырáлыса ды ѝ да намóўлять этакѝх ўóд бы вáшы // намóўлять мэ́нчого // а ўун э / а ўоны и мы тобѝ дамó грóши / чы мы табѝ дамó / ну да / ѝим о так ó // а вонѝ потóм ужэ / интерéсно (óндэ токó) //

абó кáжэ / тѝѝѝ сапуóжник Янкыль жы^т // я на вѝшкы каже залѝзу // а ўун / на днэ гокó слэ^мпѝѝ буў // и сóныцэ свэ́тыть ля мэ́нэ // нѝкэ ж о там ó / дэ хáтка та / да сирéн⁷ / а ѝѝхна хáта тудѝ булá / нэ^м гондэ дэ / о там ўó дэ бы^и то клўня нáша // я вжэ бы^и тó и забўла / я ш тогдѝ шэ ж нэ^м булá // и кажэ / а ўун чóботы бѝе / и такѝѝ слэ^мпѝѝ на днэ гокó // ѝѝх обѝжáлы / óндэ булó двá жѝдѝ братѝ // як вонѝ / мнóго ѝѝх / то вонѝ знáѝш // а як

та́к то воны́ вжэ в э́тых лю́дях воны́ такы́йи и добры́йи / ўоны́ харо́шы булы́ // а кажэ́ / шклы́нку / няк жэ́ ж напра́вить на вы́шкы залі́зэ // и та́а шклы́нка / ув о́ко то́му Я́нкэ́^млэ́вы // ці́лыи дэ́нь ка́жэ / чэ́снэ сло́во // блэ́^мшчы́ць // нэ́^м можэ́ робы́ты //

а воны́ з на́шы^м ба́тьком тогді́ вопшэ́ / як ўжэ́ йих ні́мцы / выво́зылы / э́ты латкы́ вжэ́ там о́ / у Пінску ўжэ́ в гэ́то³ э́тые ўо́ // а вун⁴ / коро́ву оды́н дэ́^мржэ́ў / чы мо́ и два́ / а воны́ то бра́ты булы́ // и йэ́тэ^ме / такы́ харо́шы воны́ // оды́н Лэ́йба зва́ўса / то той / маты́рйя́лы продава́лы / бабы́ купле́лы такы́е шо́ўкы / хусткы́ // э́то ў́ нас / э́то хусткы́ э́то ўо́ны нам // ў́ на́з бу́ло по́вно хусто́к э́тых во́ / воны́ поотдава́лы // шэ́ та зы́лёная //

На хране́нне даў?

на хране́нне // лю́ды фсе́ ба́ло / у Ко́лдыны хусткы́ // алэ́ мы́ ўжэ́ // и мате́рйя́л такы́й о́ / блыску́чы^мй на́вэ^мть за́ра так ко́фта вале́нца жо́ўтая // мате́рйя́лу / ишэ́ там тако́го // як ка́жэ / вырну́са / ба́цько ка́жэ / одда́м // а ля́ Са́нькы^м поду́шкы́ позано́сылы // ўо́ны вэ́^млы́кы вь́ йих у жы́дуў булы́ / посьці́ль така́я // а ля́ Вылы́чкуў то́жэ^м шчэ́ нішчо́ // и шчэ́ копы́лы / фся́кого разме́ра / то́го Я́нкы́ля //

А шо́ такэ́ копы́лы?

такы́ дырывля́ныи́й / шо́ ро́бляць / натяга́ють / ну кра́сыва бы́ нога́ // ўсе́коо разме́ра // да // ці́лыи мэ́^мшо́к уся́кого ро́змера ты́ копы́лы́ / такы́ вы́точаны́ / як стату́я як о́ тыпэ́р э́ты во́ // маніке́ны // а то́ / на чо́боты / на фся́кы ту́флі / на фся́кэ́ фсе́ // и воны́ / у на́з згоры́лы // занэ́^мслы́ / на вы́шкы вы́сыпалы́ / я до́брэ́ зна́ю / и воны́ э́ты фсе́ згоры́лы // а гэ́ты хусткы́ / гэ́тэ́ дэ́сь вы́тяглы́ ніхто́ // и пото́м мы́ ўжэ́ потыхо́ньку / и мате́рия бу́ла / дэ́ шчо́ пошы́ймо // лю́ды / алэ́ ж бы́^м то́ нэ́^м прызнава́лыса // но́ / ба́цько йих бы́ ны́ обі́дыў никада́ / вэ́^мрну́лыса бы́ ўсе́ б одда́ў бы́ // а воны́ // да // бу́ла / ба́цько купы́в з бра́том Тро́хы́мом э́ту / сэ́^мчкарню́ // шо́ и за́рэ шэ́ оддалы́ ля́ то́го Фи́бишэ́фско́го / го́ндэ́ ж сто́яла клу́ня така́я (унго́льская) / насто́яшча така́ сычкарня́ / ны́ то шо́ за́рэ така́ хы́гаи́ца / така́ крэ́пкая // сычкарня́ // а вь́ йих коро́ва бу́ла / воны́ ходы́лы до́ ба́тька риза́ты / сі́чку // и ўо́т воны́ дру́жы́лы з на́шым ба́тьком вэ́^млы́мы // и шшэ́ зз а́кымы́ лю́дымы́ // и ўо́т так о́ прожыва́лы // оды́н Я́нкы́ль а ды́н Лэ́йба //

³ Произнесено со смычным заднебным [г].

⁴ Судя по этой словоформе, произнесенной изолированно и с фразовым акцентом, [у] < *о в новозакрытом слоге отличается от [у] после твердых другого происхождения меньшей огубленностью и более передним рядом (на слух близостью к ы).

Текст № 2

Кудрицкая Ольга Алексеевна (1931 – 29.10.2020 г.). Родилась в многодетной семье и прожила всю жизнь в д. Дубое. Окончила 4 класса.

В разговоре участвуют родственники О. А., в том числе ее дочь, которая говорит на местном говоре со значительными отступлениями от него.

А каравай пекли?

пэ^мклы / пэ^мкльы // <...> корова́я нэ^мсуть...//

А кто пёк?

Та тэ ўжэ крósна фсигда пычэ//

А что еще готовили? Что пили?

вóтку пíли / самогóнку // о // у магази́нах мо хто купля́ў / в магази́нах вóтка была́ / така́я / ў бутылка́х //

А суп не варили?

ўот му́сыть ка́шу вары́лы // этэ ўжэ каза́лы на потру́сыны // этэ ўжэ на / на послieтку //

На второй день, может?

мо́жэ и на второ́й // этэ ўжэ на потру́сыны//

А какую кашу?

я ду́маю просяну́ю // ну / с про́са //

А чем хату украшали, когда свадьба была?

шчэ як я была́ / на́тто / фся́кы вы́шыўкы были // э́ты полотéнца вышива́лы / да такы́ красывыйи // да от у мэ^мнэ ў ха́ты вйсыть / дви такы́х // и ў ба́бы ж му́сыть е // да ўжэ / ра́мки / э́ты-ы // няк тогди́ мо́да була́ / "з войны́ / увилйчвалы // от у мынэ и я зь диéдом свойим е // и Га́ля⁵ и Ли́да е / а вжэ потóм ужэ / вжэ за́ра ни... / ныхто́ гэтак ны де́лае // а то / в тэ врэ́ме / ходы́лы да́же по хата́х / шо от / ўжэ вун увилйчыть и прынысэ / и ўжэ заплáгыш скўлько // я вжэ и забўла скўлько //

Специально делали?

да / да / да / это така́я була́ повэ^мдэ́нцыя / мо́да //

После войны уже?

э́то пóсля войны́ //

А до войны просто рушниками?

а до войни рушны́камы / до войны́ // пры По́льшчы ны та́к и бага́то жылы́ / а́лэ^м / но-о / хлеб и до хлéба було́ // кабаны́ кормы́лы // трóе ко́рмыш кабано́ў / карто́шку са́дыш / жы́то сéйиш / намэ́лыш / е чым обмы́шаты тую́ карто́шку // однэ́ продасы́ на росхо́ды / а два забйэ́ш // я́к у кого симйá

⁵ [Г] взрывной.

вот як у нас бу́ла вэ́лыка сымйá // мойй родíтили // у миня́ и отец и мать / бу́лы // то ўжэ воны́ / старáлыся / шоб / вíкормыты кабанá и забы́ты бо потому́ шо дэти // э́то ж бу́ло // ўжэ потóm роды́ласа дво́е / брат и систра́ // а нас чэ́творо // зра́зу // садíмса / ^мза сто́л / своя и ло́шка бу́ла / з мы́скы однэйи кúшалы // ны то шо ка́жнъму пуд нóс / да вот та́к о и... //

Большой чыгунок стояю и лошка дырвяляная, мусыть, дырвяляныйи лошки были, да, мам?

и ны³ во всих и ды^ррвяляныи / ў мэ^ннэ дед / да нáтто / ўун и / и рош-чóску / и тую зрóбыть //

Ну дед был мастер на фси рúки, умёл всё дéлать.

ты зна́йиш / э́то трэ́ба колы́ э́то / ў э́тум хлúўчыку дэ торф и тут пóлочка / и там лыжы́ть та́ка диривя́на йогó ло́шка / та́ка окурáтнинькая та́ка ма́линькая // э́то як бы дэ ў музéй / дэ кому́ оддáты //

Сам робыў?

сам / сам // фсё сам / дéлаў / дед // э́то могó ба́тька / ба́тько / э́ та́кый буў спосóбный // и вун буў начáньник слюза́⁶ // и вун / на слюзу́ робыў / и мы там жы́лы / ўжэ // бу^мў та́кый до́мик // ўжэ тыпэр то ро́стро́йиы / ой-ой-ой шо там / як пойды́ на слюз // а то бу́ла адна́ хáта // ну а / до ж ны ўси / и / бу́ла ж дирэ́вна // спáляна / о гэ́та ўу́лица до цэ́рквы // то // тут адна́ / а там дру́га / а там трэ́тя // а там чы́тво... о шó то сто́йиць / як идэ́ж до цэ́рквы // дом / э́то тут / дáчнык живé / купы́лы // то мýсыть / тыя хáта бу́ла чы чы́твóрта / чы аж пйáта // оды́н кай одно́го / оды́н кый одно́го / домá былы // а вжэ як пóсле пожа́ру / то ўжэ стро́йиыся дэ хто ба́чыў //

А приданое у вас было?

э́то шчó э́то? //

Ну когда невесту отдают замуж, ей дают какое-то имущество, одежду...

пры́даннэ / э́то пры́даннэ // да-а / даю́ть // там / та́кыйи / ны чумада́ны / а ны́ бы то сунду́к / як ўжэ тыпэр шкаф // ну дак / то́жэ туды́ / накладу́ть / ну шчо / шчо е́сьця вжэ ф тыйэ^м пры́даннэ // бу́ло / бу́ло / дава́лы //

Текст № 3

Рапинчук Валентина Леонидовна (1935 г. р.). Родилась и прожила всю жизнь в деревне Дубое. Окончила 8 классов, работала поваром и уборщицей в школе.

Запись представляет собой рассказ о ткачестве.

⁶ Шлюз.

А у вас был ткацкий станок?

кто //

Ткацкий станок.

а / станок буѣ / это вэ^мрстат называѣса / он называѣса вэ^мрстат // буѣ
ѣун у каждуй ѣ каждуй хаты буѣ // но я ни ткала / я // маты мни ни давала /
ну ак маты пуйдэ^м дойты корову / а я зализу / да нароблю / няк / близныо
зроблю / а вана мэ^мнэ навить и была // то я на тогди / як вана дэ выбыжыть
/ я скорий за / а так я ны ткала //

А хотелось, да?

хатилос // так интересно знаиш // алэ я не не / нэ^м ткала //

*А потом уже после войны этого не было? Уже сами столько руками
не делали?*

ну чого було то / то долгая времйэ було // сноваты / я сновала // а
сनावаты знаиш як это // да / тут такы стьять / от с тайи стараны / де
сценка мяя / стьять такая бы лесинка / и будэ и тут / о так далёко / и тут з
эты стороны // ну и по.. почнэш / во так о / чэрыс той колочок / идэш туды
/ чэ^мрэ^с ты^й колочок туды / и гэтак сновалас // а такый буѣ юрок // юрка
ты знаиш шо такэ? //

Нет.

нэ / нэ^м знаиш / ну як то тыбэ Галья ны... // а юрок которы клубкы
моталы // тут такая / от такы юрочок / но так красиво зробляный // и
туд дырка / и з этэ з одного конце дырка / навиль / то так о навиль //
и / фсадьвайш туды нитку / бо так ты рукы ш порижыш // як / а так /
такый юрочок / и о так о ходыш // но если ужэ если ты / ны положыв
на тую сторону / ужэ / ни пйдет // ужэ роскыдаиш / надо шоб точно /
як тут так и там // а бувае пэ^мрэ^мпутайиш / ужэ роскыдаиш // а юрок это
я ш тоби говору / от такый красива / колочак така палочка / и навиль
дротом прокрутяна пропаляна дырка // и фсадьвайиш сюды нитку / и это
называица юрок // и мотаиш у клупкы //

А вот после того как сновали, потом что делали?

а потом сновалы / и / у клупкы //

Сворачивали?

да зваращвали чырыз этой юрок // да этого // потом сновалы / да ж /
то нэ^м сразу / ну снуеш и потом бырэш гэту пражу // от тоби так показаты
// она ж о гэтак идэ / идэ ш во так от // и бэрэш йеи снымайиш с тых
колочкоѣ / о так о бэ^мрэш панимайиш як // як это бувае / о бач // так вана бы
цэпочкыно идэ // о так узёу раз / тут ужэ ѣ мэ^мнэ гэта гапэличка е // я бэ^мру
другую / поняла / да / я другую бэ^мру / я другую я дру... // и гэтак идэш /

поку́да до конца́ / ты ны... // там завя́зvaiш // по́том йейи бэ^мрэш па́рыш
эту виду (?) // бэ^мрэш э́то су́шыш // по́том вя́жыш у клубо́чки // и начи́наиш
/ ўжэ / бэ́рда //

Это всё на двори робылы?

на дво́ри ни робы́лы / то ў ха́ты⁹ робы́лы / пото́му шо бу́ла зима́ // это
ж зимо́ю ўсе́ робы́лос //

И было место?

ми́есто бу́ло / да // ўжэ шука́лы коб тако́е дэ // ну э́то ж не // ко́лысь
хаты́ булы зна́иш як / ку́хня / и столо́ва // чы / ны бу́лы пэ^мрэ^мгору́дзяны
// вот и в наз буў дом большы́ый – большы́ый / а бу́ла то́лько ку́хня / а
столо́ва о́пшча // и ходы́лы п / зимо́ю ф ха́ты всигда́ // а юро́к / запомни /
юро́к э́то кото́ры пра́жу на клупкы́ //

Это до того, как ткаты?

да / як тка́ты / да/ должна́ бу́ты прэ́жа фсе́ // а э́ты я ш то́би кажú такi
интирэсно́ лёсничкы́ о так о́ / жмок о так о́ / а пото́м зноў протя́гвайиш
чэ^мрыз гапэ́лку / а пото́м зноў чэ^мрыз гапэ́лку / по́няла ты // да / да / так
вонó / а та́м ужэ пот конэ́ц завя́жыш коб она́ ны роскы́далас / и з э́ты
стороны́ // и ўжэ по́г... ту́ю прэ́жу па́рыш / шоб ана́ ўжэ така́ бу́ла //

Ой, сложно!

да / и во́т с тако́го зёрнушка́ / получа́лас така́я //

А льняные зернышки на масло шли?

сия́лы лён / сия́лы зёрнышка́ такы́ // дэсь у мынэ́ и за́рэ э́сыця / ну ў
ба́ночкы́ та́я / симина́ од^м льна́ / сия́лы лён / он такы́й / то ж и за́рэ лён лён
цвыту́шчы́й лён / такы́ голу́бым краси́ва //

Текст № 4

Литвинко Антонина Феодосьевна (14.01.1932 г. – 2019 г.). Родилась в семье учителя и прожила всю жизнь в д. Дубое. Окончила 4 класса. Работала в приемном молочном пункте сборщиком молока и лаборантом, а также завмагом.

Ниже приведен фрагмент рассказа о домашних животных.

А когда выгоняли скотину пастись?

ну я / на высни́ чы там як сказа́ты // алэ́ / ты́йи пра́вильно́ як выга́-
ня́ючы" // коп / коп пэ^мрыступáла // як с хлы... / ^мс хлыва́ выхо́дыла / за-
стыла́лы попру́га (*под п(о)рога*?) кла́лы // и я́ п сказа́ла да́жэ / му́сыть и
хлеб / шоб ана́ пэ^мрыступы́ла // врóди коб э́то фсе́ бу́ло //

(Кот появляется.) Котик...

у мэнэ кóтик ёто харóшынькый // ты знáиш ы лóвыть и фсё // дáжэ зловы́ў гáдыну и прынóс //

Такой чистенький.

га? // ходы до мынэ // ходы / кчы-кчы-кчы-кчы-кчы / ны прыдэ бо мóжэ (прыдэ) // вобмыва́ица и ўун прыдэ прыдэ и / и на фсё молодéц / коб даў Буг / нýшчо // я йогó в начы ны дыржý // а раз остáвила / вэльмы ў мынэ хлóпци йогó шкодýють / хай пэ^мрыночýе // и ночоваў у мынэ ў кóмнати / и спаў зо мнóй и фсё // пóтум у начé шэ й пóночы / яўкайи // дýмаю шó ўун ужэ хóчэ / на двýр схотíў // попрóсыўса / и я открýла и пошóў // шэ прывы́к вон гэтак/ харóший слáва Бóгу //

Раньше вы котов держали?

держáлы фсё врэм(я) / и собáкы мы дыржáлы / шэ и тáм дэ / мý собáкы дыржáлы // ну ўжэ прывыкáиш / знáиш шо дитé / ёто прывы́чка // а в мынэ тут пси фсигдá / от я зáрэ самá / я / и в ночы^н / в мэ^ннэ собáка забрэшэ / я ўжэ / х кýрси дéла чы шчо // а от скажý собáка // йидэ машýна э тут йидэ йидуть / ныц // чомý оны почýють шо ма́я / нáша машýна йидэ // я́к вонá почýе // и стáнэ скавытáты гýньняк⁷ // а я аж дывýюса // ёто ш по звýку почýють //

Какую скотину раньше держали?

корóву дыржэ... // я ўжэ ак хазáйкею / бо як мáтера да там и свýнни и говз^мчкы бýлы фсё было // а так я корóу // корóву дыржáла / кýры дыржáла / свынэй дэ^мржáла // и гýсы булы // я послá послá як ўун умэр муй чоловiк то я / дыржéла мýсыть годóв дэсыть / чы питнáчить / корóву держáла // а кýры / и дыржáла дóўго / а зáрэ нóччу нiшо здýшыть (и гóд?) // сы^рйшла а ванý фсё ны живы́ //

Куница?

чóртг е знáе // да и зáре нэ^м дэржым / ну ўжэ зáре и годá шо е / áлэ // шэ и годá / я благодарý Бóга шо шэ я так-(то б é) / шо я велосепéдом но зáрэ ўже хýжый // вжэ шчо дэнь – хýжы //

Текст № 5

Терлецкая Валентина Антоновна (1930 – 2019 гг.). Родилась и прожила всю жизнь в д. Дубое, окончила 4 класса. Работала животноводом: доила коров, выращивала телят.

⁷ Иначе.

Запись сделана в гостях и содержит воспоминания о жизни «при Польше».

А в лес ходили?

ходьбы^н в лис // шчэ й такый буў / пán да нýдэ ны пускáв у лис / да трéба нýкого квытóчка брáты / коб ýгод даў хоч крóхы набрáты // да ходьбы^н в лис / ходьбы^н / и я ходьбыла // мы ўжэ бувáло / попрóсымос до якэйи бáбы / коб узялá нас / коб ны заблудытыса // алé ўжэ йдэмо идэмо в лис / а стрáжнык ны пускáе / давайтэ квыткá / давайтэ квыткá / а дэ ж тыгый квытóк за шчó // ўжэ кэдá ўжэ жэ помáлу ўжэ набырэм крóхы тых ýгод / да и прыдым до хáты // фсё булó / алé товдй трýдно булó дóчычка / трýдно булó бо нэ^н булó за шчó... //

Чернику брали, да?

да-а / чэ^нрникý / такáя / булó ýгод мнóго / алé ш это ш трéба было / набрáты / а стрáжнык ны пýстыть / стрáжнык ны пýстыть у лис / ны бырэш ны бырэш квытóчка / ны бырэш квытóчка / ны пýстым у лис //

На всех дорогах сторожили?

ну / вонý / вот прымёрно от ф тóй бук онó лис / там / туды^н / а гóндэ нэ^нмайе // ну то там ужэ ш стрáжнык // ты вжэ бóдыш итй у лис / ўун скáжэ / купы саби квытóчка / купы да й ходы в лис // но тák жы ш трéба купыты квытóчка / от покáжва хто купыў / там тáя й тáя бáба купы / да ходим / нэ^нхáй / и нас возъмэ в ýгоды // да гэтак дóчычка и ходы дысь (?) //

А косили где?

косыты булó / булó / и сынóгати нам ужэ дава́лы / и всё дава́лы / косылы / алé хто жэ ж здýжаў / то косыў / а хто нэ^н мав сылы / то и ны косыў //

А на болотах тоже косили?

а на болóтах / на болóтах косылы / дóчычка / косылы / от то ж / этэ / Жукóво / о тó Шышшлово / тó т там шчэ якáя / былы / Куповáха чы шчó там / там косылы / фсё косылы // косылы //

А где были болота раньше?

болóта сáмы болóта булы дытётко гóндэ // да / сáмы болóта булы гóндэ // это мы шчыгáй живэмó нызына / ў болóто / о // а гóндэ вжэ бувáло прыдыш / ўжэ сюды / ўжэ гóндэ дэ / дэ жэ / дэ жэ дэ лóды дэ / дэ жэ мóжуть тэе пóлэ чы чы сынóгать / чы шчó / да ўжэ гэтак и мы / сáмы саби а нé ш с кым / прыспьсабливалыс / да брáлы / сáмы собй брáлы / да косылы / трýдно булó // трýдно булó дытэ //

А болото так и называлось, «болото»?

було́та называ́лы / гэ́то Жуко́во / гэ́то Васэ⁸л⁸у́ка⁸ / гэ́то Стружкы́
/ гэ́то Купова́ха / во та́к называ́лы // вэ́лма т⁸рудно́ там вэ́лмы т⁸рудно́
було́ //

А деревья росли на болоте?

не-е / дирэ́вйа / рослы́ / а лю́ды ны вэ́лмы становы́лыс / бра́лы якы́йи
уса́дыбы // бо ш трэ́ба платы́ты па́новы / як ты́ же ха́ту бу́дыш стрóйиты //
а так с⁸як так няк так ужэ́ му́чылыса / му́чылыс / да // во //

Текст № 6

Сукманюк Мария Иовна (09.1934 г. – 20.06.2020 г.). Родилась и прожила всю жизнь в д. Дубое. Образование неизвестно, вероятно, 4 класса. Работала в детском доме для инвалидов, который располагался в деревне.

Запись сделана в гостях и содержит воспоминания о том, как горела деревня во время войны.

ба́бушка родыла́ його́ / тыгда́ / Го́мильс... оны́ в Го́мильскуй о́бласци
булы́ // а на́ша сымйа́ // ўот я ны зна́ю как / ўрэ́мне как ўот по́койный
дя́дько Дини́с / мый ужэ́ брат // дэ́ оны́ нахо́дылыс ф тойе́ врэмйэ́ но
по́мню / кыгда́ на́ша дирэ́вня у со́рок трэ́тём год⁸у згорéла / спалы́лы ны
не́мцы / а спалы́лы партиза́ны //

Да? А почему?

аны́ прóсто / панима́иж зробы́лы в дирэ́вне пьды́рыў // на́шы их
наловы́лы ни́мци / и оны́ шоб поўти́каты от ни́мца / то запалы́лы в э́тому
дворі́ дэ́ Ве́рка жывэ́ ту́тка // в э́тум дворі́ солóму // а я ж бу́ла подро́сток
тогда́ / молоты́л(ы) са́мэ ле́то було́ / солóмы мно́го / жы́то молоты́лы //
ко́ньмы / ко́ны / запра́глы // и така́ молоты́лка кругóм воды́лы / и о такэ́ /
по́мнитца мни война́ э́та ўсе́ //

⁸ В этой словоформе произносится монофтонг более низкого подъема, чем [y], что отличается от других примеров с *е в новозакрытом слоге перед твердыми согласными.

Літэратура

- Клімчук 1983 — *Ф. Д. Клімчук*. Гаворкі Заходняга Палесся: Фанетычны нарыс. Мн.: Навука і тэхніка, 1983. 128 с.
- Посылкіна 2020 — *М. А. Посылкіна*. Проблемы описания диалектной системы индоевропейского языка в сравнительно-историческом аспекте: магистерская диссертация: РГГУ, Москва, 2020 (рукопись).
- Хвагіна 2005 – *Т.А. Хвагіна*. Палессе ад Буга да Убарці. Мінск, “Вышэйшая школа”, 2005. 144 с.

Summary

Marya A. Posylkina

Samples of the dialect of the village of Duboe (Pinsk district, Brest region, Belarus Republic)

This article provides a list of dialect texts of the Polesie region. The recordings took place in Dubaye village, Pinsk District, in 2015 and 2018. Beforehand there is a common idiom description given.

Научное издание

**Исследования по славянской диалектологии.
21–22**

М.: Институт славяноведения РАН, 2020. – 168 с.

Утверждено к печати Ученым советом
Института славяноведения РАН

Отв. редактор серии: *А. Ф. Журавлев*
Отв. редактор выпуска: *Д. Ю. Ващенко*

Компьютерная верстка: *М. Н. Толстая*
Обложка: *М. И. Леньшина, М. Н. Толстая*

Подписано в печать 15.12.2020. Усл. печ. л. 9,77.
Формат 60×84¹/₁₆. Тираж 500 экз. Заказ № 24.
ООО «Пробел-2000»
121069 Москва, ул. Поварская, д. 36